

Выпуск 4 (13) 2019

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ISSN 2219-5254

ISSN 2500-2791 (online)

Вестник Ивановского государственного университета

ISSN 2219-5254
ISSN 2500-2791 (online)

ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Гуманитарные науки»

Вып. 4, 2019

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-60993 от 5 марта 2015 г.

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»:

Е. М. Тюленева, д-р филол. наук
(главный редактор серии)

О. С. Горелов, канд. филол. наук
(ответственный секретарь)

Н. Ю. Гвоздецкая, д-р филол. наук
(Россия, Москва)

А. И. Жеребин, д-р филол. наук
(Россия, Санкт-Петербург)

А. А. Житенев, д-р филол. наук
(Россия, Воронеж)

Ф. И. Карташкова, д-р филол. наук

Ю. Л. Цветков, д-р филол. наук

З. А. Харитончик, д-р филол. наук
(Беларусь, Минск)

В. М. Тюленев, д-р ист. наук

Д. И. Польшинный, д-р ист. наук

В. Л. Черноперов, д-р ист. наук

К. А. Юдин, канд. ист. наук

А. А. Федотов, д-р ист. наук

Ф. А. Селезнев, д-р ист. наук
(Россия, Нижний Новгород)

М. В. Белов, д-р ист. наук
(Россия, Нижний Новгород)

Ц. Й. Степанов, д-р ист. наук
(Болгария, София)

Е. В. Маринова, д-р филос. наук
(Болгария, София)

Г. С. Смирнов, д-р филос. наук

Д. Г. Смирнов, д-р филос. наук

В. Н. Финогентов, д-р филос. наук
(Россия, Орёл)

Р. Я. Подоль, д-р филос. наук
(Россия, Рязань)

Д. И. Дубровский, д-р филос. наук
(Россия, Москва)

А. Ю. Алексеев, д-р филос. наук
(Россия, Москва)

Адрес редакции (издательства):

153025 Иваново, ул. Ермака, 39, к. 462
тел./факс: (4932) 93-43-41
e-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Подписной индекс в каталоге
«Пресса России» 41512

Электронная копия журнала размещена
на сайтах www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

© ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет», 2019

ISSN 2219-5254
ISSN 2500-2791 (online)

IVANOVO STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series «The Humanities»

Issue 4, 2019

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered in the Federal Agency for the Oversight in the Sphere of Communication, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)
Registration certificate III № ФЦ77-60993 of March 5, 2015

Founded by Ivanovo State University

EDITORIAL BOARD OF THE SERIES «THE HUMANITIES»:

E. M. Tyuleneva, Doctor of Philology
(Chief Editor of the Series)

O. S. Gorelov, Candidate of Science,
Philology (Secretary-in-Chief)

N. Yu. Gvozdetskaya, Doctor of Philology
(Moscow)

A. I. Zherebin, Doctor of Philology
(Russia, Saint-Petersburg)

A. A. Zhitenev, Doctor of Philology
(Russia, Voronezh)

F. I. Kartashkova, Doctor of Philology

Yu. L. Tsvetkov, Doctor of Philology

Z. A. Kharitonchik, Doctor of Philology
(Belarus, Minsk)

V. M. Tyulenev, Doctor of History

D. I. Polyvyanny, Doctor of History

V. L. Chernoperov, Doctor of History

K. A. Yudin, Candidate of Science, History

A. A. Fedotov, Doctor of History

F. A. Seleznev, Doctor of History
(Russia, Nizhny Novgorod)

M. V. Belov, Doctor of History
(Russia, Nizhny Novgorod)

C. Y. Stepanov, Doctor of History
(Bulgaria, Sofia)

E. V. Marinova, Doctor of Philosophy
(Bulgaria, Sofia)

G. S. Smirnov, Doctor of Philosophy

D. G. Smirnov, Doctor of Philosophy

V. N. Finogentov, Doctor of Philosophy
(Russia, Orel)

R. Ya. Podol, Doctor of Philosophy
(Russia, Ryazan)

D. I. Dubrovsky, Doctor of Philosophy
(Moscow)

A. Yu. Alekseev, Doctor of Philosophy
(Moscow)

Address of the editorial office:

153025, Ivanovo, Ermak str., 39, office 462
tel./fax: (4932) 93-43-41
e-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Index of subscription
in the catalogue «Russian Press» 41512
Electronic copy of the journal can be found
on the web-sites www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

- Страшнов С. Л.** О демократизме «книги про бойца» А. Твардовского 5
- Фархутдинова Ф. Ф.** Функции лингвокультурных деталей в сатирических произведениях (М. Булгаков «Роковые яйца») 13

История

- Балдин К. Е.** Роль сельскохозяйственных складов в земской агрономической деятельности в начале XX века (На примере Костромской губернии) 25
- Евсеев В. А.** Материальный быт городского общества по «Кентерберийским рассказам» Дж. Чосера 33
- Ковров Т. А.** Из повседневной деятельности городских общественных банков Владимирской и Костромской губерний 45
- Орешкин О. Ю.** Опыт реализации государственной кадровой политики в системе торговли СССР в первой половине 1930-х гг. на примере работы торговой сети Владимирской межрайонной базы Ивановской областной конторы Торгсин 52
- Панин А. С.** «Обнаружилась могила чудесным образом...» (Почитание могил как внешнее проявление народной религиозности в XX веке) 58
- Юдин К. А.** А. А. Корников — ученый, педагог, интеллигент (к 70-летию юбилею) 62

Философия

- Смирнов Д. Г.** Культура когнитивной безопасности: семиодинамика образа в символической политике 73

Рецензии

- Тихомиров В. В.** Ценное научное исследование. Рец. на кн.: Буданова И. Б., Жилякова Э. М. А. Н. Островский — переводчик итальянских драматургов. Томск : Изд-во ТГУ, 2018 83

Сведения об авторах 86

Информация для авторов
«Вестника Ивановского государственного университета» 88

CONTENTS

Philology

- Strashnov S. L.** About the democratism of «books about the soldier»
by A. Twardowsk 5
- Farkhutdinova F. F.** The lingvocultural details functions in a satirical literary
works (based on the materials of M. Bulgakov «Fatal Eggs» 13

History

- Baldin K. E.** The agricultural warehouses in agronomic activities of Zemstvo
in Kostroma province in the early 20th century 25
- Yevseyev V. A.** The material aspects mode of life of English society
in the «Canterbury Tales» of G. Chaucer..... 33
- Kovrov T. A.** From the daily activities of city public banks of the Vladimir
and Kostroma provinces 45
- Oreshkin O. Yu.** Experience of the implementation of the state personnel policy
in the trade system of the USSR in the first half of the 1930s on the example
of the operation of the trade network of the Vladimir Inter-District Base
of the Ivanovo Regional Office Torgsin 52
- Panin A. S.** «A tomb became a miracle...» (Worship of graves as an outward
manifestation of popular religiosity in the XX century) 58
- Yudin K. A.** A. A. Kornikov — scientist, teacher, intellectual
(to the 70th anniversary) 62

Philosophy

- Smirnov D. G.** Cognitive security of culture: image semiodynamics
in the symbolic policy 73

Reviews

- Tikhomirov V. V.** Valuable scientific research. Book review: Irina B. Budanova,
Emma M. Zhilyakova. A. N. Ostrovsky — translator of italian playwrights.
Tomsk: Tomsk State University, 2018 83
- Information about the authors* 86
- Information for the authors of «Ivanovo State University Bulletin»* 88

ББК 83.3(2=411.2)6-3

С. Л. Страшнов

О ДЕМОКРАТИЗМЕ «КНИГИ ПРО БОЙЦА» А. ТВАРДОВСКОГО

С самого начала в работе акцентируется внутренняя свобода героя, инициативность этого представителя фронтового братства. Человек из массы явно самоуправляем, что становится инстинктивным проявлением демократии. Далее показано, как улавливает поэт развитие личностного начала, характерное для военного времени. В числе прочего оно сказывается в открытом авторском самовыражении. Подобное понимание «книги про бойца» дает основания для полемики с теми, кто настаивал на эпичности произведения. В статье подчеркнута, что эпос у Твардовского сближается с лирикой, частное и всенародное объединяются в трагической гармонии. Сходные — автономные, но и родственные — отношения связывают автора с читателями-современниками, которые духовно росли вместе с ним, вместе с главным героем. В выводах говорится, что демократизм, отличающий текст, многогранен. Помимо выделяемых обычно массовидной простоты героя и слога, он воплощен в самостоятельном, многосложном, меняющемся характере Теркина, других болеющих за родину персонажах, авторско-читательских контактах. Сказывается он и в жанре книги — раскованного художественного образования, питаемого впечатлениями газетчика и стихией народного речевого поведения, — а также в воссоздании подробностей низовой жизни и в доступно-развивающем стиле.

Ключевые слова: А. Твардовский, «Василий Теркин», герой и автор, эпос и лирика, контакты с читателями, демократизм.

From the very beginning, the author emphasizes the inner freedom of the main character, the initiative of this frontline combat comradery representative. A man from the masses is obviously self-governing, which becomes an instinctive manifestation of democracy. Further, it is shown how the poet captures the development of personality, characteristic for the wartime. Among others, it is being revealed in open author self-expression. Such understanding of the “book about the warrior” provides basis for polemics with those who has insisted on the epic nature of the work. The article emphasizes that Tvardovsky’s epos is approaching lyrics, the private and the national are being united in a tragic harmony. Similar — autonomous, but also kin relationships, connect the author with contemporary readers, which were spiritually growing with him, with the main character. In the conclusions it is said that the democratism that distinguishes the text, is multifaceted. Besides the usually highlighted mass simplicity of the hero and syllable, it is implemented in the independent, complex, changing nature of Terkin, other characters who are rooting for their homeland, and author-reader contacts. It is also being implemented in the genre of the book — an uninhibited art formation, fueled by the impressions of a newspaper journalist and the element of folk speech behavior — as well as in the recreation of the details of the lower life and in an accessible-developing style.

© Страшнов Л. Л., 2019

2019. Вып. 4. ●

Key words: A. Tvardovsky, “Vasily Terkin”, hero and author, epic and lyrics, contacts with readers, democracy.

На войне, которая почти сразу же была названа Отечественной, неизбежно возникала потребность в поэзии не просто мобилизующей, но воссоздающей модели духовного единения, зарождавшиеся по преимуществу стихийно. Естественнее, раньше и многообразнее остальных удалось это воплотить А. Твардовскому в «книге про бойца». Первые ее замыслы относятся к апрелю 1940 года и питаемы свежей памятью о финской кампании. Уже тогда был счастливо схвачен тип героя — любимца, выделяющегося в массе и одновременно похожего на всех, а в стиле наметилась будущая раскованность.

Выступая спустя всего несколько дней после возобновления работы с отчетом на военной комиссии Союза писателей СССР, автор счел необходимым специально отметить внутреннюю свободу заглавного персонажа: «В сцене в палате размышления выздоравливающего Теркина о награде отличают его от тех героев, которые существуют в нашей печати, именно тем, что он совершенно свободно высказывается обо всем — ему незачем поступать иначе» [7, с. 444]. Многократно и справедливо утверждалось, что поэт изображает своего героя, как правило, в цепи, в строю. Но сколько в книге глав, где он вынужден действовать в одиночку, не ожидая указаний сверху: «Переправа», «Теркин ранен», «Поединок» — и это, не считая эпизодических сцен и тех развернутых ситуаций, когда он берет инициативу в свои руки. В таких случаях и обнаруживается особенно убедительно непоказанная уверенность бойца в себе.

Присутствие духа, достоинство, юмор Теркин не теряет не только в положениях, грозящих гибелью, но и в психологически не менее, может быть, сложных сценах общения с вышестоящими чинами. «С улыбкою неробкой» [10, т. 2, с. 181] и словами, которые ей под стать, обращается он после переправы к полковнику и так же спокойно реагирует затем на вызов к генералу:

— Теркин, сроку пять минут.

— Ничего. С земли не сгонят,

Дальше фронта не пошлют [10, т. 2, с. 236].

Теркин нигде не становится ведомым — он сам себе и другим политрук, причем не в качестве надзирателя, как это опасно намечалось в первых редакциях, и даже не в идеологическом, а в сугубо человеческом смысле («Я одну политбеседу Повторял: — Не унывай» [10, т. 2, с. 169]).

Герой понимает, что именно на таких, как он, чернорабочих войны, держится фронт, что такие, как он, незаменимы, но отнюдь не бравитует этим — просто имеет здравую самооценку, собственную гордость. Он понимает непреложность приказов, уважает своих командиров, о чем свидетельствует хотя бы глава «Генерал», но прям и смел потому, что в годы Великой Отечественной войны субординацию ощутимо потеснило или, по крайней мере, дополнило отнюдь не декретированное да и не слишком поощряемое властью фронтовое братство — сочувствие и доверие, общий долг и естественное родство, связавшие воинов разных званий и поколений, а отнюдь не ранжирующее их (значимо такое пояснение: «Не затем, чтоб он стоял Выше в смысле чина» [10, т. 2, с. 325]). Образом Теркина, «несущем в себе <...> — по словам А. Твардовский — национальное без нажима, веселое не по уставу,

живое, мудрое и трогательное» [11, с. 197], автор снимает абсолютное вроде бы противоречие между независимостью и подчиненностью солдата.

Многочисленные персонажи книги не однотипны — тем не менее «Сборный, смешанный народ» [10, т. 2, с. 282] связывает на войне ответственность «за все на свете» [10, т. 2, с. 182] как инстинктивное выражение демократии. При этом автор подчеркивает, что старшинство в армии сражающейся — категория весьма относительная, высказываясь на сей счет в строках, не вошедших, к сожалению, в окончательный текст: «Но над каждым генералом, Кто бы ни был он такой — Есть другой — большой над малым — А над тем еще другой. А над тем другим, что старше, Есть ступень — хотя б одна. И над самым старшим — маршал И над маршалом Война...» [8, с. 386].

В решающий для страны час, когда само ее руководство осознало зависимость от воли, решимости и силы народа, никто не смог поставить себя над Войной, а тем более над Жизнью, которая всегда «больше войны» [10, т. 4, с. 159]. Вот почему, между прочим, нет в «книге про бойца» ни имени того, главного, маршала, ни славословий в его честь. Вот почему в центре его произведения — человек самый бранный и самый здешний; так было задумано еще в 1940 году: «В нем пафос пехоты, войска самого близкого к земле, к холоду, к огню и смерти» [10, т. 4, с. 182]. По роду службы и по духу своему Василий Теркин наиболее чуток к законам войны и жизни. Ему все сподручно, везде удобно — в особенности в кругу боевых товарищей. Он всегда нужен, всеми любим. В каждом деле он мастак, умелец, он может развести пилу, сыграть на гармонии, починить часы, готов построить дом, сложить печь. Но сейчас — воюет, и делает это так же спокойно и мастеровито.

Надо сказать, что автору чрезвычайно необходима конкретная встреча генерала, который «Перед тем в глаза не видя, Посылал на смерть людей» [10, т. 2, с. 240], с одним из его подчиненных. Причем высший стратегический ум, которого так недоставало порой на полях сражения иным полководцам, представляет в произведении прежде всего Теркин. Искренней шуткой, толковым советом, собственным поведением в бою показывает герой, как надо беречь жизнь, сражаясь за нее. Оптимизм и нравственное здоровье Теркина — от сознания правоты, чувства реальности, долга перед людьми, перед родной землей, всеми поколениями соотечественников. На войне Василий Теркин заодно со многим, и именно поэтому так смел, неуязвим, свободен и обаятелен.

Понятно, что при той «“всеобщности”» содержания» [10, т. 5, с. 129], которую ввел в себя знаменитый образ, его собственные качества не ему одному принадлежали. Это «святой и грешный, Русский чудо-человек» [10, т. 2, с. 292] — национальный тип, ведущий свою родословную от бытовой солдатской сказки. Его окружают однополчане, собраты, даже двойники, однако и они вовсе не тавтологичны на общинный склад. Теркин воплощает герой и широкое развитие личностного начала, происходившее во время войны. Василий Теркин не столько эпический тип, который по происхождению и природе своим безынициативен (см. об этом: [1, с. 422, 425]), сколько личность, возникающая в людском сообществе, развивающаяся вместе с ним.

Герой вбирает в себя столько, что как будто бы отпадает необходимость в лирическом сопровождении. Однако именно в «книге про бойца» автор выступает так свободно и открыто, как никогда прежде. Первая часть произведения дает основания и для того, чтобы ощущать автономность,

разделение сфер (глава «На привале»), и для того, чтобы считать: подчас (в главе «О войне», к примеру) Теркин говорит, как поэт. Но постепенно намечается не только взаимопроникновение («Шел *наш*¹ брат, худой, голодный...» [10, т. 2, с. 168]) — завязываются новые контакты. Сначала они проявляются в форме комментариев и поправок автора к высказываниям персонажа. В главе «О награде» он исподволь спорит с Теркиным, ставит под сомнение некоторые его реплики (ср.: «Не загадывая вдаль» и «Загадал ты, друг, немало, Загадал далеко вдаль» [10, т. 2, с. 194, 195]), но, пожалуй, лишь для того, чтобы прояснить читателям скрываемые им от товарищей чувства: «Где девчонки, где вечерки? Где родимый сельсовет? *Знаешь сам*, Василий Теркин, Что туда дороги нет» [10, т. 2, с. 195]. Позднее, во второй части, в разговоре с генералом, их прямо обнаружит и герой («трудна дорога Нынче к дому моему» [10, т. 2, с. 239]). И тут же, в лирической главе «О себе», его слова подхватит автор, отстаивая право на собственное место в трагической летописи: «Я дрожу от боли острой, Злобы горькой и святой. Мать, отец, родные сестры У меня за той чертой» [10, т. 2, с. 245]. Образы и мотивы объединяются — в том числе интонационно.

Приватность теперь не исключается, как в середине 1930-х годов, — наоборот, отстаивается в качестве права на неповторимость, самовыражение Лирика «родных мест» [10, т. 6, с. 147] сопряжена в главе «О себе» не с процессом взросления-забвения, знакомого по стихотворению «Поездка в Загорье», — частную жизнь захватывает здесь тревога общая: «Край недавних детских лет Отчий край, ты есть или нет?» [10, т. 2, с. 243]. Вот почему эта откровенная (прежде всего на фоне строф начальных, отчасти довоенных, где преобладало повествование от лица персонажа) глава все-таки не сугубо личная. Лирическая сила направляется не на обособление, а на особые связи с героем. В книге постоянно происходит как бы речевой и духовный обмен, наблюдается богатство взаимопереходов.

«Василий Теркин» далеко уже отстоит от того нивелирующего слияния, которым отмечены многие стихотворения «Сельской хроники», — для «книги про бойца» характерна не цельность как итог нерелексивующего самоуничтожения, а союз индивидуальностей, несходных, но близких. Это существенно влияет на жанровую специфику произведения и выражается в них. Свободны не только ритмика, речь и структура текста — по-особому свободен и жанр: он как бы никакой и всеобщий — не поэма, «не повесть или роман в стихах, то есть не то, что имеет свои узаконенные и в известной мере обязательные сюжетные, композиционные и иные признаки» [10, т. 5, с. 125], а книга — образование становящееся, незавершаемо разноплановое, тогда как до войны оно, напротив, складывалось в виде формы готовой, не чуждой лубочности и фельетонности.

В 1980-е годы, пока еще о Твардовском писали много и охотно, возобладало толкование «Василия Теркина» как народной или народно-героической эпопеи, что декларировалось уже заголовочно (см.: [3; 5]). В указанной и последующей статьях П. С. Выходцева вывод, вполне закономерно, подкреплялся последовательной деперсонализацией на разных уровнях: «Индивидуализация Теркина — это скорее элемент стиля, чем сущности героя» [5, с. 93], и потому он исключительно «национальный тип» (см.: [5,

¹ Авторские акценты в цитатах выделяются полужирным шрифтом, наши — курсивом.

с. 99]); автор — «певец-рапсод, певец-сказитель. Образ несомненно обобщенный» [6, с. 32—33], а голоса героя, автора и читателя сливаются так, что создают «монолитность всего многоголосия «Книги про бойца»» [6, с. 34].

Однако образ Василия Теркина — отнюдь не персонификация миллионов, какую в эпоху военного коммунизма В. Маяковский представил в былинном Иване, и не воплощение патриархальности, реанимированной колхозной поэмой 1930—1940-х годов. Это самостоятельный характер, вобравший в себя полноту национального бытия в один из самых демократичных периодов советской истории. Демократия предполагает отношения диалогические, а подлинный диалог, по Бахтину, возможен только между личностями (см.: [2, с. 310—312]). В «книге про бойца» главный герой с автором именно-таки контактируют. Соответственно, мощным эпическим началом состав произведения не ограничивается: эпос, причем романного, а не эпического типа (об их контрасте см. у того же Бахтина [1, с. 401—405]), сближается с лирикой, частное и всенародное объединяются в трагической гармонии.

То есть текст представляет собой свободную форму и в смысле естественного перетекания автора в Теркина, других персонажей, «своего» в «твое» — и обратно. Эта нравственная и духовная диалектика, облик не мифологизированного и уже не уравнительного коллективизма, открытый чуть ли не изначально (например, в главах «Теркин ранен», «Гармонь»), это обретенное почти сразу чувство доверия, обоюдной необходимости, сохраняются до самого конца повествования, намечая то, из чего концептуально вырастет поздняя реалистическая, лишенная даже намек на эгоцентризм, лирика А. Твардовского: «С кем я только не был дружен С первой встречи близ огня. Скольким душам был я нужен, Без которых нет меня [10, т. 2, с. 329].

Такое говорится автором, конечно, от себя, но сказано как будто бы и от имени Теркина, если иметь в виду его отношения с читателями-фронтовиками. «Василий Теркин» — произведение открытое для читательского сотворчества. Оно и понятно: текст никак не предназначалась для сугубо эстетической оценки, сугубо литературных кругов, что было разгадано мгновенно, поскольку в книге очевиден «стилевой демократизм» [3, с. 68]. Она направлялась туда же, где зарождалась, — в массы, в изустный солдатский обиход. Поэт сам «стремился к тому, чтобы люди узнавали себя в моем Василии Теркине» [10, т. 6, с. 116], и был вознагражден, получая в письмах немало подтверждений того, что задуманное удалось: «Мы втроем — Вы, наш герой и я — вместе прошли нелегкий путь войны от Москвы до Берлина, вместе делили горечь больших и малых поражений и радость величайшей победы, какую когда-либо испытывал человек» (К. Бензарь [9, с. 315—316]); «Василий Теркин полезен и **нужен**. Над некоторыми строками иной боец крепко призадумается и более здраво смотрит на происходящее, активнее действует» (А. Титенков [9, с. 246]). О собственном родстве с героем сообщали автору и многие другие. Поэтому неудивительно, что, признав Теркина своим, бойцы почувствовали возможность и право советовать поэту, дополнять и даже подталкивать его, как случилось, к примеру, после завершения в 1943 году второй части поэмы, где Твардовский «поставил было точку» [10, т. 5, с. 128]. Отзывы читателей (слушателей) автор воспринимал как глас народа и даже в стихотворных подражаниях или «продолжениях» видел «как бы современный письменный фольклор» [10, т. 6, с. 211].

Взаимодействие с читателями питало книгу — творение беспрецедентно коллективное, по-новому синкретическое. Причем, надо сказать, что она возникала не только из солдатских прибауток и баек, самодеятельного стихосложения, традиционного и современного, но также из текущей, в изрядной степени дидактической, прессы, даже из непритязательной массовой культуры. И хотя в статье «Как был написан “Василий Теркин”» (1951) читательская армия привлекает автора монолитностью, уже фронтовой, а не только послевоенный поклонник поэта многослоен, «всякий на поверку» [10, т. 3, с. 319], как будет замечено в поэме «За далью — даль». Кроме людей, воспринимающих главы простодушно, тоже высоко ценимых автором, постоянно давали о себе знать и те, кто, как мы видели и еще убедимся позднее, духовно рос, подобно главному герою, откликаясь не только, скажем, на комическое, но и на остро драматическое в произведении. Бедствие и подвиг, горечь и оптимизм, быт и высочайшая духовность соединяются у А. Твардовского почти в каждой главе, образах главного героя и автора. Отсюда — цельность «книги про бойца» при удивительной даже для самого поэта идейно-эмоциональной амплитуде. Отсюда — распространенные читательские представления о том, что «Василий Теркин» — это «энциклопедия жизни русского солдата в период Отечественной войны» [9, с. 294].

В чем-то такие оценки вызваны, несомненно, широтой и убедительностью изображения повседневной фронтовой жизни, «богатейшей реальности переднего края» [11, с. 352]. А. Твардовский признает и раз за разом убеждает в первостепенности как будто бы самого элементарного: шинели, кисета, землянки, песни и бесчисленно другого. Всё это составляет основные бытовые практики, присущие самому демократичному роду войск — «матушке-пехоте» [10, т. 2, с. 259]. Обыденность воссоздается подробно и без прикрас: с деликатной улыбкой упоминается даже про «малую нужду» [10, т. 2, с. 187] и вошь. Учтено, действительно, многое, — вплоть до предполагаемого бытования строчек в последующем мирном обиходе: «Пусть нас где-нибудь в пивнушке Вспомнит после третьей кружки С рукавом пустым — солдат» [10, т. 2, с. 330]. Однако недаром в шутовском стихотворении «Из писем» (1945) поэт бросил о своей книге: «Я всего того не вспомню, Что забыл отметить в ней» [10, т. 2, с. 155] — в самом деле, какие-то стороны войны приоткрылись только в «Доме у дороги», а затем в поэмах «Теркин на том свете» и «По праву памяти».

И, наверняка, прав оказался Н. Вильям-Вильмонт, фактически поддержавший в 1946 году Твардовского, — подчеркнувший, что он «скорее **поэт-историк**, нежели бытописатель» [4, с. 200]. Уже в прологе перечень перечислений самого насущного (вода, пища, шутка) завершается правдой, «в душу бьющей, Да была б она погуще, Как бы ни была горька» [10, т. 2, с. 160]. Принцип построения «книги про бойца» не экстенсивный и даже не хронологический (не случайно же фабульным ее центром стал «некий <...> Населенный пункт Борки» [10, т. 2, с. 246]), но исторический. В ней мало противопоставлений, но зато много развития — прежде всего в образах главного героя и автора, их отношениях между собой и с другими персонажами.

Согласимся: герой всюду один и тот же — Василий Теркин — тот, чье имя стало нарицательным. Однако от одной части текста к другой трансформируются доминанты образа. Твардовский находит нужным специально подчеркивать это, выстраивая ряд перекликающихся ситуаций. Сравнив главы «Бой в болоте» и «Перед боем», «На Днепре» и «Переправа», «Дед и баба»

и «Два солдата», без труда замечаешь, в каком ключе меняется общая тональность. Минорные мотивы нарастают, хотя драматизм фабулы, батальных сцен как раз ослабляется. В последних главах войска обрели силу и уверенность, люди прониклись тем бодрым духом, который в самые тяжелые времена излучали слова и поступки Теркина. Вступив на днепровский берег, его однополчане наперебой шутят, балагурят вполне по-теркински, «Но уже любимец взводный — Теркин, в шутки не встревал. Он курил, смотрел нестрога, Думой занятый своей. За спиной его дорога Много раз была длинней. И молчал он не в обиде, Не кому-нибудь в упрек, — Просто, больше знал и видел, Потерял и уберег...» [10, т. 2, с. 305].

Теперь герой вбирает всё. Он далеко ушел от Теркина второй главы, оптимизм которого оплачивался забвением, отключением от безутешных воспоминаний («И едва ль герою снится Всякой ночью тяжкий сон <...> Спит, забыв о трудном лете» [10, т. 2, с. 165]). Там его свобода сказывалась прежде всего в уверенности, самостоятельности, инициативе — здесь она проявляется в богатстве и глубине переживаний, возмужании, самодвижении характера. Такого Теркина Васей, как тогда (см.: [10, т. 2, с. 165]), уже не назовешь. До третьей части текста его духовная энергия чаще была обращена вовне — к людям, остро нуждающимся в поддержке, защите и воодушевлении. Но одновременно и постепенно, начиная с глав «Перед боем», «О герою», «Генерал», главы «О любви», где обделенный любовью Теркин оказывался иногда как бы за пределами общего круга, накапливаются в книге сиротские мотивы. В главе «На Днепре» они прорвались наружу, стали определяющими. Герой погружается в себя. Он воплощает не только роевое, но и одинокое существование человека. В концовке от первоначальной беспроblemности («Ясно все до точки» [10, т. 2, с. 183]) не осталось и следа. Герой пребывает в душевной смуте и духовном поиске. Сознание повзрослело.

У земляков — героя и автора — общая судьба: «Я ограблен и унижен, Как и ты, одним врагом» [10, т. 2, с. 245], — восклицает поэт. Священная борьба с завоевателем одинаково раскрепощает, одухотворяет всех. Но свобода на такой войне и ограничена — хотя бы линией фронта, смешана с оскорбленными национальными чувствами, виной перед страдающими в плену соотечественниками. Впрочем, стесняя, вина, конечно же, одновременно, как любая рефлексия, еще и развивает личность. Это переживание у каждого свое, глубоко спрятанное, но в нем же — особый источник общности. Ослабляя фабульную напряженность, Твардовский заостряет драматизм психологический. Во второй половине поэмы он последовательно измеряет глубину «всенародно-исторического бедствия» [10, т. 1, с. 26], и ему становится недостаточно одного Теркина, пусть уже и плачущего порой, однако холостого и бездетного. Поэт пишет главу «Про солдата-сироту», самую трагическую во всей книге, — о человеке с индивидуальной судьбой — и главу «О себе». Образ народа, представленный сначала прежде всего Теркиным, затем многократно расширяется и углубляется.

Задумывая образ Василия Теркина, поэт прекрасно улавливал потребность читателей-фронтовиков в таком, хотя бы и фельетонном, персонаже, и все же почти сразу сумел подняться над непосредственными запросами, у некоторых его поклонников достаточно неприятными: ведь даже в главе «На привале» Теркин не только прост, но и загадочен. По мысли А. Твардовского, усложнение героя отвечало усложнению читателей, но возникало и обратное движение: расширяя зоны своего духовного влияния, внутренне

обогащаясь, Василий Теркин развивал и тех, кто его искренне полюбил. Так протекало прежде всего в тексте произведения, где теркинские свойства расходятся, растворяются в других персонажах (главы «Смерть и воин», «Теркин — Теркин», «По дороге на Берлин», «В бане»), но такое же наблюдалось и в самой жизни, в читательской среде, где постепенно утверждалось объемное и многозначное понимание книги, потому что, как сказано в письме А. Блинова, «связанность смертью искусственно не вызовешь» [9, с. 345].

А. Родин — один из постоянных корреспондентов Твардовского — рассказывал поэту в мае 1945 года: «Услышал только конец главы “Про солдата-сироту” и главу о том, как Теркин в Германии нашей русской матери подарил повозку с лошадей. Вы опять написали то, чего никто еще не писал. Все писатели пишут как-то захлебываясь. А Вы с такой огромной душой единственный показали наше торжество: торжество русского солдата, нашу человечность, а не заносчивую гордость и то, что где бы мы ни проходили, мы всегда были и остаемся людьми. Хорошо!!!» [9, с. 298]. А вот другой отзыв, пришедший от Д. Талалаева через три года после Победы: «Я вижу в Ваших юмористических строках скрытую силу, которой мы — ну, малограмотные, на первый раз и не заметим. В печальных — великую красоту и величие русской души, которая вливается в нас больше другой беллетристики» [9, с. 372].

Демократизм самого знаменитого произведения А. Твардовского многогранен. Помимо отмечаемых обычно массовидной простоты героя и слога, он воплощен прежде всего в самостоятельном, многосложном, меняющемся характере Теркина, других болеющих за родину персонажах, авторе, читателях, отношениях между всеми ними, автономными и родственными. Сказывается он и в жанре книги — свободной, питаемой впечатлениями газетчика и стихией народного речевого поведения — и в воссоздании подробностей низовой жизни, и в доступно-развивающем стиле. Однако этот демократизм и не всеобъемлющ: он почти лишен критицизма (например, заготовленные были строки о сверхпредусмотрительном начальстве, о бдительной цензуре поэт отложил до «Теркина на том свете»), и даже идея свободы выражается без заметной, осознанной политизации. Однако ослабляя сатиру, самоиронию, аналитичность, которая гораздо сильнее скажется в параллельно складывавшейся прозаической «Родине и чужбине», Твардовский приводил поэтический текст в соответствии с природой собственного замысла, для которого куда естественней, в частности, были юмор и синтез.

Закончив свое повествование, автор явно не желал преувеличивать его значение («Час настал, войне отбой, И как будто устарели Тотчас оба мы с тобой» [10, т. 2, с. 327]). Он радовался уже тому, что сумел закрепить стихом историческую «преходящность» [11, с. 209] жизни, запечатлеть ту неповторимую атмосферу, которой дышали фронтовики. Но смысл «Василия Теркина», разумеется, гораздо шире. Не только «на войне живущим людям» [10, т. 2, с. 329] стало теплей от этой книги — она и сейчас излучает неиссякаемую сердечность. Она притягивает к себе той удалью, которая от века присуща русскому человеку, и потрясает трагизмом, выпадающим нередко на его долю. Она дарит нам общение с личностями, цельными и ищущими, едиными с соотечественниками и независимыми, узнаваемыми и нестандартными.

Библиографический список

1. Бахтин М. Литературно-критические статьи. М. : Художественная литература, 1986. 543 с.
2. Бахтин М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. 424 с.
3. «Василий Теркин» А. Твардовского — народная эпопея. Воронеж : изд-во Воронежского ун-та, 1981. 192 с.
4. Вильям-Вильмонт Н. Заметки о поэзии А. Твардовского // Знамя. 1946. № 11/12. С. 198—213.
5. Выходцев П. С. «Василий Теркин» — народно-героическая эпопея XX века // Русская литература. 1986. № 1. С. 81—105.
6. Выходцев П. С. А. Т. Твардовский и народная художественная культура («Василий Теркин») // Творчество Александра Твардовского: Исследования и материалы. Л. : Наука, 1989. С. 5—42.
7. Из выступления А. Твардовского на заседании военной комиссии ССП с творческим отчетом о работе в период войны // Литература великого подвига: Великая Отечественная война в литературе. М. : Художественная литература, 1980. Вып. 3. С. 440—444.
8. Твардовский А. Василий Теркин: Книга про бойца. М. : Наука, 1976. 528 с.
9. Твардовский А. Василий Теркин: (Книга про бойца). Письма читателей «Василия Теркина». Как был написан «Василий Теркин» (Ответ читателям). М. : Современник, 1976. 694 с.
10. Твардовский А. Собрание сочинений : в 6 т. М. : Художественная литература, 1976—1983.
11. Твардовский А. Т. «Я в свою ходил атаку...» : Дневники. Письма 1941—1945. М. : Вагриус, 2005. 400 с.

ББК 83.3(2=411.2)6-117

Ф. Ф. Фархутдинова**ФУНКЦИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ДЕТАЛЕЙ
В САТИРИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
(М. Булгаков «Роковые яйца»)**

Анализ художественного текста предполагает обращение к информации, находящейся за пределами текста: это рассмотрение времени создания произведения, факты из биографии автора, его отношение к миру и прототипам героев. В структуру текста внетекстовая информация включается разными способами, в том числе и в качестве разнообразных лингвокультурных деталей. В статье анализируются функции лингвокультурных деталей, выявленных в сатирической повести М. А. Булгакова «Роковые яйца».

Ключевые слова: художественный текст, методика лингвокультурологического анализа, лингвокультурная ситуация, лингвокультурная деталь.

Analysis of a literary piece presupposes the use of the information which is beyond the text. To this we refer the time of creating of the literary piece, the data from the author's background, the author's attitude towards to the world and to the characters' prototypes. There are different ways of including extratextual (cultural) information into the structure of the text, with the help of various lingvocultural

© Фархутдинова Ф. Ф., 2019

details in particular. The lingvocultural details of M.A.Bulgakov's "Fatal eggs" are discussed, their functions in a satirical text are determined.

Key words: a literary piece, ways of lingvocultural analysis, lingvocultural situation, lingvocultural detail.

Лингвокультурологический анализ текста — направление, берущее начало в работах Л. В. Щербы, А. М. Пешковского, В. В. Виноградова. В настоящее время существует немало работ, посвященных методике и методологии лингвокультурологического анализа текста [15, 7, 11]. Базовым для большинства исследований является положение о том, что текст — результат индивидуального речетворчества, отражающий через авторскую картину мира черты времени своего создания и обладающий свойством интертекстуальности [15, с. 54]. Именно поэтому художественный текст можно рассматривать как источник информации о мире его создателя и о времени его возникновения.

Цель данной статьи — определить функции лингвокультурных деталей в сатирической повести М. А. Булгакова «Роковые яйца», используя возможности лингвокультурологического анализа художественного текста.

В известном письме И. В. Сталину М. А. Булгаков, обращаясь за разрешением выехать для лечения за границу, утверждал: «По общему мнению всех, кто серьезно интересовался моей работой, я невозможен ни на какой другой земле, кроме своей — СССР, потому что 11 лет черпал из нее» [4, с. 688]. Справедливость этого утверждения доказывается его творчеством 20-х годов. В его произведениях данного периода советская реальность переплетается с фантастикой и сатирой, идея божественной природы человека соединяется с представлением о дьявольском начале в повседневной жизни.

Повесть «Роковые яйца» впервые была опубликована в 1925 году под названием «Луч жизни», но в том же году писатель изменил ее название [5]. Название «Роковые яйца» выпадало из центральной линии номинаций, связанных с историко-революционной проблематикой 20-х годов («Чапаев» Д. Фурманова, «Разгром» А. Фадеева — время героев, побед и потерь), но в известной степени перекликалось с названиями произведений, связанных с продуктами питания («Шоколад» А. Тарасова-Родионова, «Соль» И. Бабеля). Известно, что названия произведений у Булгакова многозначны, о чем говорят исследователи его творчества. Эта многозначность присутствует и в названии «Роковые яйца». В нем есть отсылка к яйцам голых гадов, сыгравшим роковую роль не только в жизни главного героя, но и всей Советской страны. В нем есть переключка с именем персонажа (Александр Семенович Рокк), чей напор и энтузиазм в большой степени привели к событиям, ставшим роковыми для профессора Персикова и его ближайшего окружения. Некоторые исследователи связывают название повести со знаменитыми «Окнами сатиры РОСТА». По свидетельству современников, в одном из «Окон» появился материал под названием «О красном яичке»: это был рисунок, изображавший буржуя, который с удивлением смотрит на красное яйцо с надписью «РСФСР». Под рисунком стояла подпись Маяковского, к творчеству которого Булгаков проявлял интерес: «*Происшествие чрезвычайно неясное: снесено яичко, да не простое, а красное*» [9, с. 728].

В. Я. Лакшин назвал повесть «Роковые яйца» «емкой, прозрачной прозой» [8, с. 18]. История жизни профессора Персикова, одного из самых известных в мире специалистов по голым гадам, отражает судьбы многих

интеллигентов того времени: сформировавшийся как личность в царской России, он еще до революции остался одиноким (жена его сбежала с актером), трудно жил в годы Гражданской войны и военного коммунизма, потом стране потребовался его опыт преподавателя и талант ученого, и все вернулось в прежнее русло: работа, чтение лекций студентам, экзамены и т. д. Потом Персиков открыл луч жизни и прославился на весь мир. А потом появился Александр Семенович Рокк (небесспорная трактовка образа Рокка дана в: [6]), человек эпохи военного коммунизма, с маузером в желтой битой кобуре на боку. Именно он изымает у профессора Персикова прибор, который позволил совершить сенсационное научное открытие, чтобы использовать прибор с благой целью — ликвидировать как можно скорее последствия куриного мора, прокатившегося по всей стране, и восстановить поголовье кур в советской России. Но обычное невежество людей, отсутствие порядка в работе разных учреждений, характерная человеческая небрежность и халатность привели к тому, что яйца пресмыкающихся, заказанные за границей для научных экспериментов Персикова, и куриные яйца для быстрого восстановления поголовья домашней птицы были перепутаны. Это привело к катастрофе в масштабе всей страны. Экспроприированное добро не приводит к добру. Самим ходом действия Булгаков показывает, что появление бесчисленного количества гадов в теплицах совхоза «Красный луч» вместо ожидаемого изобилия цыплят — это закономерность. Жизнь мстит не только экспроприаторам, но и стране, где эти люди оказываются при деле. «Луч жизни», открытый профессором Персиковым, становится причиной смерти многих людей, в том числе, и самого ученого.

Сюжетная линия произведения в определенной мере прослеживается в названиях глав. Их 12: 1. КУРРИКУЛЮМ ВИТЕ ПРОФЕССОРА ПЕРСИКОВА; 2. ЦВЕТНОЙ ЗАВИТОК; 3. ПЕРСИКОВ ПОЙМАЛ; 4. ПОПАДЬЯ ДРОЗДОВА; 5. КУРИНАЯ ИСТОРИЯ; 6. МОСКВА В ИЮНЕ 1928 ГОДА; 7. РОКК; 8. ИСТОРИЯ В СОВХОЗЕ; 9. ЖИВАЯ КАША; 10. КАТАСТРОФА; 11. БОЙ И СМЕРТЬ; 12. МОРОЗНЫЙ БОГ НА МАШИНЕ. Названия глав разнотипны по структуре: словосочетания (например, главы 1, 2, 5), сочетания слов (глава 11), двусоставные предложения (глава 3). По своему лексическому наполнению названия глав тоже различаются. В одних из названий глав присутствуют только нарицательные слова (глава 2, 5, 8, 10, 11, 12), в других же встречаются собственные имена: антропонимы *Персиков* (глава 1), *Дроздова* (глава 4), *Рокк* (глава 7), топоним *Москва* (глава 6). Каждое из собственных имен, называющих персонажа произведения или место действия, выполняет свою роль в сюжете произведения. Имена *Персиков* и *Дроздова* являются приложениями к словам *профессор* и *попадья*. Вне всякого сомнения, включение в названия глав слов, называющих статус человека, нужно было и для передачи правды жизни (многоукладность в стране, прошедшей через социальные потрясения) и для доказательства посыла, важного для философии Булгакова: зачастую судьбы людей, даже не знающих о существовании друг друга, связаны между собой (позднее это было показано на судьбах заглавных героев романа «Мастер и Маргарита», а также Аннушки и Берлиоза). Успешная деятельность по разведению кур попадьи Дроздовой, жившей в одном из уездов Костромской губернии, и наступивший затем куриный мор круто изменили жизнь столичного профессора.

Тесно связанным с именами Персикова и Дроздовой оказалось и имя *Рокк*. Оно не имеет при себе поясняющих слов, что, конечно же, не случайно.

Об этом можно судить по первому появлению Рокка в тексте произведения. Вот как происходит первая встреча Персикова и Рока:

В дверь постучали.

— Ну? — спросил Персиков.

Дверь мягко скрипнула и вошел Панкрат. Он сложил руки по швам, и бледнея от страха перед Божеством, сказал так:

— Там до вас, господин профессор, Рокк пришел.

Подобие улыбки показалось на щеках ученого. Он сузил глазки и молвил:

— Это интересно. Только я занят.

— Они говорят, что с казенной бумагой с Кремля.

— Рокк с бумагой? Редкое сочетание, — вымолвил Персиков и добавил, — ну-ка, давай его сюда!

Чуткий к слову, образованный, интеллигент Персиков понимает ироническое звучание сочетания *рокк пришел*. Отсюда и подобие улыбки на его лице. Но пока еще он не представляет значения того, что пришел *рокк с бумагой из Кремля*.

Только в главе «История в совхозе» Булгаков дает читателю возможность узнать, почему именно Рокк пришел к Персикову за изобретением, каким образом Рокку удалось добыть бумагу из Кремля, чтобы завладеть изобретением Персикова.

«...некогда флейта была специальностью Александра Семеновича. Вплоть до 1917 года он служил в известном концертном ансамбле маэстро Петухова, ежевечерне играющем и оглашающим стройными звуками фойе уютного кинематографа "Вошебные грезы" в городе Одессе. Но великий 1917 год, переломивший карьеру многих людей, и Александра Семеновича повел по новым путям. Он покинул "Вошебные грезы" и пыльный звездный сатин в фойе и бросился в открытое море войны и революции, сменив флейту на губительный маузер. Его долго швыряло по волнам, неоднократно выплескивая то в Крыму, то в Москве, то в Туркестане, то даже во Владивостоке. Нужна была именно революция, чтобы вполне выявить Александра Семеновича. Выяснилось, что этот человек положительно велик, и, конечно, не в фойе "Грез" ему сидеть. Не вдаваясь в долгие подробности, скажем, что последний 1927 и начало 1928-го года застали Александра Семеновича в Туркестане, где он, во-первых, редактировал огромную газету, а затем, как местный член высшей хозяйственной комиссии, прославился своими изумительными работами по орошению Туркестанского края. В 1928 году Рокк прибыл в Москву и получил вполне заслуженный отдых. Высшая комиссия той организации, билет которой с честью носил в кармане провинциально-старомодный человек, сменила его и назначила ему должность спокойную и почетную. Увы! Увы! На горе республике кипучий мозг Александра Семеновича не потух, в Москве Рокк столкнулся с изобретением Персикова и в номерах на Тверской "Красный Париж" родилась у Александра Семеновича идея, как при помощи луча Персикова возродить в течение месяца кур в республике. Кремль принял Александра Семеновича, Кремль согласился с ним, и Рокк пришел с плотной бумагой к чудаку зоологу».

Человек с «кипучим мозгом» — Рокк готов к любой деятельности. В отличие от профессионала Персикова или куровода-любителя Дроздовой, бывший флейтист Рокк без страха берется за любое дело: воевать, редактировать газету или заниматься орошением. Этим и объясняется отсутствие пояснений при имени *Рокк* в названиях глав повести.

Обратим внимание на то, что первым фамилию *Рокк* произнес Панкрат. Он произнес так, как было написано в бумаге из Кремля — с удвоенным звуком [к], то есть так, как невозможно произнести по-русски: «— Там до вас, господин профессор, Рокк пришел». Именно поэтому профессор Персиков и иронизирует поначалу над фамилией. Как образованный человек, он знает, что *рок* — это «судьба (обычно злая, грозящая бедами, несчастьями и т. п.) [13, т. III, с. 728], что это «несчастливая судьба» [10, с. 683]. Это слово вступает в синонимические связи со словами *фатум*, *фортуна* (книжн.), *парки* (устар., книжн.), *судьбина* (устар. и нар.-поэт) [1, с. 528]. Однако после прочтения бумаги он понимает, что приход Рокка становится *роковым*, т. е. назначенным судьбой [12, т. II, с. 920].

Названия глав представляют интерес и с точки зрения включения в них слов активного и пассивного словаря. Напоминаем, что повесть была написана в 1924 году, когда еще не была объявлена коллективизация и слово *колхоз* еще не вошло в активный словарь. Булгаков употребляет слово *совхоз*, которое в те времена являлось явным неологизмом. Директором совхоза «Красный луч» стал именно Александр Семенович Рокк — дилетант с инициативой. Его директорство стало оказалось роковым не только для будущего красного луча жизни, открытого Персиковым, но для всей страны.

Но писатель использует в названиях глав и слова, ограниченные в употреблении. В первую очередь это транслитерированный латинизм *куррикулум вите* — жизненный путь. Для профессора Персикова латынь — это язык его профессиональной деятельности. Другой латинизм — *бог из машины* — лег в основу названия последней главы: *Морозный бог на машине*. Это название очень неоднозначно. Известно, что выражение *бог из машины* восходит к античному театру и обозначает закономерную развязку чего-либо. У Булгакова этот оборот приобретает несколько иное значение, обусловленное сюжетной линией: спасителем столицы и всей страны от приближающейся катастрофы становится русский мороз. Этим и объясняется трансформация оборота: при компоненте *бог* появляется определение *морозный*, которое точно называет причину, остановившую наступление гадов, а замена предлога *из* на предлог *на* меняет акцент в образе античного оборота: чудо происходит не благодаря чудесному появлению бога из машины (механического устройства), а благодаря той скорости, с которой едет машина.

Особый интерес представляет название главы «Живая каша». Слово *каша* является многозначным: 1. Кушанье из крупы, вареной в воде или молоке. 2. *перен.* О том, что, разжижаясь, становится похожим на это кушанье (преимущ. о грязи; разг.). 3. Путаница, беспорядок (в мыслях; разг. фам.). 4. Раздавленная неудачным ударом фигура в игре в городки или кегли, когда ни один городок, ни одна кегля не выбита на черты (*спорт. арг.*) [14, т. I, с. 1341]. Это слово входит в состав следующих фразеологизмов: *каша во рту у кого*, *заварить кашу*, *расхлебывать кашу*, *каши не сварить с кем*, *березовая каша*, *мало каши ел*, *с кашей съем*, *каши просят* (сапоги, башмаки). В каждом из этих фразеологизмов компонент *каша* восходит к первому значению лексем. Но в названии главы анализируемой повести слово *каша* имеет другое значение.

Два агента из компетентных органов увидели за стеклом оранжереи то, что было названо словосочетанием *живая каша*:

«Вся оранжерея жила как червивая каша. Свиваясь и развиваясь в клубки, шипя и разворачиваясь, шаря и качая головами, по полу оранжереи ползли огромные змеи».

На наш взгляд, здесь реализуется второе, переносное значение слова. Но если грязь, похожая на кашу, вызывает у человека раздражение, неприятные чувства, то *живая каша* Булгакова порождает омерзение и страх. Более того, *живая каша* несет гибель всему живому, что читатель и увидел на судьбах агентов Щукина и Полайтиса.

Особняком среди названий стоит название *«Москва в июне 1928 года»*. Точное указание на место и время событий нужно Булгакову, по-видимому, чтобы показать читателю, что повесть — произведение сатирическое с элементом фантастики, т. к. произведение было написано за 4 года до описываемых событий.

Вообще же в названиях глав повести «Роковые яйца» нет лингвокультурных деталей (термин В. М. Шаклеина), которые создавали бы зрительный образ времени написания текста, придавали бы конкретность ситуации создания текста или создавали бы впечатление достоверности и компетенции описываемого факта или явления путем введения неявного параллелизма: факт описываемого времени — соответствующий ему факт времени создания текста [15, с. 58—59]. Эти детали появляются в живой ткани повествования и выступают как топонимы и антропонимы, создающие хронотоп произведения.

Топонимы, используемые писателем, являются реальными (*Москва, Костромская губерния, Смоленск*) и вымышленными (бывший *Троицк, а ныне Стекловск Стекловского уезда*).

Каждый топоним представлен множеством микропонимов. Если говорить о Москве, то это названия улиц, переулков, площадей (*Театральная площадь, Театральный проезд, Неглинный и Лубянка, Петровские линии, Пречистенка*), театров (*Большой театр, Театр покойного Всеволода Мейерхольда — В. Э. Мейерхольд умер в 1940 г. — Ф. Ф.*), *театр Корша*), институтов (*Лефортовский ветеринарный институт*), храмов (*«Ни одного человека учений не встретил до самого храма..»*, *«ишем Христа начал пылать»* — о храме Христа Спасителя), ресторанов (*«Альказар», «Ампир» и ночная на Волхонке*), магазинов (*«Сыр и масло Чичкина в Москве»* — первый молочный магазин в Москве открыл Чичкин. — *Ф. Ф.*).

Сатирический же характер произведения проявляется в том, что Булгаков сталкивает в одной фразе старые и новые названия, т. е. названия досоветские и советские: *«на крылечке домика на бывшей Соборной, а ныне Карладековской улице»*. Включенные в подобные фразы, новые названия выглядят уродливыми: они не понятны большинству людей, их невозможно выговорить.

Пространственно-временной и социально-исторический хронотоп зачастую неотделимы друг от друга. После сенсационного открытия луча жизни к Персикову пришел *«Полномочный шеф торговых отделов иностранных представительств при Республике Советов»*, чтобы подкупить профессора и получить чертежи камеры. Выгнав *полномочного шефа*, *«Персиков успокоился только на одну минуту. Хмурясь, он уцепился за телефон и наговорил в трубку такое:*

— Дайте мне эту, как ее, Лубянку. Мерси... Кому тут из вас надо сказать... у меня тут какие-то подозрительные субъекты в калошах ходят, да... Профессор IV университета Персиков...». Аполитичный Персиков

оказался на высоте и подобно любому сознательному гражданину Советской Республики сообщил о визите шпиона на Лубянку. Лубянка как символ времени проходит через все произведение писателя: с ГПУ был связан Альфред Бронский, после визита шпиона к Персикову явилась тройка из ГПУ (один — «ангел в лакированных сапогах», другой — «страшно мрачный... в штатском», третий — «дымчатые стекла»). Именно ГПУ организовало «заградительные самарские отряды», «чрезвычайную московскую комиссию», оттуда были люди в котелках, не допускавшие в институте журналистов к Персикову. ГПУ всесильно. Например, помощник Персикова говорит: «*Вы напишете отношение в Гепеу, чтобы вам прислали электрический револьвер*». После трагической гибели Мани Рокк бросился в ГПУ и проверка из ГПУ не замедлила себя ждать: в совхоз «Красный луч» приехали агенты государственного политического управления.

Если вернуться к ономастике, создающей пространственно-временной хронотоп, то нельзя не сказать о названиях печатных изданий, которые встречаются на страницах повести. Это газеты («*Известия*», «*Красная вечерняя Москва*», «*Вестник промышленности при Совете Народных Комиссаров*», «*Берлинер тагеблат*», «*Рабочая газета*»), журналы («*Красный огонек*», «*Красный перец*», «*Красный журнал*», «*Красный прожектор*», «*Красный ворон*»), издание ГПУ). Здесь, как и в топонимике повести, представлены реальные и вымышленные названия изданий. Однако Булгаков точно показал особенность номинации многих изданий: наличие определения *красный* при них, несмотря на оксюморонность звучания таких, например, как **красный ворон** (ворон — птица с черным оперением, она не может быть *красной*, однако цветовое значение в этих названиях оказывается вторичным).

В тексте повести немало имен деятелей культуры и литературы 20-х годов. Как правило, Булгаков обыгрывает имена, но, тем не менее, они узнаваемы: писатель *Эрендорх* (ср.: Илья Эренбург), фельетонист *Колечкин* (ср.: Михаил Кольцов), *Всеволод Мейерхольд*.

Главное же, что передает особенности времени, — это новая лексика, которая была актуальной в годы написания повести: *таксомотор*, *ланда такси*, *домовой комитет*, *сдать под расписку*, *радиоприемник*, «*Мосздра-воддел*. *Скорая помощь*», *трудовая артель*, *фининспектор*.

К фразеологизмам, создающим пространственно-временной хронотоп, можно отнести следующие: *Время — деньги* («*Далее гость произнес длинные извинения по поводу того, что он пришел слишком поздно: "Но... господина профессора невозможно днем никак поймать... хи-хи... пардон... застать"* (гость, смеясь, всхлипывал, как гиена).

— *Да, я занят!* — Так коротко ответил Персиков, что судорога вторично прошла по гостю.

Тем не менее он позволил себе беспокоить знаменитого ученого:

— *Время — деньги, как говорится... Сигара не мешает профессору?»*); *Ночи напролет* («*Расстраивая здоровье, урывая часы у сна и еды, порою не возвращаясь на Пречистенку, а засыпая на клеенчатом диване в кабинете института, Персиков ночи напролет возился у камеры и микроскопа.*

К концу июля гонка несколько стихла); *Время от времени* («*Цельми вечерами ему приходилось работать в заседании куриных комиссий и время от времени выносить длинные беседы, то с Альфредом Бронским, то с механическим толстяком*»).

В приведенных примерах фразеологизмы с семантикой времени употребляются в контекстах, где речь идет о высокой занятости профессора Персикова: он делает нужные и важные дела для страны и не нужные для него самого. В каждом контексте есть слова, указывающие на нехватку времени, как в иллюстрации к ФЕ *Время — деньги*: словосочетания *длинные извинения*, *пришел слишком поздно*, *невозможно днем никак поймать*, *коротко ответил*. Оба собеседника — Персиков и шеф торговых отделов иностранных представительств при Республике Советов — понимают, что время идет и что оно имеет свою ценность.

Пространственная составляющая хронотопа представлена несколькими фразеологизмами: *к чертовой матери* («Персиков под вой и грохот, сыплющийся с потолка, заявил Марье Степановне, что он уедет из Москвы к чертовой матери, что он будет судиться с директором, что он сломает ему этот приемник, потому, что, очевидно, задались целью его выжить вон»); *куда глаза глядят* («Панкрату пришлось ловить в коридорах ужа, который ушел из своей камеры, и когда он его поймал, вид у ужа был такой, словно тот собирался куда глаза глядят, лишь бы только уйти»); «Сообщалось, что эскадрилья аэропланов под Вязьмою действовала весьма удачно, залил газом почти весь уезд, но что жертвы человеческие в этих пространствах неисчислимы из-за того, что население, вместо того, чтобы покидать уезды в порядке правильной эвакуации, благодаря панике, металось разрозненными группами на свой страх и риск, кидаясь куда глаза глядят...»; *медвежий угол* («— А вы знаете, Александр Семенович, — сказала Дуня, улыбаясь, — мужики в Концовке говорили, что вы антихрист. Говорят, что ваши яйца дьявольские. Грех машиной выводить. Убить вас хотели.

Александр Семенович вздрогнул и повернулся к жене. Лицо его пожелтело.

— Ну, что вы скажете? Вот народ! Ну что вы сделаете с таким народом? А? Манечка, надо будет им собрание сделать... Завтра вызову из уезда работников. Я им сам скажу речь. Надо будет вообще тут поработать... А то это медвежий какой-то угол...)

В целом же можно утверждать, что пространственная составляющая хронотопа повести Булгакова создается, в основном, топонимической лексикой (*Москва, Стекловск, Смоленская губерния* и др.)

Возвращаясь к понятию *лингвокультурная деталь*, напомним о функциях, которые она может выполнять [15]. Она может описывать быт, характеры, проблемы, настроения того времени (например, желтая кобура Рокка — это чуждый атрибут жизни Российской Федерации 1928 года, это деталь времен Гражданской войны); создавать подтекстовый контраст (шпионские галоши в диалоге сотрудников ГПУ); участвовать в создании фонового колорита эпохи через характеристику модных для времени жестов, деталей одежды или интерьера (зеленая лампа профессора Персикова как символ вернувшегося в жизнь покоя, устойчивости).

Но лингвокультурная деталь передает не только характерные черты времени, но и существующие конфликты. Это очень хорошо видно на примере устойчивых оборотов, обозначающих жесты героев повести.

Рассказывая о том, что к 1926-му году жизнь Персикова вернулась в прежнее русло (стала такой же, какой она была до военного коммунизма), Булгаков использует фразеологизм *потирать руки* — «выражать радость по поводу какой-либо сделки или удачи» [2, с. 503]. Но из контекста ясно, что

руки Персиков потирает все-таки из злорадства: *«Вообще это было замечательное лето в жизни Персикова, и порою он с тихим и довольным хихиканьем потирал руки, вспоминая, как он жался с Марьей Степановной в 2 комнатах».*

Персиков часто *потирает* руки и делает это в минуты волнения: *«Персиков радостно потер руки и начал готовиться к каким-то таинственным и сложным опытам»* и *«Персиков бушевал».*

— *Это черт знает, что такое, — скулил он, разгуливая по кабинету и потирая руки в перчатках, — это неслыханное издевательство надо мной и над зоологией».*

Руки у Персикова, когда он волновался, всегда были в движении. Так, говоря о важном, он поднимал кверху согнутый крючком палец: *«когда говорил что-либо веско и уверенно, указательный палец правой руки превращал в крючок и щурил глазки. А так как он говорил всегда уверенно, ибо эрудиция в его области у него была совершенно феноменальная, то крючок очень часто появлялся перед глазами собеседников профессора Персикова. А вне своей области, т. е. зоологии, эмбриологии, анатомии, ботаники и географии, профессор Персиков почти никогда не говорил».* Поэтому, оказавшись в ситуации, когда Рокк пришел за камерой луча, Персиков, до этого все время чертыхавшийся, вдруг вспоминает библейский оборот *умывать* руки, известный, по мнению этимологов, «благодаря евангельской легенде, согласно которой Пилат, вынужденный согласиться на казнь Иисуса, умыл руки перед толпой и сказал: «Невиновен я в крови праведника сего» [2, с. 504]. И в тексте повести оборот *умывать* руки имеет значение «отстраняться от чего-л., снимать с себя ответственность за что-л.» (там же). Это видно по следующему фразеологическому употреблению:

«Но Персиков махнул на него крючочком и продолжал:

— *Извините, я не могу понять... Я, наконец, категорически протестую. Я не даю своей санкции на опыты с яйцами... Пока я сам не попробую их...*

Что-то квакало и постукивало в трубке, и даже издали было понятно, что голос в трубке, снисходительный, говорит с малым ребенком. Кончилось тем, что багровый Персиков с громом повесил трубку и мимо нее в стену сказал:

— ***Я умываю руки.***

Он вернулся к столу, взял с него бумагу, прочитал ее раз сверху вниз поверх очков, затем снизу вверх сквозь очки, и вдруг взвыл:

— *Панкрат!»*

Сам Панкрат, в отличие от профессора Персикова, руками не размахивает. Чаще всего он вытягивает их по швам. Фразеологизм (*держат*) руки по швам является многозначным: «1. Вытянуться по стойке «смирно», прижав руки к туловищу. 2. Неодобр. Испытывать чувство полной зависимости, покорности, приниженности, дрожать, трепетать перед кем-л.» [2, с. 503]. Рассказывая о стороже Панкрате автор-повествователь трижды использует этот оборот, причем в обоих случаях первое и второе значения фразеологизма в контексте объединяются: *«Панкрат, растерявшись, тосковал, держа от страха руки по швам...»*; *«Испуганный Панкрат стоял и держал руки по швам»*; *«... вошел Панкрат. Он сложил руки по швам, и бледнея от страха перед Божеством, сказал так:*

— *Там до вас, господин профессор, Рокк пришел».*

Еще один персонаж, который характеризуется автором-повествователем через жестикуляцию, — сторож (охранник) в совхозе «Красный луч»: *«Наутро Александра Семеновича ожидала неприятность. Охранитель был крайне сконфужен, руки прикладывал к сердцу, клялся и божился, что не спал, но ничего не заметил.*

— Непонятное дело, — уверял охранитель, — я тут ни при чем, товарищ Рокк».

Жест прикладывания рук к сердцу призван заверить собеседника в искренности. Однако автор-повествователь через ряды однородных сказуемых заставляет усомниться в правдивости сказанного, но тем не менее не уличает своего героя во лжи: сюжетная линия повести требует такого повествования.

Движения рук оказываются очень важным показателем смены поведения человека. Вот Рокк, потерявший жену, убегает из «Красного луча» и попадает к агентам ГПУ. Автор-повествователь описывает детально его поведение и внешность, но особо выделяет руки:

«Но Рокк вместо ответа опять заслонился руками и ужас потек из его глаз.

— Ну, ладно, — решил Щукин, — вы действительно не в силах... Я вижу. Сейчас курьерский поедет, с ним и поезжайте.

Затем у Щукина с Полайтисом, пока сторож станционный отпавал Александра Семеновича водой и тот дязгал зубами по синей выцербленной кружке, произошло совещание... Полайтис полагал, что вообще ничего не было, а просто-напросто Рокк душевно больной и у него была страшная галлюцинация. Щукин же склонялся к мысли, что из города Грачевки, где в настоящий момент гастролирует цирк, убежал удав-констриктор. Услышав их сомневающийся шепот, Рокк привстал. Он несколько пришел в себя и сказал, простирая руки, как библейский пророк:

— Слушайте меня. Слушайте. Что же вы мне не верите? Она была. Где же моя жена?»

В Рокке произошла перемена: случайно столкнувшийся с ним Персиков назвал его *чертом*, потом он стал источником катастрофы для страны, а в последней сцене, где он появился в повести, он уподобляется библейскому пророку, простирающему руки.

Неподвижность рук героев Булгакова — символ конца. Вот как автор-повествователь говорит о последних днях Персикова, когда он буквально опустил руки: *«В кабинете профессора, где тускло горела одна лампа, отбрасывая пучок на стол, Персиков сидел, положив голову на руки, и молчал. Слоистый дым веял вокруг него. Луч в ящичке погас».*

Отчаяние и безысходность проявляются в этой позе главного героя. Вспомним, что, например, попадья Дроздова, овдовев, *«не опустила рук, а основала замечательнейшее куроводство»*, не покладая рук работало и Советское правительство: *«Заграничная пресса жадно обсуждала неслыханный в истории падеж, а правительство советских республик, не поднимая никакого шума, работало не покладая рук. Чрезвычайная комиссия по борьбе с куриной чумой переименовалась в чрезвычайную комиссию по поднятию и возрождению куроводства в республике, пополнилась новой чрезвычайной тройкой в составе 16 товарищей. Был основан "Доброкур", почетными товарищами председателя в который вошли Персиков и Португалов.*

В газетах под их портретами появились заголовки: "Массовая закупка яиц за границей" и "Господин Юз хочет сорвать яичную компанию". Прогрел

на всю Москву ядовитый фельетон журналиста Колечкина, заканчивающийся словами: "Не зарьтесь, господин Юз, на наши яйца, — у вас есть свои!"». Как видим, руки символизируют деятельность.

Когда перестает действовать Персиков, его руки опускаются. Но другие герои об этом не знают. Когда толпы обезумевших москвичей кинулись на расправу с Персиковым, Марья Степановна вбежала и начала уговаривать его бежать от толпы: «Заметалась, завизжала Марья Степановна, бросилась к профессору, хватая его за руки и крича: — Убегайте, Владимир Ипатьич, убегайте».

Но о руках профессора автор-повествователь скажет еще один, уже последний раз в сцене его трагической гибели:

«Люди вылетели из дверей завывая:

— Бей его! Убивай...

— Мирового злодея!

— Ты распустил гадов!

Искаженные лица, разорванные платья запрыгали в коридорах и кто-то выстрелил. Замелькали палки. Персиков немного отступил назад, прикрыв дверь, ведущую в кабинет, где в ужасе, на полу на коленях стояла Марья Степановна, распростер руки, как распятый, он не хотел пустить толпу и закричал в раздражении:

— Это форменное сумасшествие... вы совершенно дикие звери. Что вам нужно? — Завыл: — Вон отсюда! — и закончил фразу резким, всем знакомым выкриком: — Панкрат, гони их вон».

Таким образом, фразеологические обороты с компонентом *рука/руки* и описание жестикологии позволяют автору-повествователю передать характер героев, особенности их речи, поведения, а также проследить изменения, произошедшие в их душевном состоянии.

Лингвокультурные детали, выделенные нами в повести М. А. Булгакова «Роковые яйца», несмотря на сатирический характер произведения, выполняют, главным образом, культурно-характерологическую функцию и заключают в себе культурно-концептуальную информацию о времени, в котором новое советское пронизано старым дореволюционным (руки в поведении Марьи Степановны, Панкрата), революционное и дьявольское перетекает в христианское (последние речи Рокка и смерть Персикова). А это значит, что лингвокультурная деталь становится средством выражения конфликта культур и их симбиоза.

Библиографический список

1. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. 7-е изд. М., 1993.
2. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии: Историко-этимологический справочник. СПб., 1998.
3. Булгаков М. А. Роковые яйца // Антология сатиры и юмора России XX века. Т. 10: Михаил Булгаков. М.: Эксмо, 2004.
4. Булгаков М. А. Письмо И. В. Сталину // Антология сатиры и юмора России XX века. Т. 10: Михаил Булгаков. М., 2004.
5. Булгаковская энциклопедия <http://www.bulgak.ru/encyclopaedia.html>
6. Колчанов В. В. «Александр Семенович Рокк»: главком РККА С. С. Каменев и его окружение в повести М. А. Булгакова «Роковые яйца» // Неофилология. 2018. Т. 4, № 15. С. 39—53. КиберЛенинка: <https://cyberleninka.ru/article/n/aleksandr-semeno>

vich-rokk-glavkom-rkka-s-s-kamenev-i-ego-okruzhenie-v-povesti-m-a-bulgakova-rokovye-uaytsa

7. *Кранышева Л. А.* Лингвокультурная ситуация 1950-х годов (на материале советских русских писателей) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Елец, 2008.
8. *Лакшин В. Я.* Мир Михаила Булгакова // Антология сатиры и юмора России XX века. Т. : 10. Михаил Булгаков. М., 2004.
9. *Мороз Э.* Примечания // Антология сатиры и юмора России XX века. Т. 10 : Михаил Булгаков. М., 2004.
10. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 1999.
11. *Потапова И. С.* Авторская песня в контексте лингвокультурной ситуации 1960—1970-х годов : (на материале поэтического творчества Б. Окуджавы, А. Галича, Ю. Визбора, В. Высоцкого) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2009.
12. *Преображенский А. Г.* Этимологический словарь русского языка. М., 1959.
13. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М. : Русский язык, 1985—1988.
14. *Толковый словарь русского языка* : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935—1940.
15. *Шаклеин В. М.* Лингвокультурная ситуация и исследование текста. М., 1997.

ББК 63.3(2)53-21

К. Е. Балдин

РОЛЬ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ СКЛАДОВ В ЗЕМСКОЙ АГРОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Статья посвящена агрономической деятельности земства в Костромской губернии. Автор рассматривает работу сельскохозяйственных складов, которые были организованы земством. С помощью их местные муниципальные органы внедряли в крестьянское хозяйство неизвестные до тех пор крестьянам минеральные удобрения, сортовые семена и усовершенствованные сельскохозяйственные орудия. Это способствовало техническому прогрессу в сельском хозяйстве России в начале XX века. В это время в хозяйствах многих крестьян благодаря техническому прогрессу появились плуги, сеялки, молотилки, сортировальные машины и т. п.

Ключевые слова: крестьянское хозяйство России, российское земство, земские собрания, агрономия, сельскохозяйственные склады, сельскохозяйственные орудия, технический прогресс.

The article is devoted to the agronomic activities of Zemstvo in Kostroma province. The author examines the work of agricultural warehouses, which were organized by Zemstvo. With the help of this local municipal authorities peasants implemented in their farms fertilizers, quality seeds and agricultural tools. This has contributed to the promotion of technological innovation in Russian agriculture in the early 20th century. At this time due to technical progress in many peasant farms appeared plows, seeders, threshing, grading machines, etc.

Key words: farming in Russia, Russian Zemstvo, Zemstvo assembly, agronomy, agricultural warehouses, agricultural implements, technical progress.

На протяжении столетий сельское хозяйство в России развивалось по экстенсивному пути. Сборы хлеба и технических культур увеличивались почти исключительно путем расширения посевных площадей. В XVI—XVIII вв. российские земледельцы постепенно осваивали то, что ныне называется Центральным Черноземьем, в XVII—XIX в. — отдельные районы юга Западной и Восточной Сибири. В начале XX в. экстенсивный путь развития сельского хозяйства продолжал практиковаться, в рамках столыпинской аграрной реформы проводилась переселенческая политика, в ходе которой осваивались новые земли в Сибири и Северном Казахстане.

В то же время в первые пореформенные десятилетия XIX в. в агрокультурной практике появились признаки экстенсивного пути развития. По нему первыми пошли немногие помещики, которые постепенно переводили свои имения на рельсы рыночного хозяйства. В начале XX в. интенсификация сельского хозяйства коснулась и некоторых крестьянских хозяйств. Наиболее

трудолюбивые и оборотистые крестьяне стали использовать в своей хозяйственной практике сортовые семена, минеральные удобрения, усовершенствованные орудия труда. Навстречу этому стремлению крестьян в начале прошлого столетия активно пошло российское земство. Оно стало внедрять в крестьянскую среду породистый скот, кормовые травы, передовой севооборот и многое другое. Именно земские органы стали открывать в губерниях и уездах сельскохозяйственные склады, которые не совсем соответствовали своему названию, т. к. фактически представляли собой хозяйственные магазины, рассчитанные на совершенно определенного покупателя — крестьян. Здесь последние могли приобрести по относительно низким ценам семенной материал, плуги, сеялки, веялки, молотилки, суперфосфат, селитру и очень многое другое.

Деятельность сельскохозяйственных складов пока явно недостаточно изучена историками на региональном уровне, в том числе в такой типично нечерноземной губернии как Костромская. Именно поэтому автор обратился к богатому и разнообразному опыту функционирования этих земских хозяйственных структур.

Сельскохозяйственные склады в массовом порядке стали появляться в Костромской губернии в первые годы XX века. Одним из самых первых стал, разумеется, губернский склад в Костроме, который с возникновением уездных складов, действовал в качестве их поставщика. По мере того, как уездные структуры обретали самостоятельность, обзаводясь своими собственными поставщиками, губернский склад если не утратил свои распределительные функции, то, по крайней мере, сократил их. Накануне Первой мировой войны он снабжал сельскохозяйственными товарами в основном ближайшие к губернскому центру уезды: Костромской, Кинешемский, Нерехтский и Юрьево-Вецкий [4, с. 43].

Вскоре после открытия уездных складов оказалось, что их тоже недостаточно, т. к. интерес крестьян к агрикультурным новшествам динамично возрастал по мере расширения соответствующей деятельности земств. Некоторые уезды в Костромской губернии были очень значительными по своей площади, порой они были вытянуты в широтном или меридиональном направлении. Например, уездный склад в городе Буй практически не охватывал своей деятельностью так называемый «молвитинский край», т. е. южную часть уезда, расположенную около крупного села Молвитино (с 1939 — Суسانیно). Необходимость открытия особого склада здесь обуславливалось для земства еще и тем, что местные жители активно занимались промыслами, в том числе отхожими и земцы хотели «возвратить их к земле». Именно поэтому еще в 1905 г. был поставлен, а затем решен вопрос о создании здесь филиала уездного склада для торговли хозяйственными товарами, необходимыми для крестьян [1, с. 14].

Появление филиалов довольно часто начиналось с того, что земство договаривалось в крупном селе с кем-либо из местных жителей о том, что он возьмется торговать, получая определенный процент от прибыли в качестве вознаграждения. Если рыночная конъюнктура в данном селении оказывалась подходящей, то в дальнейшем здесь возникало уже отделение уездного склада с платным приказчиком (продавцом). Именно по такой схеме возник сельхозсклад в том же Буйском уезде в многолюдном селе Лукурга [9, 1914, № 2, с. 42].

При открытии торговой точки сразу же возникал вопрос о помещении для нее. В рассматриваемый нами период найти подходящие торговые площади было довольно сложно, т. к. они должны были быть просторными, учитывая характер находившихся там товаров и перспективы расширения торговли ими. Для губернского склада в Костроме помещение подвернулось буквально случайно. Склад расположился в самом центре губернского города, переехав из тесного и мало приспособленного временного помещения. Он находился на торговой площади, по вечерам освещался электричеством. На участке во дворе был построен сарай для громоздких товаров. Только склады для хранения семян остались во дворе губернской управы на некотором расстоянии от торговой площади [5, с. 28, 50].

В уездах обязанности по заведованию сельскохозяйственными складами первоначально были возложены на уездных агрономов. Довольно скоро оказалось, что это далеко не самое лучшее решение. У агронома было множество других обязанностей, связанных, в том числе с разъездами в отдаленные населенные пункты. Поэтому сельскохозяйственные склады функционировали не ежедневно, часы их работы были не постоянными. В связи с этим было решено, что агрономы должны определять только общее направление деятельности складов, а вести торговлю в них — специально нанятые для этого люди. Костромское губернное земство приняло решение, направленное на то, чтобы «не привязывать» агрономов к складам [4, с. 84].

Обычно штат отдельно взятого склада в уезде был очень немногочисленным и состоял из одного-двух человек. Например, в Судиславльском (Костромской уезд) и Сокольском (Макарьевский уезд) складах числились заведующие, которые должны были иметь хотя бы низшее сельскохозяйственное образование, и служители, от которых никакой квалификации не требовалось. Реально найти на каждый склад работника со специальной подготовкой было невозможно, поэтому нередко в этих земских структурах трудились случайные люди. В Сокольском складе минеральных удобрений некоторое время продавал крестьянам товары местный волостной писарь, который за проданные удобрения получал комиссионные — по 4 копейки с пуда [3, с. 3; 6, с. 193].

Хорошую память о себе оставили работавшие в летние сезоны на Сокольском складе студенты, проходившие здесь практику. В 1907—08 г. здесь трудился Б. А. Розин, которым земцы остались очень довольны, т. к. при нем накладные расходы с каждого пуда товара были сведены к минимуму — 2 коп. Более того, Розин проводил опыты внесения различных удобрений во время посева [3, с. 3]. В 1910 г. на той же должности, которая представлялась многим чисто мужской, работала студентка-практикантка А. В. Ждановская, а в 1911 г. — А. И. Чанышев. В это время Сокольский склад стал уже не узкопрофильным (только для минеральных удобрений), а универсальным [5, с. 60; 6, с. 88].

Земства старались обеспечить своим работникам достойное жалование, особенно выделяя материально ответственных. По мере того, как их обязанности расширялись, соответственно повышался и оклад. В 1906 г. заведующий губернским сельскохозяйственным складом получал 900 р. в год, а в 1912 г. — 1800 р. плюс 360 р. за выслугу лет. Таким образом, его месячное жалование равнялось 180 р., т. е. в три-четыре раза больше, чем у рабочих высокой квалификации на местных текстильных фабриках. В 1906 г. ответственный (т. е. старший) приказчик получал 600 р. в год, а в 1912 г. — 900 р.

и доплату в 90 р. за стаж. За это же время жалование бухгалтера выросло с 540 до 840 р. в год. В 1912 г. приказчик в магазине или конторщик получал 460 р., канцелярист — 420 р., кассир — 300 р., рабочий на складе — 240 р. [1, с. 29; 6, с. 46, 202]. Земство в некоторых случаях даже обеспечивало своих работников ведомственным жильем. Для заведующего Сокольским складом губернского земства приобрело жилой дом [6, с. 192].

Нельзя не упомянуть о том, что большинство сотрудников складов отличались аккуратностью и честностью, не допуская растрат. Например, по итогам работы Костромского губернского склада выявилась недостача всего 13 пудов семенной ржи при ее обороте в 6500 пудов. Эти потери составляли всего 0,2 % от общего оборота семян при установленной норме в 0,5 %. Недостача лопат составляла всего 7 штук при общей продаже их со склада в количестве 2169 штук [4, с. 122].

Коммерческая деятельность сельскохозяйственных складов развивалась успешно. Об этом наглядно свидетельствуют объемы товарооборота, возраставшие ежегодно. В 1909 г. губернский склад наторговал на 185 тыс. р., в 1910 г. — 220 тыс. (рост на 20 % по сравнению с предыдущим годом), в 1911 г. — 279 тыс. (на 28 %), в 1912 г. — 390 тыс. (на 40 %) [7, с. 146].

Торговля была успешной потому, что у сельскохозяйственных складов губернии имелся широкий круг поставщиков различных товаров. Например, такое удобрение как костяная мука доставлялось по Волге на баржах из Саратова. Плуги поставлял Воткинский завод из Приуралья. Для максимального снижения цен земцам приходилось постоянно следить за ценами у различных поставщиков. Например, они обнаружили, что у одной из фирм в соседней Ярославской губернии можно купить плуги системы Липгарта даже дешевле, чем на самом заводе Липгарта. Костромскому губернскому складу в результате переговоров с поставщиками также удалось понизить цены на косы, серпы, вилы [4, с. 46; 10, с. 226].

На сельскохозяйственных складах продавались очень разнообразные товары, и с годами их ассортимент все более расширялся. Конечно, здесь пользовался спросом самый обычный сельскохозяйственный инвентарь. Например, в филиале Нерехтского уездного склада в селе Писцово продавались в большом количестве косы и серпы, точильные бруски к ним, лопаты, вилы, грабли, топоры, пилы, ведра, лейки. О том, в каких количествах все это продавалось на главном складе губернии — в Костроме, свидетельствует следующая статистика: за первые восемь месяцев 1905 г. было продано 69 тыс. лопат, 22 тыс. кос, 13 тыс. точильных брусков, 9 тыс. серпов, 2 тыс.вил [1, с. 32; 10, с. 234].

Со временем торговля этим простейшим инвентарем если не сократилась, то, по крайней мере, отошла на задний план. Главной причиной этого было то, что в деятельности сельскохозяйственных складов все большее внимание стало уделяться торговле сложной техникой для обработки земли и другими машинами — плугами, жатками, молотилками, сеялками, веялками и др. [9, 1914, № 11, с. 57].

По данным за 1909 г. на Писцовском сельскохозяйственном складе имелись в продаже плуги, бороны, кочкорезы, сеялки, сортировки, косилки. Разумеется, в то время это была техника не самоходная, а на конном приводе. Для того чтобы такая машина работала, необходимы были одна или две лошади. Склад предлагал покупателям также сепараторы и маслобойки. Особенно большим спросом пользовались плуги Воткинского завода [10, с. 226—

330]. Начало XX в. было переломным периодом в истории крестьянского земледелия в России, и в Костромской губернии: в это время примитивная деревянная соха-косуля, которой крестьяне пользовались еще в Средневековье, постепенно стала уступать место металлическому плугу, существенно улучшавшему обработку почвы.

Очень важным для крестьян было снабжение их сортовыми семенами. На сельскохозяйственных складах можно было купить семена зерновых культур: ячменя, гречи, проса и др. В особенно большом количестве требовались семена двух культур, на которые приходилась значительная часть, как при трехполье, так и при многопольной системе. Это рожь и овес. Особой популярностью пользовалась продававшаяся на складах рожь Лысковская и овес Шатиловский. Здесь же предлагали семена огородных овощей и даже цветов [10, с. 226].

Как отмечала Костромская губернская управа в одном из своих докладов земскому собранию со временем семена зерновых стали продавать меньше. Можно предположить, что многие крестьяне, запустив сортовые семена в севооборот, на посев стали использовать семена не со складов, а со своих полей. Также по наблюдению земцев, возникла тенденция (правда, не всегда и не везде) к сокращению продажи семян кормовых культур, особенно клевера. В данном случае дело было в другом: посевы кормовых трав у крестьян динамично расширялись; заметив это, продавцы семян стали повышать цены на семена клевера, тимофеевки, вики и других трав [1, с. 15].

Особое место среди товаров, завоевывавших признание крестьян, занимали минеральные удобрения. Использование их действительно было свидетельством технологического прогресса, т. к. до этого крестьяне по старинке использовали почти исключительно навоз и золу. Костромская губернская управа в докладе «По сельскохозяйственному складу» уже в 1905 г. констатировала, что продажи минеральных удобрений возросли особенно существенно по сравнению с другими товарами [там же].

Хотя склады назывались сельскохозяйственными, на них продавались товары не только этого ассортимента. В докладе губернской управы в 1907 г. говорилось, что в последнее время повысился спрос на «предметы крестьянского обихода», и в связи с этим необходимо открывать на складе новые отделы: железный и скобяной [2, с. 29]. Под словом «скобяной товар» в России традиционным имелись в виду не очень габаритные металлические изделия, которые использовались в строительстве: скобы, дверные и оконные ручки и крючки, задвижки, гвозди, вешалочные крючки, замки и т. п. В железных отделах складов продавали в основном более громоздкий металлический товар, прежде всего — кровельное железо.

О соотношении различных групп проданных товаров свидетельствует следующая статистика. В 1912 г. в Костромском губернском складе и его филиале в селе Сокольское Макарьевского уезда было продано товаров на 402 тыс. р. в том числе сельскохозяйственных машин — на 2,7 тыс. р., сельскохозяйственных орудий — 34,1 тыс., мелкого сельхозинвентаря — 54,2 тыс., семян зерновых и кормовых трав — 131,9 тыс., минеральных удобрений — 24,7 тыс., товаров «несельскохозяйственного характера» по скобяному отделу — 130, 2 тыс. Прибыль от этих торговых операций в том же 1912 г. достигала 29,6 тыс. р. [9, 1913, № 9, с. 47]. В этой статистике обращают на себя внимание данные о продаже «несельскохозяйственных» товаров по скобяному отделу. Под этим термином имелись в виду обычные

строительные товары, в особенности кровельное железо и другие стройматериалы из того же металла. Это свидетельствовало о динамичном развитии крестьянского хозяйства, которому дала значимый толчок столыпинская аграрная реформа. Вышеприведенная статистика давала представление о том, что некоторые крестьяне активно «строились», т. е. их хозяйства находились на подъеме.

В деятельности земств, создавших в начале XX в. сельскохозяйственные склады, просматривался рыночный подход к делу. Например, незадолго перед Первой мировой войной скончался хозяин крупной фирмы, торговавшей в Костроме скобяными изделиями Колодезников. В связи с этим дела его фирмы пошатнулись, и губернское земство приняло решение использовать эту ситуацию в своих интересах, заняв освобождавшуюся нишу на этом рынке. В связи с этим территория сельскохозяйственного склада в центре города была расширена. Со склада стало отпускаться все больше скобяных товаров, а также красок, олифы, линолеума, электрических, водопроводных принадлежностей и даже двигателей внутреннего сгорания [8, с. 145].

Обычный хозяйственный инвентарь (косы, серпы, грабли, вилы и т. п.) крестьяне брали на складах за наличные и в больших количествах, т. к. стоили они недорого; сложные и дорогостоящие машины продавались за наличный расчет довольно вяло. Например, в Буйском уезде за четыре года (1910—1913 гг.) было продано всего 138 веялок при наличии здесь 13 075 крестьянских хозяйств. То есть по одной приобретенной веялке приходилось приблизительно на 400 крестьянских хозяйств в год [9, 1914, № 2, с. 42]. Это заставило земство ввести на складах торговлю в кредит

В Ветлуге с 1910 г. крестьянам стали отпускать в кредит на довольно комфортных для них условиях сложную сельскохозяйственную технику — молотилки, жатки, сеялки, веялки, плуги, а также большие партии сортовых семян и минеральных удобрений. Рассрочка по кредиту достигала двух лет. Естественно, что многие должники не производили платежи своевременно. Это негативно сказалось на деятельности самого склада, который, в свою очередь оказался сильно закредитованным у своих поставщиков. При очень небольшом оборотном капитале склада в Ветлуге — всего 1500 р., он в 1911 г. был должен своим поставщикам 7 580 р., а в 1914 г. — уже 54 941 р. Несмотря на то, что в связи с этим земцам пришлось поднять цены на товары на складе, он приносил не доход, а убыток: 950 р. в 1913 г. [9, 1914, № 11, с. 57—59].

Эту ситуацию земцы вместе с агрономами обсуждали на уездном экономическом совете. После него для освоения опыта в других регионах был направлен заведующий ветлужским сельскохозяйственным складом А. Н. Чиркин. Он посетил аналогичные заведения в Вологодской, Вятской и Пермской губерниях, а также склады переселенческого управления в Сибири, обслуживавшие крестьян, приезжавших из центральной России в восточные районы страны в рамках столыпинской аграрной реформы. Из этой поездки Чиркин вынес впечатление о том, что дело на земских складах должно быть поставлено без благотворительности, на строго коммерческой основе.

Обсудив результаты командировки заведующего складом, Ветлужское земское собрание вынесло решение: установить такие наценки на продаваемые товары, которые давали возможность складу получать хотя бы небольшую прибыль от своих торговых операций. Кроме того, предполагалось пойти на такую решительную меру как отмена отпуска товаров в кредит. Но при этом

для того, чтобы облегчить приобретение дорогостоящих товаров крестьянами, было решено основать в земской кассе мелкого кредита специальный капитал для выдачи ссуд кооперативам и частным лицам под товары из склада [9, 1914, № 11, с. 59].

Основной принцип ценовой политики земства на сельскохозяйственных складах заключался в том, чтобы продавать товары крестьянам как можно дешевле, во всяком случае — дешевле, чем в частных фирмах, торговавших тем же ассортиментом. В связи с этим так называемая «накидка» на товары (т. е. наценка) на складах была минимальной. Например, плуги губернский склад приобретал оптом по 5 р. за штуку, а реализовывал по 5 р. 05 к. Некоторые товары вообще продавали по себестоимости [9, 1914, № 12, с. 46].

На земских складах, впрочем, как и в частных торговых фирмах, оптовым покупателям предоставлялись скидки. О том, какое место занимали оптовые покупатели на губернском складе в Костроме, свидетельствуют следующие данные. В 1911 г. отсюда было отпущено уездным складам товаров на 116, 7 тыс. р., кредитным товариществам и сельскохозяйственным обществам (сельским кооперативам) — на 13,2 тыс., а прочим покупателям — на 147, 1 тыс. р. Первые две категории покупателей однозначно могут быть отнесены к оптовым. В стоимостном выражении им на губернском складе по более низким оптовым ценам отпускалась почти половина товара [7, с. 146].

Ценовую политику на складах подробно обсуждали на губернском земском собрании в Костроме в 1910 г. Губернская управа констатировала, что большинство земских складов носит «благотворительный характер». «Накидки» на них отсутствовали или были очень невелики и не компенсировали даже расходы на доставку товаров от поставщиков. Склады зачастую работали себе в убыток, и земские собрания вынуждены были их финансировать. Земцы решили, что, с одной стороны, земские склады должны удерживать цены на сельскохозяйственные товары на определенном уровне, а, с другой стороны — они все же должны приносить какой-либо доход. Было рекомендовано установить наценки на уровне 10—15 %, что было заметно ниже, чем у большинства частных [5, с. 29, 31].

Понижению розничных цен на товары на складах могла служить заготовка их максимально крупными оптовыми партиями. Для этого губернский склад объединял вокруг себя такие же уездные структуры, что давало возможность заказывать очень большие партии тех или иных товаров и, соответственно, снижать розничные цены. Таким путем в Костромской губернии удалось накануне Первой мировой войны снизить цены на плуги, косы, вилы, лопаты и другой инвентарь [5, с. 34].

Земства в России в первые годы своей деятельности активно взялись за развитие просвещения и здравоохранения в деревне. Местные общественные деятели искренне стремились к тому, чтобы повысить качество жизни крестьян. Однако только к началу XX в. большинство земцев поняло, что этого не удастся достичь без помощи крестьянскому хозяйству, которое испытывало очень серьезные трудности не только от тяжелого налогового гнета, но и от примитивной агротехники и аналогичных агротехнологий, доставшихся в наследство от предыдущих поколений.

Для продвижения в деревню передовых орудий труда и новых для крестьян методов ведения хозяйства была создана так называемая агрономическая организация земства, в которую входили губернские, уездные

и участковые агрономы. Однако они были не в состоянии из-за очень широкого круга обязанностей еще и торговать сельскохозяйственными орудиями, минеральными удобрениями, посевным материалом. Поэтому снабжением крестьян этими и многими другими товарами занялись специальные торговые заведения — сельскохозяйственные склады земства.

Благодаря им за довольно короткий период произошли очень важные и видимые невооруженным взглядом изменения в российской деревне. Веками главным орудием обработки почвы в России являлась соха. Только благодаря земским складам в начале XX в. произошел настоящий переворот в отечественном пахотном земледелии. В деревню пришел плуг, который пока не заменил соху полностью, но основательно потеснил ее на крестьянских полях. Крестьяне покупали на сельскохозяйственных складах также жнейки, молотилки и др. машины. Здесь же большинство их впервые познакомилось с минеральными удобрениями и семенами высокоурожайных кормовых трав. Нельзя утверждать, что все крестьяне стали покупателями земских складов, но все же именно благодаря им хозяйства многих селян стали более производительными, а их хозяева — более зажиточными и восприимчивыми к новым шагам на пути к агрикультурному прогрессу.

Библиографический список

1. Доклады Костромской губернской земской управы очередному губернскому земскому собранию сессии 1905 года. По агрономическому отделу. Кострома, 1906. 76 с.
2. Доклады Костромской губернской земской управы очередному губернскому земскому собранию сессии 1907 года. По агрономическому отделению. Кострома, 1908. 92 с.
3. Доклады Костромской губернской земской управы по агрономическому отделению. К очередному губернскому земскому собранию сессии 1908 года. Кострома, 1909. 170 с.
4. Доклады Костромской губернской земской управы по агрономическому отделению. К очередному губернскому земскому собранию сессии 1909 года. Кострома, 1910. 196 с.
5. Доклады Костромской губернской земской управы по агрономическому отделению. К очередному губернскому земскому собранию сессии 1910 года. Кострома, 1911. 254 с.
6. Доклады Костромской губернской земской управы по агрономическому отделению. К очередному губернскому земскому собранию сессии 1911 года. Кострома, 1912. 396 с.
7. Доклады Костромской губернской земской управы к очередному губернскому земскому собранию сессии 1912 года. По агрономическому отделению. Кострома, 1913. 384 с.
8. Доклады Костромской губернской земской управы по агрономическому отделению к очередному губернскому земскому собранию сессии 1914 года. Кострома, 1915. 308 с.
9. Известия Костромского губернского земства.
10. Отчет Нерехтской уездной земской управы за 1909 г. Кострома, 1909. 124 с.

ББК 63.3(4Вел.)4-75

В. А. Евсеев

МАТЕРИАЛЬНЫЙ БЫТ ГОРОДСКОГО ОБЩЕСТВА ПО «КЕНТЕРБЕРИЙСКИМ РАССКАЗАМ» ДЖ. ЧОСЕРА

Статья посвящена описанию материальных сторон быта жителей английских средневековых городов в изображении Дж. Чосера в его «Кентерберийских рассказах». Автор показывает жилище горожанина, его внутренний вид, домашнюю утварь. Более подробно Дж. Чосер описывает пищу и одежду состоятельных слоев городского населения Англии.

Ключевые слова: материальный быт, английские горожане, Дж. Чосер.

The article is devoted to the description of material aspects mode of life of mediaeval English townsmen in the «Canterbury Tales» of Geoffrey Chaucer. The author showed the dwelling of the townsman, it's inside of the home, domestic utensils. Geoffrey Chaucer more detail described food and clothes of the well-to-do English townsmen

Key words: material aspectsmode of life, English townsmen, Geoffrey Chaucer.

Проблема быта привлекала внимание различных исследователей в отечественной и зарубежной историографии еще с конца XIX в. [2, 5, 12, 13]. Следует отметить, что на рубеже XX—XXI вв. возрос интерес к этой теме среди отечественных исследователей [1, 6—11, 16, 20]. В ряде работ зарубежных историков затрагивались вопросы быта средневековой Англии. Среди них в первую очередь следует отметить труды Ф. Броделя и Дж. Тревельяна, которые в своих исследованиях касались материальной стороны бытовых условий жизни [2, 18].

Очень интересным при изучении данной проблемы является книга Дж. Тревельяна «Социальная история Англии». Она была написана им ещё в 1939 г., но из-за начавшейся войны была опубликована на родине автора лишь в 1944 г. Англии времен Чосера посвящены две первые главы этого труда. Автор подробно рассматривает различные аспекты жизни средневекового английского общества, много внимания уделяя бытовым деталям. Дж. Тревельян, описывая внешний облик городов во второй главе, подробно останавливается на архитектуре церковных и гражданских построек, их внутреннего устройства. Несомненно, эти разделы в книге Дж. Тревельяна представляют для нас большой интерес.

Кроме трудов о повседневной жизни в эпоху средневековья имеется и огромный пласт литературы о выдающемся английском средневековом поэте Джеффри Чосере. Для исследования нашей проблематики наиболее полезными оказались работы Ю. М. Сапрыкина [17] и Дж. Гарднера [4]. Ю. М. Сапрыкин в первой главе своей книги исследует этические и политические взгляды Чосера. Этические представления автора «Кентерберийских рассказов» несомненно, отразились и на его литературных героях. Это позволит нам более правильно оценить поступки, поведение и этику жителей средневековых английских городов. Книга Дж. Гарднера представляет собой документальную биографию Джеффри Чосера на фоне политических событий

средневековой Европы, где была втянута Англия. Автор также показывает этические, религиозные и философские воззрения поэта. Дж. Гарднер, как и многие другие отечественные и зарубежные исследователи, отмечает влияние на творчество Чосера гуманистических идей итальянской литературы того времени [4, с. 271]. Тем более, что Чосер дважды посетил Италию в 1373—1374 и 1378 годах. Он имел возможность наблюдать новые явления в ее городской жизни, приведшие к появлению гуманистических идей. Ю. М. Сапрыкин пишет, что итальянская литература того времени произвела на него большое впечатление, и он использовал во многих своих произведениях мысли и сюжеты из творчества Данте, Боккаччо и Пертраки [17, с. 17].

Конечно, литературные произведения Джеффри Чосера изучались с разных сторон. Предметом нашего исследования будет рассмотрение материальных условий быта английских горожан по его «Кентерберийским рассказам». Понятие быт слишком обширно. Поэтому следует конкретизировать наши задачи. В первую очередь обратим внимание на те элементы материальной культуры, с которыми непосредственно связана жизнь человека — это пища, одежда, жилище, домашняя утварь, украшения.

Произведения художественной литературы имеют большую информационную ценность по истории повседневной жизни. Их значение для историка быта и нравов основано на том, что описывающий современную ему эпоху литератор не может использовать свое право на вымысел, не рискуя стать посмешищем в глазах современников [1, с. 13].

При источниковедческой оценке произведений художественной литературы учитывалось мировоззрение их авторов, временной разрыв между событием и годом его описания литератором, художественное направление и стиль [там же]. М. Т. Петров в своей статье приводит достаточно большой список работ по поводу проблемы источниковедческого значения художественной литературы. Однако оно далее отмечает, что художественная литература любого исторического периода является зеркалом своей эпохи, искусство — пускай специфически, — но отражает жизненные реалии [15, с. 148—149]. Близкое отношение произведений с действительностью позволяют историку получить великолепный материал, отражающий нравы, быт и обычаи, социальную психологию и культурные нормы различных классов и сословий этого времени [15, с. 160].

Одним из интереснейших литературных памятников эпохи Средневековья является произведение английского поэта Джеффри Чосера «Кентерберийские рассказы» [19].

Джеффри Чосер — «отец английской поэзии» — жил в XIV веке, когда родина его была очень далека от Возрождения Италии, которое в Англии заставило себя ждать еще чуть ли не два столетия. Вплоть до Спенсера и Марло в английской поэзии не было ничего не только равного, но просто соизмеримого с «Кентерберийскими рассказами» Чосера. Отражая свой век, книга эта по ряду признаков все же не укладывается в рамки своего времени. Можно сказать, что Чосер, живя в середине XIV века, предвосхитил реализм английского Возрождения, а свои «Кентерберийские рассказы» писал для всех веков [14, с. 5].

Трудно определить жанр этой книги как пишет ее переводчик. Если рассматривать в отдельности рассказы, из которых она складывается, то она может показаться энциклопедией литературных жанров средневековья. Однако суть и основа книги — это ее реализм. Она включает портреты людей,

их оценку, их взгляды на искусство, их поведение — словом, живую картину жизни [14, с. 11].

Книга состоит из общего пролога, свыше двух десятков рассказов и такого же числа связующих интермедий. Пролог занимает немногим больше восьмисот строк, но в нем, как в увертюре, намечены все основные мотивы книги, и все ее семнадцать с лишком тысяч стихов служат для раскрытия и развития характерных образов, намеченных в прологе [14, с. 12]. Именно по общему прологу можно составить точное представление о том, как одевались, что пили и ели, чем интересовались и чем жили англичане XIV века. Чосер безошибочно отбирает самые характерные предметы обихода, в которых закреплены вкусы, привычки и повадки владельца. Поэтому рассказы его героев обладают во многих случаях фактографической точностью. В прологе же мы находим очень подробное описание внешнего вида студента, который шёл вместе со всеми в Кентербери:

«Прервав над логикой усердный труд,
Студент оксфордский с нами рядом плелся.
Едва ль беднее нищий бы нашелся:
Не конь под ним, а щипаная галка,
И самого студента было жалко —
Такой он был обтрепанный, убогий,
Худой, измученный плохой дорогой» [19, с. 36].

Через поведение и поступки Чосер дорисовывает облик человека. Так в рассказе мельника перед нами предстаёт студент Оксфордского университета, его занятия, учеба, внешний вид, обстановка комнаты, которую он снимал у плотника.

Чосер был современником Столетней войны (1337—1453), чумы (1348—го и следующих годов), а также крестьянское восстание 1381 года. Однако не был летописцем, как его современник Ж. Фруассар, но тем не менее по «Кентерберийским рассказам» историки изучают эту эпоху

Следует отметить, что в рассказах, Чосер нигде прямо не обнаруживает своего отношения к историческим событиям. Но по отношению к людям можно определить и его собственную позицию. И. А. Кашкин, в частности, отмечает, что Чосера трогает в лучших людях прошлого их светлая вера и умиленность, их нравственная твердость и чистота. Он идеализирует бескорыстие и простую сердечность рыцаря и клерка, пахаря и бедного священника. Он хочет сохранить этих людей для настоящего такими, какими он хотел бы их видеть [14, с. 20].

Оценивая рассказы Чосера, следует отметить, что это, в первую очередь, литературное произведение, в котором автор имеет право на субъективный взгляд на описываемые события, выделение тех сторон жизни, которые интересны именно ему. Тем не менее, не смотря на субъективизм такого вида источников, как литературные произведения, рассказы Чосера передают дух эпохи, особенности социальных слоёв средневекового английского общества.

Картина, нарисованная Чосером, охватывает все стороны жизни Англии XIV века. «Кентерберийские рассказы» могут служить ценным источником для изучения повседневной жизни населения страны. Из описаний автора, рассказов его персонажей мы узнаем, как жили, что пили и ели представители различных социальных групп; узнаем об их взглядах на мир,

судьбу и предопределение; получаем возможность взглянуть на личную жизнь средневекового человека.

Основная канва «Кентерберийских рассказов» очень проста. Три десятка паломников, собравшись вместе, отправляются в Кентербери на поклонение мощам святого Фомы Бекета. Фактически автор представил почти все социальные слои английского общества той эпохи и бегло обрисовал в прологе их общий облик. Чосер в дальнейшем предоставляет каждому из них действовать и рассказывать по-своему. Не повезло среди героев Чосера только крестьянам, которые составляли в эпоху Средневековья большинство населения страны. Упомянутый им в прологе йомен относился к верхушке крестьянского общества, но даже он не имел своего собственного рассказа. Это вполне объяснимо, ибо сам Чосер выходец из верхушки городского общества и всю жизнь проживал в городе. Поэтому низшие категории крестьянства были вне сферы его внимания, хотя он и много путешествовал. Чосер лучше знал город и горожан. Из 22 его героев — рассказчиков почти треть (7 человек) можно отнести к различным слоям городского общества. Столько же рассказчиков было и среди священнослужителей. Среди них многие проживали в городе. Именно поэтому городская жизнь оказалась в центре внимания Чосера.

Средневековый город лишь отдаленно напоминал современный. Количество жителей в них было невелико. Особенно это касается английских городов, которые значительно уступали по численности жителей своим континентальным собратьям. Городом могло считаться рыночное местечко с населением в 1000 человек. Поэтому города имели много общих черт с деревней. Средневековый город, независимо от своих размеров и масштабов не порывал с аграрным производством и не утрачивал связи с деревней. Несомненно, деревенский облик ярче выражен у небольших городов. Зажиточные горожане имели земельные наделы, иногда в городе, иногда за его пределами. Держали скот: коров, лошадей, овец. Многие ремесленники были связаны с сельским хозяйством. Об этом, в частности, говорят завещания горожан, которые изобилуют перечислениями скота, сельскохозяйственных орудий, реже — земельными владениями. В качестве типичного примера может служить завещание Томаса Хартфорта из Нэресборо, который завещает своим сыновьям: «...Ричарду, Джону, Томасу и Леонардо по корове и телке каждому, четырех меринских овец; Агнес Малом завещаю одну корову, одну телку, одну овцу и одного ягненка; племяннику Роберту Хартфорту — одну овцу, одного ягненка и каждому из его детей — по ягненку, детям сына Леонардо — по ягненку; дочери Элисон — два барашка и два борова» [21, p. 54].

Земельные держания в завещаниях встречаются значительно реже. Если по завещанию передается несколько акров земли, то практически не указывается, где и какого качества эта земля. Но если завещатель владел обширными земельными угодьями, то он подробно описывал в завещании, где и сколько земли находится. Уильям Паркер в своем завещании сообщает: «Две усадьбы и 18 акров земли в деревушке Фелликслив следует разделить на четыре феода и отдать Милли Стаб, Роберту Рипли, Ричарду Лэмбу и Уильяму Хардисту...» [21, p. 48].

Упоминание различных видов домашних животных мы можем встретить почти на каждой странице «Кентерберийских рассказов». Это в первую очередь домашняя птица, которая упоминается чаще всего, а также лошади, крупный и мелкий рогатый скот.

Обращаясь к внешнему облику средневекового города, Чосер в первую очередь описывает жилища горожан. При сооружении жилища, прежде всего, заботились о том, как избежать любопытных взоров. Дом и окружающий его сад обносили высоким забором или каменной оградой. Окна закрывались плотными ставнями, украшенными резьбой:

«И, добредя до плотникова дома,
Прильнул к ее окошечку резному» [19, с. 126].

Архитектура и размеры домов были различные зависимости от достатка владельца. Из рассказа Мельника о Душке Николасе и незадачливом плотнике мы можем представить себе дом следующего типа: двухэтажный, с многочисленными хозяйственными пристройками. Гостиная и спальня хозяев, кладовые, амбар, сарай занимали первый этаж. Их жилец располагался в небольшой комнатке под крышей:

«И приказал мальчишке: —
Иди, пострел, к светлице, там на вышке,
Кричи, стучи, хоть камнем, хоть ногою,
Тогда жилец, наверное, откроет» [19, с. 119].

В рассказе мажордома мы видим более скромное жилище, которое состояло из одной жилой комнаты и нескольких хозяйственных построек:

«В своей каморке постелил постели,
Где дочь спала и где у колыбели
Он сам с женой в одной кровати спал,
И вправду дом его был очень мал,
Чуланами наполовину занят,
И всякому теперь понятно станет,
Что иначе он не мог двоих гостей
Он уложить на мельнице своей» [19, с. 142].

Как видно из этого описания, хозяева жили только в одной комнате, а остальную площадь дома занимали подсобные помещения.

Мебели в доме было немного. Она была громоздкой, тяжеловесной, чаще всего из дуба, как и основная застройка дома. Кроме упомянутых выше кроватей были столы, скамьи, полки. Например, у Душки Николаса: «Он полки поместил у изголовья» [19, с. 112], а его «Комод был красным полотном покрыт» [19, с. 113]. При описании Чосером комнаты этого героя (Душки Николаса) мы можем отметить еще одну важную деталь — на полу лежали тростниковые подстилки или разбрасывали траву:

«И горница, сияя чистотою,
Пропахла вся душистою травою» [19, с. 112].

У Чосера нет подробного описания какого-либо жилища. Исключение составляет горница Душки Николаса, оксфордского школяра. Система колледжей в Оксфорде и Кембридже получила значительное развитие к концу XIV в. [11]. Однако некоторые студенты, дети состоятельных родителей, продолжали снимать комнаты у горожан. Как это было в случае с Душкой Николасом. В его комнате нет ничего лишнего. В ней находятся только необходимые предметы. Из мебели упоминаются, как мы уже отметили, кровать, комод, покрытый красным полотном. На полках у изголовья «...расставленные им с любовью стояли книги древних мудрецов»

[19, с. 113]. Там же располагались «необходимые для работы, астролябия и счеты ... и лютня ... в чехле на гвоздике висела» [19, с. 113].

Если мебель Чосер все-таки упоминает, хотя и редко, то предметы домашнего обихода почти совсем исчезли из его поля зрения. Однако мы можем найти их документальное отражение в завещаниях и инвентариях горожан. Например, к завещанию очень зажиточного горожанина из Рипли приложена следующая опись имущества: «В спальне — 1 перина, 1 валик под подушку, 1 пара простыней, 1 пара шерстяных одеял, 3 покрывала (20 шиллингов); 3 узорчатых комплекта постельного белья, 4 узорчатых салфетки, 4 пары льняных простыней (32 шиллинга 4 пенса), 4 пары бумажных простыней (20 шиллингов). В жилой комнате — 1 матрас, 1 пара простыней, 2 покрывала, 1 валик под подушку (6 шиллингов); 1 матрас, 3 покрывала, 1 шерстяное одеяло (6 шиллингов 8 пенсов). В гардеробе — 1 платье из дамаста (53 шиллинга 4 пенса); одна вельветовая женская шляпка с золотым краем, 3 головных убора из вельвета (33 шиллинга 4 пенса). В сундуках — 11 пар простыней (40 шиллингов); 6 узорчатых салфеток, 6 комплектов постельного белья (10 шиллингов); 4 ярда льняной ткани (2 шиллинга); 6 ярдов ткани (6 шиллингов); 16 ярдов ткани, стоимостью каждый ярд — 3 шиллинга 4 пенса. В кухне — 79 предметов оловянной посуды (40 шиллингов); 2 вертела (28 пенсов); 2 кочерги, 1 сковорода, 1 большой факел, 1 металлический канделябр (6 шиллингов); 6 медных горшков (13 шиллингов 8 пенсов); 2 котла и 2 сковороды (8 шиллингов 4 пенса)» [21, р. 46]. Можно предположить, что подобный набор домашней утвари был в домах богатых горожан в эпоху Чосера.

Освещение в доме было скудным. Оконные проемы были узкими и едва пропускали свет. Поэтому в комнатах всегда царил полумрак. В XIV в. стекло было еще достаточно дорогим товаром и застекленные окна встречались лишь в домах состоятельных горожан. Как, например, это было в доме оксфордского плотника: «прильнул к ее окошечку резному» [19, с. 126]. В домах рядовых горожан окна затягивались пергаментом или промасленной тканью. Света не хватало. Его давал очаг, лампы, свечи. Но только горожане с достатком могли позволить себе использовать свечи. Поэтому чаще употребляли масляные лампы или факелы. От таких светильников в комнатах стоял смрад, вещи покрывались налетом копоти.

Теснота в доме, тяжелый воздух в комнатах, близость расположенных друг к другу домов в городах, проблема канализации служили причинами быстрого распространения различных эпидемических заболеваний, например, чумы, источника возникновения и средств борьбы с которой тогда еще не знали.

Среди личных предметов, которых можно некоторым образом отнести к домашнему обиходу, Чосер упоминает различные музыкальные инструменты. Это арфа у Кармелита из общего пролога [19, с. 36], лютня у Душки Николаса [19, с. 113], гитара у причетника Авессалома [19, с. 116].

Итак, мы рассмотрели жилище средневекового горожанина, его внутреннее устройство, мебель и домашнюю утварь, находившееся в нем. Теперь перейдем к другой не менее важной стороне быта и вообще существования человека — его питанию. Рассмотрим какие продукты описывает Чосер. Упоминает он их достаточно часто и в каждом рассказе его героев мы можем найти разные блюда английской кухни той эпохи.

Основными продуктами питания были хлеб, сыр и эль. Те яства, которые с удовольствием описывает Чосер: устрицы, лебедь с кислой подливкой

[19, с. 34], цыплята, гуси, куры, каплуны, были доступны не многим. Не каждый мог позволить себе, подобно Франклину:

«Всегда его столы для всех накрыты.
А повара и вина знамениты.
Жара ль стоит, иль намело сугробы
Он стол держал для всех погод особый
Был у него в пруду садок отличный
И много каплунов и кур на птичье
И горе повару, коль соус пресен» [19, с. 38].

Представленные в рассказах Чосера горожане — купцы, ремесленники и даже духовенство не отличались умеренностью в пище. Исключение составляют лишь Приходской священник, Врач и Студент из общего пролога, сознательно избегавших порока обжорства. Представители ремесленных гильдий в путешествие взяли с собой Повара:

«Чтоб он цыплят варил им, беф-буйи,
И запекал их в соусе румянном
С корицей пудинги иль с майораном» [19, с. 39].

Далее, Чосер, перечисляя достоинства Повара, дает нам сведения об уровне кулинарного искусства средних веков:

«Умел варить, тушить он, жарить, печь;
Умел огонь, как следует разжечь;
Похлебку он на славу заправлял;
Эль лондонский тотчас же узнавал» [19, с. 39].

Кроме мясных и первых блюд были и продукты для десерта. Вот какой набор посылал молодой причетник Авессалом жене оксфордского плотника:

«Он посылал ей пряное вино,
Чтоб кровь ей будоражило оно,
И пряники, и вафли, и конфеты» [19, с. 117].

Таким образом, мы можем констатировать и наличие кондитерских изделий на столе у горожан. И все же, несмотря на обилие, названных Чосером яств, средневековый рацион был беден питательными веществами. Пища употреблялась жирная. Ее обильно запивали вином, элем. Поэтому неслучайно, некоторые персонажи «Кентерберийских рассказов» отличаются тучностью, подобно Монаху из Общего пролога:

«Зеркальным шаром лоснилась тонзура
Свисали щеки и его фигура
Вся оплыла; проворные глаза
Запухли, и текла из них слеза.
Вокруг его раскормленного тела
Испарина, что облако висела» [19, с. 34].

Если судить по обеду в трактире «Табарда», каждый из паломников имел столовый прибор, что нечасто случалось. Обычно соседи ели из одной миски. Мясо подавалось на стол разрезанным на куски, так как употребление вилок в повседневном обиходе вошло в Англии в середине XVII века. Ели с помощью ножа и руками, при употреблении жидких блюд, пользовались ложками. Как например, аббатиса:

«Она держалась чинно за столом,
 Не поперхнетя крепкою наливкой.
 Чуть окуная пальчики в подливку,
 Не оботрет их об рукав иль ворот,
 Ни пятнышка вокруг ее прибора» [19, с. 32].

После обеда обычно подавался таз и полотенца для умывания. Но, случилось, что этим пренебрегали, Чосер, стремясь подчеркнуть хорошие манеры Аббатисы, ее аккуратность, показывает ее за столом, а через несколько страниц, в противовес ей, рисует перед читателями малопривлекательный образ Пристава церковного суда:

«А с бороды его косматой гривы
 Ни ртуль, ни щелок, ни сера
 Не выжгли бы налета грязи серой,
 Не смыли бы чесночную отрыжку
 И не свели бы из подноса шишку» [19, с. 46].

Персонажи рассказов Чосера не отличаются чистоплотностью. О банях не упоминается. Горожане, представленные в «Кентерберийских рассказах» в лучшем случае умываются. Как это делала жена оксфордского плотника:

«Она до блеска шею оттирала
 И в церковь шла, сияя словно день,» [19, с. 115].

Однако следует оговориться, что подобное отношение к чистоте собственного тела среди героев Чосера более характерно для женщин и молодых мужчин. Известный нам школяр Душка Николас:

«Следил прилежно за своей особой.
 Душился крепко и благоухал,
 Как с корнем валерьяновым фиал» [19, с. 115].

Подобные модные инновации встречали возмущение современников Чосера, но, по всей видимости, не самого автора.

В отличии от домашней утвари, которая не была предметом особого внимания автора «Кентерберийских рассказов», внешний вид и костюмы его героев описаны достаточно подробно. Чосер перечисляет не только одежду, но и прически, головной убор, обувь, различные дополнения к одежде: сумки пояса, оружие, украшения.

Прически были самыми различными. Мужчины, особенно молодые, носили длинные завитые локоны, ниспадавшие на щеки и даже на плечи. Как, например, портрет продавца индulgенций:

«Льняных кудрей безжизненные пряди
 Ложились плоско на плечи. А сзади
 Косичками казались, капюшон
 Из щегольства давно припрятал он
 И ехал то совсем простоволосый,
 То шапкой плешь прикрыв, развевая косы
 По новой моде встречным напоказ.» [19, с. 47].

Другой вид мужских причесок — коротко, до ушей . подстриженные волосы, с челкой на лбу как, например, у мажордома:

«Он щеки брил, а волосы кругом
 Лежали скобкою, был лоб подстрижен,
 Как у священника, лишь чуть пониже.» [19, с. 44].

Молодые мужчины и священнослужители гладко брили лицо. Люди постарше отпускали бороду, как например, Купец, Шкипер и Пристав церковного суда из общего пролога «Кентерберийских рассказов» [19, с. 36, 40, 45].

Женщины заплетали косы. Наиболее яркий пример такой прически Чосер дает при описании молодой жены оксфордского плотника:

«Коса черна, что ворон на оgrade.
Завязка чепчика того же цвета;
И лента шелковая в нем продета,
На лбу придерживала волоса;
Волной кудрявою вилась коса.» [19, с. 113—114].

Голову замужние женщины прикрывали платками. Как это делала Батская ткачиха:

«Платков на голову могла навесить,
К обедне снаряжаясь сразу десять.
И все из шелка иль из полотна;» [19, с. 41].

Эта же героиня (Батская ткачиха) носила и шляпы, которые моли быть очень разнообразные по форме:

«Большая шляпа, формой, что корзина,
Была парадна, как и весь наряд.» [19, с. 41].

Другой вид головных уборов горожанок — чепчики, украшенные лентами, с завязками под подбородком [19, с. 114].

Мужчины тоже носили шляпы из разных материалов. Как, например, купец из общего пролога: «Носил он шляпу фландрского бобра» [19, с. 36].

Одежда средневековых горожан в Западной Европе, судя по скульптурным и живописным изображениям, в разных странах была сравнительно однотипной. Произошедшие в XIV в. крупные перемены в костюме были связаны с развитием сукноделия и отделкой тканей, совершенствованием мастерства портных. Умение кроить ткани устранило зависимость от ширины ткацкого станка. Совершенствовалась техника шитья. Одежда стала гораздо разнообразнее.

Платье человека Средневековья не только защищало его от погодных явлений, служило украшением, но по нему можно было определить место его владельца в социальной иерархии. Ещё в XIII в. появились законы против роскоши, которые ограничивали формы и материалы, из которых шилась одежда. К этому времени зажиточные горожане, особенно, купцы стали соперничать с феодалами — привилегированным сословием — в показе своих богатств. Это и вызвало такие ограничительные меры. В этих законах говорилось о рангах в одежде, предписывались ограничения в качестве и цвете тканей, формы костюма для различных социальных слоев. Горожане, в отличие от дворян не имели права носить шелковые одежды, а их жены удлиненные шлейфы. Цвета одежды для них предназначались более темных тонов. Но эти законы постепенно нарушались. Например, Врач в общем прологе:

«Носил малиновый и синий цвет,
И шелковый был плащ на нем надет.» [19, с. 41].

Подобные сюжеты мы можем найти при описании одежды и других категорий состоятельных горожан:

«Купец с ним ехал, подбоченясь фертом,
Напялив много пестрого добра.
Носил он шапку фландрского бобра
И сапоги с наборным ремешком» [19, с. 36].

То же можно сказать и о ремесленниках, которые шли в одежде пышной цехового братства, носили костюмы из добротного сукна, ножи в серебряной оправе [19, с. 38]. Хотя законы против роскоши предписывали людям низшего звания носить одежду лишь из грубого сукна. Еще один важный момент описывает Чосер, что почти все паломники были вооружены. У ремесленников из общего пролога ножи были в серебряной оправе [19, с. 38], а у шкипера на шнулке под мышкою кинжал [19, с. 39]. Все это говорит о небезопасности путешествия даже для паломников во времена Чосера. Поэтому и отправлялись целой группой, чтобы обезопасить себя от нападений. Так обычно и делали купеческие караваны, нанимая себе охрану.

Богатые горожане старались не отставать от дворян для показа своего материального состояния. Представляя нам жен ремесленников, Чосер не случайно упоминает их стремление и в одежде подчеркнуть свою обеспеченность:

«И жены помогали в том мужьям,
Чтоб только величали их «мадам»,
Давали б в церкви место повидней
И разрешали б шлейф носить длинней.» [19, с. 39].

В рассказе Мельника есть подробное описание костюма Алисон, жены плотника, дающее нам возможность представить повседневное платье женщин из среды зажиточных горожан:

«На ней был пояс, вышитый шелками,
И фартук стан ей облегал волнами
Как кипень белыми. А безрукавка
В узорах пестрых. На сорочке вставки
Нарядные и спереди и сзади» [19, с. 113].

В качестве украшения Алисон носила огромную брошку [19, с. 114].

Мужчины и женщины и носили плащи, застегивающиеся на груди пряжкой:

«Был лучшей белкой плащ его подбит,
Богато вышит и отлично сшит.
Застежку он подобно франтам,
Украсил золотым «любовным бантом». [19, с. 34, 114].

Как мы видим у Эконома (лица духовного звания) застежка была в качестве украшения.

Иногда с трудом улавливается разница в костюмах светских и духовных лиц. При описании Кармелита, Чосер указывал еще на один элемент костюмы средневекового человека — капюшон, который пришивали к кафтану или плащу, а иногда носили отдельно. Капюшон Кармелита заменял ему сумку:

«Он в капюшоне для своих подружек
Хранил булавок пачки, ниток, кружев.» [19, с. 35].

Дополнением к одежде были пояса, опускавшиеся по моде XIV в. ниже талии. На них и мужчины, и женщины носили сумки, кошель, украшенные у богатых горожан вышивкой и драгоценными камнями [19, с. 38].

На общем фоне роскоши и расточительства выделяется «запачканный дорожной глиной, кафтан просторный грубой парусины» [19, с. 39] шкипера. Его профессия вынуждала думать не о красоте, а прежде всего об удобстве одежды.

Внешний облик оксфордского студента тоже далек от роскоши. В изображении Чосера он вызывает только сочувствие и жалость:

«Студент оксфордский с нами рядом плелся.
Едва ль беднее нищий бы нашелся:
Не конь под ним, а щипаная галка,
И самого студента было жалко —
Такой он был обтрепанный, убогий,
Худой, измученный плохой дорогой.» [19, с. 36].

Конечно, студенты в реальности одевались так, как им позволяли их финансовые возможности, т. е. помощь от родителей, родственников или их собственная предприимчивость. Пример тому Душка Николас, который тоже был оксфордским школяром:

«Так проводил
Школяр тот время и беспечно жил,
Когда же денег из дому не слали,
Провизией друзья его снабжали.» [19, с. 113].

Следует заметить, что студенческий быт затронут Чосером достаточно кратко. Документы по истории колледжей Оксфорда и Кембриджа дают более детальные сведения по быту средневекового студента [11].

Итак, мы теперь можем подвести некоторые итоги описания материальных сторон быта английских горожан в «Кентерберийских рассказах» Чосера. Конечно, его взгляд на бытовые сюжеты очень интересны и нередко дают такие свидетельства, которые мы не найдем в других письменных источниках, например в завещаниях или инвентарях. Это касается, в первую очередь, описания одежды, которая изображается в «Кентерберийских рассказах» очень выпукло и ярко:

«У пояса, украшенного кругом
Шелками и точеным янтарем,
Висела сумка...» [19, с. 113].

Такого описания документальные источники фактически не дают. Таким образом, внешний вид жителей английских городов мы можем хорошо себе представить, прочитав «Кентерберийские рассказы» Чосера. Такое внимание автора к внешнему описанию его героев вполне понятно, ибо через этот прием он показывает и их психологический портрет. Достаточно подробно даны и пищевые пристрастия англичан той эпохи. Фактически перечислены почти все основные продукты питания. Однако основной упор у Чосера сделан на блюдах из птицы и мяса. Использование мяса птицы вполне объяснимо, ибо был наиболее дешевый и практичный мясной продукт. Поэтому он чаще всего упоминается в «Кентерберийских рассказах». Относительно жилища, внутреннего интерьера и домашней утвари описания Чосера достаточно краткие. Сведения о внешнем виде жилища и материале, из которого он

построен, даны очень скупо. Иногда есть информация о количестве комнат, но больше Чосер упоминает о хозяйственных постройках (чуланах, конюшнях и т. п.). Наконец, можно сделать ещё один вывод. Материальные сюжеты быта «Кентерберийских рассказов» в основном дают описания зажиточных слоев городского населения Англии той эпохи — купцы, цеховые ремесленники, городская интеллигенция, представители церковного причта. Именно они и являются его основными героями.

Библиографический список

1. Биск И. Я. История повседневной жизни в Веймарской республике. Иваново, 1990. 155 с.
2. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. М., 1986. Т. 1. 622 с.
3. Булгакова Е. Из жизни средневекового ремесленника. М., 1902. 122 с.
4. Гарднер Дж. Жизнь и время Чосера. М., 1986. 448 с.
5. Готтерот Ф. История внешней культуры. Одежда, домашняя утварь, полевые и военные орудия древних и новых времен. СПб., 1911. Т. 1. 224 с.; Т. 2. 240 с.
6. Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981. 359 с.
7. Гуревич А. Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. М., 1989. 368 с.
8. Даркевич В. П. Народная культура средневековья. М., 1988. 344 с.
9. Евсеев В. А. Повседневная жизнь английских горожан в Тюдоровскую эпоху [рабочий день и досуг на примере Ковентри и Лондона] // Человек XVI столетия. М., 2000. С. 212—220.
10. Евсеев В. А. Досуг английских горожан в Тюдоровскую эпоху // Англия и Европа: проблемы истории и историографии. Арзамас, 2001. С. 226—233.
11. Евсеев В. А. Некоторые аспекты регулирования частной жизни студентов Оксфорда и Кембриджа в XIV—XV вв. // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2016. Вып. 4. С. 5—13.
12. Иванов К. А. Средневековый город и его обитатели. СПб., 1895. 125 с.
13. Иванов К. А. Средневековый монастырь и его обитатели. СПб., 1902. 193 с.
14. Кашкин И. А. Предисловие // Чосер Дж. Кентерберийские рассказы. М., 1988. С. 5—25.
15. Петров М. Т. Итальянская новелла эпохи Возрождения как исторический источник // Проблемы источниковедения западноевропейского средневековья. Л., 1979. С. 148—170.
16. Поляковская М. А., Чекалова А. А. Византия: быт и нравы. Свердловск, 1989. 304 с.
17. Сапрыкин Ю. М. От Чосера до Шекспира: этические и политические идеи в Англии. М., 1985. 192 с.
18. Тревельян Дж. Социальная история Англии. М., 1959. 607 с.
19. Чосер Дж. Кентерберийские рассказы. М., 1988. 556 с.
20. Ястребицкая А. Л. Западная Европа XI—XIII вв.: эпоха, быт, костюм. М., 1978. 176 с.
21. Wills and administrations from the Knaresborough court rolls. Durham, 1902. Vol. I. 400 p.

Т. А. Ковров

ИЗ ПОВСЕДНЕВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОРОДСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ БАНКОВ ВЛАДИМИРСКОЙ И КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИЙ

Статья посвящена исследованию повседневной деятельности части городских общественных банков Владимирской и Костромской губерний. Анализируются архивные материалы по данной теме, хранящиеся в Государственном архиве Ивановской области. Внимание уделяется основным направлениям их деятельности, в том числе операциям по кредитованию местных органов самоуправления и населения, а также руководству банков. Исследуется роль Учётных комитетов в повседневной деятельности городских общественных банков и их полномочия.

Ключевые слова: государственный банк, городской общественный банк, кредитование, учёт векселей, приём вкладов, городская дума, городская управа, учётный комитет, периодические издания.

The article is devoted to the study of everyday activities of part of the city banks of Vladimir and Kostroma provinces. Archival materials on this topic, stored in the State archive of Ivanovo region, are analyzed. Attention is paid to the main areas of their activities, including lending of local authorities and the public, and also to the management of banks. The role of Accounting committees in the daily activities of urban public banks and their authority is investigated.

Key words: state bank, city public bank, lending, accounting of bills, acceptance of deposits, city council, city government, accounting committee, periodicals.

В июне 1860 года в преддверии освобождения крестьян от крепостной зависимости и проведения других реформ в России был образован Государственный банк. В соответствии с утверждённым уставом он стал банком краткосрочного и среднесрочного кредитования, а также крупнейшим учреждением страны. Свою деятельность Государственный банк осуществлял через сеть контор и отделений, число которых постепенно увеличивалось. Так, в 1864 году среди прочих было открыто Владимирское отделение, а в 1884 году — Костромское отделение Государственного банка. Как и другие они были наделены рядом полномочий, в том числе правом осуществления кредитования торгово-промышленного оборота посредством учёта векселей и выдачи под них денежных ссуд.

В городах, неохваченных деятельностью Государственного банка, «согласно закону 6 февраля 1862 года» создавались городские общественные банки [3, с. 207]. Они предназначались для кредитования населения, промышленности и торговли конкретного города или уезда и развития их экономики. Согласно указанному закону «общественные банки должны были создаваться при местных Думах того города, в котором открывался банк» [2, с. 59]. Причём «открытие банка осуществлялось под наблюдением и ответственностью органов городского самоуправления» [2, с. 59]. Потребность

в них оказалась настолько большой, что «уже в первое десятилетие после издания закона 1862 года по всей стране возникло свыше 180 городских общественных банков» [3, с. 207]. При этом большинство общественных банков, например, в городах Костромской губернии было открыты задолго до открытия местного отделения Государственного банка.

В Государственном архиве Ивановской области (ГАИО) сохранились документы, характеризующие повседневную деятельность ряда городских общественных банков Владимирской и Костромской губерний. Среди них Плёсский, Лухский, Шуйский, Юрьевецкий, Кинешемский и Пучежский банки. Несмотря на охват лишь части городских общественных банков, обращение к ним позволяет отразить хронологию открытия, специфику работы, роль в активизации хозяйственной жизни на местах, а также участие в их деятельности местной общественности.

Итак, согласно архивным фондам ГАИО в числе первых в Костромской губернии в 1862 году были открыты Плёсский и Лухский городские общественные банки. В 1866 году был открыт «Шуйский городской общественный банк Владимирской губернии», фонд которого имеет наибольшее количество единиц хранения. Чуть позднее, в 1868 году был открыт Юрьевецкий городской общественный банк и в 1870 году — Кинешемский городской общественный банк Костромской губернии. Наконец, в 1891 году открылся «Пучежский городской общественный банк», фонд которого представлен наименьшим количеством документов.

Благодаря архивным документам удалось установить сословную принадлежность и фамилии ряда руководителей упомянутых банков. Так, директором Лухского банка в 1896 году был мещанин Иван Матвеевич Толмасов, а в 1901—1902 годах — Александр Александрович Верховский. Товарищами директора были: в 1896 году — мещане Степан Андреевич Сурин и Александр Александрович Верховский, в 1901—1902 годах — мещане Вукол Николаевич Кузнецов и Иван Александрович Крылов.

Из материалов по Шуйскому банку известны имена 7 директоров Шуйского банка. Среди них: Алексей Александрович Посылин (1866 год — приблизительно до начала 1870-х годов), Иван Иванович Попов (приблизительно начало 1870-х годов — середина 1870-х годов), Павел Дмитриевич Кокушкин (1876—1879 годы), Иван Парфёнович Лебедев (1879—1884 годы), Иван Памфилович Пятников (1885 год — приблизительно конец 1890-х — начало 1900-х годов), Алексей Алексеевич Литвинов (приблизительно начало 1900-х годов — конец 1900-х годов) и Г. Семонженков (приблизительно первая половина 1910-х годов). Отметим, что первый директор банка А. А. Посылин, являясь потомственным почётным гражданином, Шуйским первой гильдии купцом, фабрикантом, внёс большой вклад в развитие городского хозяйства г. Шуи. Он был ярким представителем династии Посылиных, который совмещал меценатскую деятельность с руководством банком. Помимо имён директоров, известны имена товарищей (заместителей) директора банка: Кругликов, Василий Никифорович Павлов, Всеволод Иванович Новиков, Николай Иванович Котов, Никита Фёдорович Тихомиров, Д. М. Дрязгов, А. А. Кувшинов. Многие из них посвятили банковской сфере часть своей жизни. В частности, бухгалтер банка Александр Михайлович Зимин проработал в Шуйском городском общественном банке около 30 лет (с 1873 по 1903 год).

Из дел по Кинешемскому банку известны имена директора, товарищей директора и других должностных лиц. Например, «в 1906 г. Директором

банка был Иван Александрович Шипов, Товарищами Директора Иван Авксентьевич Могутов и Пётр Иванович Трекин» [1, ф. 502, оп. 1, д. 22, л. 69]. «В 1907 году Директором банка был кинешемский купец Николай Дмитриевич Калашников; Товарищами директора были кинешемский мещанин Николай Петрович Грязнов и торгующий по свидетельству Павел Иванович Трекин» [1, ф. 502, оп. 1, д. 22, л. 86]. Должность помощника бухгалтера в 1907 году занимал Павел Иванович Трунтаев.

Как правило, многие из названных руководителей были представителями мещанского или купеческого сословия. Как и повсеместно, «члены Правления банка (Директор и два Товарища Директора) избирались городским обществом» [2, с. 59] и при принятии тех или иных решений были подотчётны местным органам власти — Городской думе и Городской управе.

В своей повседневной деятельности банки составляли сметы расходов, отчётов и балансов; принимали вклады от населения, выдавали денежные ссуды, кредитовали под имущество и т. д. Для обеспечения надёжности операций при кредитовании промышленно-торгового оборота в зоне деятельности банков при них создавались учётные комитеты, в которые, как правило, привлекались авторитетные и известные местному сообществу лица. Проанализируем каждое из названных направлений их деятельности.

Составление сметы расходов, отчётов и балансов. В начале календарного года банки составляли, а затем направляли в местную Городскую думу соответствующую смету расходов. Они были небольшие и обычно не превышали несколько тысяч рублей. Смета утверждалась на заседании думы. В некоторых случаях гласные думы утверждали не всю смету, а лишь некоторые из её пунктов. Об этом свидетельствуют архивные документы по Кинешемскому банку. В частности: «Городская Дума в очередном заседании 18 января 1907 г., рассмотрев представленную Правлением банка смету расходов по содержанию на 1907 г., своим постановлением утвердила её в сумме указанного в ней расхода, за исключением внесённого в смету расхода в 150 руб. на выдачу наградных служащим в Канцелярии банка» [1, ф. 502, оп. 1, д. 22, л. 37].

Относительно составления отчётов и балансов следует отметить, что банки были обязаны ежегодно представлять в Министерство финансов и Министерство внутренних дел отчёты об итогах своей деятельности за каждый год, а также публиковать в местной печати балансы за каждое полугодие [2, с. 59].

Таким образом, банки ежегодно отчитывались перед городскими думами о планируемых ими расходах на очередной календарный год, а также докладывали министрам финансов и внутренних дел о результатах своей финансовой деятельности.

Приём вкладов от населения. Данные операции самостоятельно регламентировались правлениями банков и в силу экономических обстоятельств могли быть скорректированы. Например, из архивных документов по Шуйскому банку следует, что с августа 1878 года по ноябрь 1879 года проценты на вклады менялись 2 раза, причём в сторону увеличения. Так, правлением банка было решено «с августа 1878 г. платить проценты на вклады: а) до востребования по срокам до 1 г. 4 %, б) от 1 до 3 лет 4¼ %, в) от 3 до 6 лет 4½ %, г) от 6 до 9 лет 4¾ %, д) от 9 до 12 лет 5 %. На вечное время 5½ % годовых» [1, ф. 408, оп. 1, д. 1, л. 50]. Уже весной 1879 года размер процентов по вкладам увеличился. Например, «с 1 апреля 1879 г. платить проценты

на вклады: а) до востребования и сроком на 1 год 4½ %, б) от 1 до 3 лет 4¾ %, в) от 3 до 6 лет 5 %, г) от 6 до 9 лет 5¼ %, д) от 9 до 12 лет 5½ %, е) и на вечное время 6 %» [1, ф. 408, оп. 1, д. 1, л. 54]. Осенью 1879 года размер процентов вновь был увеличен. В частности, «проценты на вклады с 15 ноября 1879 г. платить: на бессрочное время 5 %, от 1 до 3 лет 5¼ %, от 3 до 6 лет 5½ %, от 6 до 9 лет 5¾ %, от 9 до 12 лет 6 %, на вечное время 6½ %» [1, ф. 408, оп. 1, д. 1, л. 55].

Кроме того, существовала практика приостановки и возобновления приёма вкладов. Так, 5 июля 1880 года Правление Шуйского банка «ввиду неимения надобности продолжать приём вкладов, как вечных, срочных и бессрочных, постановило: временно приостановить с 15 июля этого года приём вкладов» [1, ф. 408, оп. 1, д. 1, л. 57]. И далее «10 октября 1880 г. Правление банка, обсуждая вопрос об открытии приёма вкладов, прекращённого Постановлением 5 июля этого года, постановило: ввиду надобности для операций банка приём вкладов возобновить с 10 октября этого года» [1, ф. 408, оп. 1, д. 1, л. 58].

Выдача ссуд (кредитование). С целью обеспечения возвратности ссуд банки выдавали их под различные виды залогов. Например, в Кинешемском банке при выдаче ссуд в качестве залога могли выступать процентные бумаги и недвижимое имущество. В то же время Шуйский банк выдавал ссуды «под залог процентных бумаг, товаров, драгоценных и других вещей, не подверженных порче, и недвижимых имуществ» [1, ф. 408, оп. 1, д. 1, л. 12 об.]. Среди товаров, которые могли быть приняты к залогоу в Шуйском банке, значились прядёная бумага, миткаль и ситцы [1, ф. 408, оп. 1, д. 1, л. 20]. При этом строго оговаривался срок выдачи ссуды и последствия, могущие быть в случае её непогашения, а именно: конфискация имущества (поступление имущества в собственность банка). И такие случаи были нередки, о чём свидетельствуют архивные материалы. Например, «банком 25 сентября 1885 г. Шуйскому мещанину Ивану Николаевичу Балдышеву было выдано в ссуду 7500 рублей, сроком на 3 года под залог принадлежащего Балдышеву недвижимого имения, находящегося в г. Шуя, 14 квартале, по Ковровской улице. Затем срок по ссуде Правлением банка был продолжен ещё на 5 лет. За неплатёж Балдышевым % по ссуде, произведённых банком расходов и капитального долга, за истечением установленных сроков Правление банка постановило: принадлежащее Шуйскому мещанину Балдышеву недвижимое имение признать поступившим в собственность банка в сумме числящегося на этом имении по настоящее время капитального долга и произведённых банком расходов всего 7896 р. 68 к.» [1, ф. 408, оп. 1, д. 1, л. 90—90 об.].

Распространение получила практика долгосрочного предоставления ссуд городским управам. Так, согласно документам из фонда Шуйского банка «20 апреля 1877 г. Городская Управа получила на основании Постановления Городской Думы от 4 июля 1875 г. и 20 Февраля 1876 г. и с разрешения Министерств Финансов и Внутренних Дел 35000 рублей серебром от банка сроком на 15 лет с ежегодным погашением по 2333 р. 33 к. в год. ...» [1, ф. 408, оп. 1, д. 1, л. 45].

Кроме того, банки могли выплачивать пособия детям бывших работников в случае потери кормильца. Так, Кинешемская Городская дума в очередном заседании 18 января приняла решение «предложить Правлению банка, в котором состоял на службе отец опекаемого Д. Бочкарёва, — Ив. Ив. Бочкарёв, увеличить малолетнему сыну его Дмитрию Бочкарёву отпускаемое банком

на содержание его пособие до размера, какой признает Правление банка возможным по своему усмотрению» [1, ф. 502, оп. 1, д. 22, л. 27—27 об.].

Учётные комитеты. Они были созданы при всех рассматриваемых в статье городских общественных банках. В качестве членов учётных комитетов приглашались известные в округе предприниматели и представители общности. При исполнении обязанностей они давали «обещание при исполнении возложенной на них обязанности действовать по совести без лицепрятия и хранить в тайне всё, касающееся вверенных банку частных коммерческих дел и счетов» [1, ф. 408, оп. 1, д. 1, л. 102]. Например, в состав Учётного комитета Плёсского банка входили мещане Александр Васильевич Бакакин, Иван Дмитриевич Иванчиков, М. П. Подгорнов и Григорий Ермилович Токов. Членами комитета Лухского банка были мещане Александр, Василий и Иван Николаевичи Винокуровы, Николай Иванович Кашин, Александр Петрович Мельников и Алексей Иванович Толмасов.

В компетенцию Учётных комитетов, как правило, входили вопросы принятия векселей к учёту, как одной из форм кредитования того времени. О принимаемых ими решениях свидетельствует один из примеров: «Члены Учётного комитета банка в заседании 7 августа 1902 г., под председательством Директора банка А. А. Верховского и одного из его товарищей, рассматривали векселя, предъявленные к учёту: 1) И. Т. Гавриловым — Н. И. Горским на 5 м. в 15 руб. 2) Е. А. Смирновым — Н. И. Пудовым на 3 м. в 90 руб. Постановили: обозначенные векселя, ввиду благонадёжности лиц, участвующих в оных, допустить к учёту» [1, ф. 998, оп. 3, д. 60, л. 39 об.].

Из архивных документов следует, что векселедателями и предъявителями векселей были лица разных социальных слоёв. В подавляющем большинстве случаев это были мещане. В то же время выдавать векселя и предъявлять их к учёту могли крестьяне, купцы, земские врачи, и даже потомственные дворяне, потомственные почётные граждане и губернские секретари. Так, «15 июля 1896 г. члены Учётного комитета Лухского банка в заседании своём рассматривали вексель, предъявленный для учёта крестьянином дер. Матюкина Подмонастырной волости Григорием Ивановым Тихомировым, выданного ему крестьянской женой Анной Яковлевой Тихомировой на 3 месяца в 1000 рублей от 6 июля этого года» [1, ф. 998, оп. 2, д. 10, л. 18]. Или «члены Учётного комитета банка в заседании 10 декабря 1902 г. рассматривали вексель, предъявленный к учёту купеческой вдовой Антониной Алексеевой Паниной, выданного ей Юрьевецким купцом Сергеем Александровичем Норкиным, на 6 м. в 1000 р.» [1, ф. 998, оп. 3, д. 60, л. 48 об.]. Показательны и другие примеры. В частности, «члены Учётного комитета банка в заседании 27 апреля 1901 года, рассматривали вексель, предъявленный к учёту: 1) И. Н. Винокуровым — земского врача Н. П. Ртищева на 5 месяцев в сумме 90 руб.» [1, ф. 998, оп. 3, д. 60, л. 6], а также «3 декабря 1912 г. Учётного комитета Плёсского банка вексель предъявлен дворян. Марией Петровной Перротте к учёту на 5 м. 28 д., данный ей 1 с./м. двор. Владимиром Николаевичем Перротте в 130 руб.» [1, ф. 242, оп. 1, д. 6, л. 63 об.].

Из архивных документов также следует, что денежные суммы предъявляемых векселей и срок, на который они принимались к учёту, были разными. Так, «члены Учётного комитета Лухского банка в заседании 31 мая 1901 г. рассматривали вексель, предъявленный к учёту Иваном Тихоновым Гавриловым, выданного ему Егором Андреевым Смирновым, на 3 месяца в сумме 200 руб.» [1, ф. 998, оп. 3, д. 60, л. 9] или «20 февраля 1906 г. Учётный

комитет рассматривал векселя, представленные: А. С. Балухевым в 69 р. на Е. М. Балухеву, М. М. Гвоздём в 90 р. на М. И. Гвоздёву, И. В. Недопекиным в 175 р. на А. М. Новожилова, и признав их благонадёжными единогласно определили допустить векселя к учёту в Банк» [1, ф. 1006, оп. 2, д. 77, л. 12 об.].

В деятельности комитетов принимали участие члены Правления банков, в том числе и для решения своих личных интересов. Так, директор Плещского банка Ксенофонт Максимович Грошев в 1912 году неоднократно предъявлял векселя к учёту: «Вексель предъявлен мещ. Ксенофонтом Максимовичем Грошевым к учёту на 6 м., данный ему с./г. крест. Павлом Петровичем Морозовым в 165 руб.» [1, ф. 242, оп. 1, д. 6, л. 13] (заседание 1 марта 1912 г.) или «Вексель предъявлен мещ. Ксенофонтом Максимовичем Грошевым к учёту на 3 м., данный ему с./г. мещ. Михаилом Харлампиевичем Балухевым в 100 р.» [1, ф. 242, оп. 1, д. 6, л. 19 об.] (заседание 9 апреля 1912 г.) и т. д. Только за весь 1912 год директор банка предъявлял векселя на различную сумму 17 раз. То есть, участвуя в заседаниях Учётного комитета, он рассматривал вексель, им же и предъявленный к учёту, т. е., по сути, при решении своих финансовых вопросов использовал служебное положение.

Член Учётного комитета Лухского банка Алексей Иванович Толмасов только за 1896 год 17 раз предъявлял векселя к учёту, причём в 1 случае векселедателем являлся его ближайший родственник (по всей вероятности, брат): «13 декабря 1896 г. Члены Учётного комитета банка в заседании своём рассматривали вексель, предъявленный для учёта Лухским мещанином Алексеем Ивановым Толмасовым, выданного ему Василием Ивановым Толмасовым от 3 декабря этого года на 3 месяца в 200 руб.» [1, ф. 998, оп. 2, д. 10, л. 10 об.]. Поскольку директором Лухского банка в 1896 году являлся Иван Матвеевич Толмасов, а в документах за тот же год фигурируют Алексей и Василий Ивановичи Толмасовы, то можно предположить, что последние двое являются сыновьями Ивана Матвеевича. Это, в свою очередь, свидетельствует о том, что директор банка поспособствовал своему сыну стать членом учётного комитета банка, которым он руководил и решал при его участии свои финансовые вопросы.

Товарищ директора Лухского банка Степан Андреевич Сурин за тот же 1896 год 10 раз предъявлял векселя к учёту. При этом векселедателем в трех случаях являлся ближайший родственник (судя по имени и отчеству, либо, более вероятно, брат, либо, маловероятно, отец). Так, «9 Ноября 1896 г. Члены Учётного комитета банка в заседании своём рассматривали вексель, предъявленный для учёта Лухским мещанином Степаном Андреевым Суриным, выданного ему Андреем Андреевым Суриным от 1 Ноября этого года на 6 месяцев в 150 руб.» [1, ф. 998, оп. 2, д. 10, л. 26]). Его заместитель — товарищ директора в 1901—1902 годах Вукол Николаевич Кузнецов, предъявлял вексель к учёту в 7 случаях. Например, «5 октября 1896 г. Члены Учётного комитета банка в заседании своём рассматривали вексель, предъявленный для учёта Лухским мещанином Степаном Андреевым Суриным, выданного ему Вуколом Николаевым Кузнецовым от 18 Сентября этого года на 7 месяцев в 65 руб.» [1, ф. 998, оп. 2, д. 10, л. 23]).

Таким образом, Учётные комитеты играли заметную роль в деятельности городских общественных банков и в силу ряда обстоятельств нередко повторяли местным банкирам в решении их финансовых вопросов.

В целях обеспечения безопасности банков и банковских служащих приобреталось соответствующее имущество и оружие. В частности, Кинешемский банк за наличные деньги в размере 300 рублей приобрёл в Москве несгораемый шкаф [1, ф. 502, оп. 1, д. 22, л. 32]. А члены Правления банка 3 августа 1907 г. обратились к кинешемскому исправнику дать разрешение на приобретение трёх револьверов (двух для ношения членами Правления и одного для служащего) [1, ф. 502, оп. 1, д. 22, л. 87].

Анализируя деятельность банков, следует отметить, что все их решения по вопросам приёма вкладов, выдачи ссуд, учёта векселей и т. д., публиковались в местных периодических изданиях. Так, решения Шуйского банка публиковались в газете «Владимирские губернские Ведомости», а Кинешемского банка в «Костромских губернских ведомостях» и в «Правительственном Вестнике». Кроме того, решения банков выставлялись в приёмных комнатах соответствующего банка и Городской думы.

Таким образом, на основании изученных архивных материалов можно утверждать, что городские общественные банки на территории Владимирской и Костромской губерний стали создаваться во второй половине XIX века. Они образовывались в основном в тех городах, где не было отделений Государственного банка. В своей деятельности общественные банки были подотчётны местным представительным органам власти. Их основным предназначением было участие в кредитовании городского населения, промышленности и торговли. Избрание лиц на должности директора банка и его заместителя осуществлялось городским населением. Банки ежегодно отчитывались перед местной властью о планируемых расходах и результатах своей деятельности. Руководство банков тесно сотрудничало с местными органами власти во время обсуждения и принятия решений. Банки осуществляли деятельность по приёму вкладов, выдаче ссуд, кредитованию под имущество, помощи детям и т. д. При этом все решения, принимаемые Правлением банков по тому или иному вопросу, доводились до населения городов путём публикации в газетах. Общей чертой деятельности всех банков было наличие в них Учётных комитетов, которые одобряли или не одобряли действия банка по кредитованию местного торгово-промышленного оборота. По сути, это была форма участия населения через своих представителей в деятельности городских общественных банков. Различия в деятельности банков в основном зависели от объёмов торгово-промышленных оборотов на той или иной территории.

Библиографический список

1. Государственный архив Ивановской области.
2. Грузицкий Ю. Л. Городские общественные банки дореволюционной России (история возникновения и развития) // Финансы и кредит. 2002. № 11. С. 58—62. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/gorodskie-obschestvennye-banki-dorevoljutsionnoy-rossii-istoriya-vozniknoveniya-i-razvitiya> (дата обращения: 10.10.2019).
3. История Банка России 1860—2010 : в 2 т. Т. 1 : Государственный банк Российской империи. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 623 с.

ББК 63.3(2)614-201

О. Ю. Орешкин

ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ В СИСТЕМЕ ТОРГОВЛИ СССР В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-Х ГГ. НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ ТОРГОВОЙ СЕТИ ВЛАДИМИРСКОЙ МЕЖРАЙОННОЙ БАЗЫ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТНОЙ КОНТОРЫ ТОРГСИН

Статья посвящена вопросу о реализации кадровой политики в СССР в первой половине 1930-х гг. на примере работы торговой сети Владимирской межрайонной базы Ивановской областной конторы Торгсин. Автор уделяет внимание особенностям правового регулирования внутри системы вопросов подбора кадров, оплаты труда, распределения продовольственных пайков, повышения квалификации среди сотрудников торговых точек Владимирской МРБ Торгсин.

Ключевые слова: Владимирская межрайонная база, Ивановская областная контора, кооперативные цены, торговая точка, продовольственный паек.

The article is devoted to the implementation of personnel policy in the USSR in the first half of the 1930s on the example of the operation of the trade network of the Vladimir Inter-District Base of the Ivanovo Regional Office Torgsin. The author pays attention to the peculiarities of legal regulation within the system of issues of selection of personnel, remuneration, distribution of food rations, advanced training among employees of outlets Vladimir IDB Torgsin.

Key words: Vladimir inter-district base, Ivanovo regional office, cooperative prices, trade point, food ration.

Создание Всесоюзного объединения по торговле с иностранцами в СССР — Торгсин относится к 1931 г. На первоначальном этапе эту работу планировалось проводить через торговлю с иностранцами, посещавшими нашу страну. Торговый ассортимент магазинов включал в дефицитные продовольственные и промышленные товары, художественные ценности и антиквариат. Торговля осуществлялась в обмен на иностранную валюту.

В июне 1931 г. Торгсин разрешил приобретать товары, реализуемые через свою торговую сеть за царский золотой чекан и в счет переводов валюты из-за границы советским гражданам. С конца 1931 г. в этот список добавилось право обмена на бытовое золото. Со временем Торгсин стал принимать от населения серебро, платину, бриллианты и др. драгоценные камни и произведения художественного искусства [6, с. 11—12].

Филиалы Владимирской межрайонной базы Торгсин (далее: Владимирская МРБ) находились во всех районах, перешедших в 1929 г. в состав Владимирского округа Ивановской промышленной области: Ставровском, Суздальском, Владимирском, Собинском, Судогодском, Гусевском, Ковровском, Вязниковском, Селивановском, Гороховецком и Меленковском [4, с. 5].

Изменения были связаны с новым административно-территориальным делением страны в конце 1920-х гг. В этот период в состав ИПО вошли

бывшие Иваново-Вознесенская, Ярославская, Костромская и Владимирская губернии [5, с. 223].

Задачи ускоренной индустриализации СССР в 1930-х г требовали от государства ужесточения трудовой, производственной и общегосударственной дисциплины. Принимаемые решения затрагивали не только отрасли производства, но сферу обслуживания. В условиях борьбы с «буржуазными элементами», «вредителями», семейственностью с одной стороны и формированием новых советских кадров с другой кадровая политика становится одним из ключевых направлений.

Нововведения создавали новые требования к оформлению и приему на работу, ротации кадров, оплате труда и социальным гарантиям, обучению работников и т. д. Практическим воплощением инициатив стало введение в СССР трудовых книжек, развитие системы ударничества и социалистических соревнований, а также переход к карточной системе и пайковому обеспечению.

Одновременно с необходимостью укрепления трудовой дисциплины в целом в системе народного хозяйства, особое отношение к кадровой политике в системе Торгсина объяснялось спецификой деятельности объединения. Государство, фактически допуская элементы рыночных отношений в условиях социализма, предъявляло дополнительные требования к сотрудникам Торгсин. Прежде всего, речь идет о личных качествах. Усиливает запрос на квалифицированный персонал работа с валютными ценностями, доступ к которым мог быть источником спекуляций и личного обогащения.

Таким образом, начатая по всей стране кампания по чистке государственного аппарата и структур не обошла стороной и торговую сеть Торгсин.

Для решения вопросов кадровой политики Торгсина в марте 1933 г. был распространён циркуляр Московской областной конторы: «Прием новых работников проводить под углом зрения системного укрепления системы Торгсин, с учетом всех специфических особенностей этой организации и ее политического значения, взяв за основу установку на окоммунизировку аппарата. Добиться укомплектования за счет подбора членов партии и комсомольцев с учетом их соответствия этой работе» [1, ф. Р-2379, оп. 1, д. 2, л. 27].

Подтверждением наличия проблем в данном направлении является доклад руководителя кадрового сектора Торгсин т. Эйхенвальда, где сообщается «...Отделы кадров всей системы Всесоюзного объединения Торгсин, вследствие неудовлетворительного в прошлом состава работников в них, выполнив количественный план набора торговых работников в первом квартале текущего года, совершенно не обеспечили качественную проверку принимаемых, что привело к засорению торговой сети чуждыми и не квалифицированными элементами... В результате “самочистки” аппарата и системы Торгсин в центральном аппарате было сменено 116 человек, на периферии снято из руководящих работников 24 управляющих конторами, 11 заместителей, 5 коммерческих директоров, кроме того из среднего и обслуживающего звена торговой сети периферии сменено по 16 конторам 741 человек или 10.1 % работавших» [1, ф. Р-1950, оп. 1, д. 8, л. 6].

Из 59 работников Вязниковского, Владимирского, Гороховецкого, Ковровского и Александровского универмагов сведениями, о которых сохранились в архивных фондах, 69,5 % не имели партийного билета.

Партийность была атрибутом, прежде всего директоров и заведующих магазинами, реже бухгалтеров. Членов ВКП (б), кандидатов в члены

и представителей ВЛКСМ, было лишь 30,5 %. Это обстоятельство, очевидно, шло вразрез с установкой партии на «окоммунизировку» аппарата.

Приоритетом при трудоустройстве в Торгсине было социальное происхождение. Большинство работников происходило из крестьян и рабочих, которые в совокупности составили — 74,4 %. Из имеющихся данных о 43 сотрудниках чуть менее половины работников — 44,2 % относились к крестьянам, происходившими из рабочих — 30,2 %. Четверть принимаемых — 25,6 % были родом из семей служащих и бывших торговцев.

Должности руководителей областной конторы занимали сотрудники, проживавшие в Ивановской области. Должность управляющего ИВОК была единственным решением, по которому принималось правлением Всесоюзного объединения. Все остальные кадровые вопросы были исключительно в компетенции ИВОК, часть из которых лишь согласовывалась с местными Советами и партийными органами.

Практика назначения ключевых фигур из других регионов в ИВОК не получила распространения. Утверждение директоров и заведующих происходило преимущественно из числа действующих сотрудников или новых кандидатур, но проживавших в пределах района или города, где находился магазин или универмаг.

Заведующие и директора внутри межрайонных баз назначались директорами головных универмагов и подлежали утверждению в областной конторе [1, ф. Р-2379, оп.1, д. 11, л. 61—65].

За период существования Торгсина сменилось 3 управляющих ИВОК и 3 руководителя Владимирской МРБ. Ни в одной торговой точке ВМБ директора и заведующие не проработали весь период ее деятельности. Иными словами кадровые перестановки руководящего состава затронули все магазины и универмаги. Продолжительность занятия должностей разнилась от одного месяца до полутора лет.

Все это свидетельствует о высокой текучести кадров среди руководящего состава.

С 1934 года новым явлением становится назначение женщин-руководителей. Они занимали должности директоров в Вязниках и в Гороховце. Однако данные примеры все же исключение из правил, нежели установившаяся тенденция.

Этот период отмечается не только политикой обновления аппарата руководящих работников, но и значительным сокращением штата сотрудников. Сокращение затронуло большинство торговых точек по линии Владимирской межрайонной базы.

Так, в Ковровском универмаге в период с января 1933 г. по октябрь 1934 г. было уволено 14 человек [2, ф. Р-1485, оп. 2, д. 33, л. 19]. Гусевской ларек в период с мая по октябрь 1933 г. лишился 10 человек [2, ф. Р-1485, оп. 2, д. 33, л. 20].

Наиболее крупному сокращению подвергся Владимирский универмаг. На октябрь 1933 г. здесь было уволено 20 человек из 36 сотрудников [2, ф. Р-1485, оп. 2, д. 33, л. 27].

Заработная плата сотрудников была различной на всем протяжении существования Торгсина. Доход директора и заведующего магазином во Владимирской МРБ в разное время варьировался от 185 руб. [1, ф. Р-1950, оп. 1, д. 2, л. 54] до 375 руб. [1, ф. Р-890, оп. 1, д. 4, л. 86]. Различия, прежде всего, зависели от финансового оборота магазинов.

Оплата труда продавцов достигала от 65 руб. [1, ф. Р-1950, оп. 1, д. 2, л. 54] до 125 рублей [1, ф. Р-890, оп. 1, д. 4, л. 56].

На примере Вязниковского и Владимирского универмагов представим зарплаты по другим категориям сотрудников концу 1933 г.: заместитель директора — 180 рублей, заведующий промотделом — 170 рублей, главный бухгалтер — 325 рублей, заместитель главного бухгалтера — 250 рублей, бухгалтер товарной части — 200 рублей, старший кассир — 125 рублей, старшие продавцы 130 рублей, кассиры — 220 рублей.

Кроме объемов оборота, ее увеличению способствовали сокращения штата, возрастал функционал работника за счет передачи ему дополнительных обязанностей сокращенного работника.

Среди директоров межрайонных баз в 1933 г. самые низкие доходы были у директоров Владимирской и Кинешемской МРБ (275 рублей), затем шли руководители Ивановского и Рыбинского отделений (300 рублей). Лидером в этом отношении был директор Ярославской МРБ с доходом 367 рублей [2, ф. Р-1485, оп. 1, д. 1, л. 17]. Высокий доход директора Ярославской МРБ вероятно связан с тем, что данная МРБ имела крупнейшую торговую сеть.

Кадровая политика в Торгсине характеризовалась и повышением уровня профессионализма сотрудников. Областные курсы прошли с декабря 1933 г. по март 1934 г. Главной задачей была подготовка сотрудников по специализации «заведующий магазином». Курсы были рассчитаны на 3—4 месяца обучения. Их стоимость на одного человека составляла от 1068 до 1470 рублей в зависимости от продолжительности подготовки. Масштаб события подтверждают цифры. Всего в рамках обучения 39 специалистов было выделено 41657 рублей [2, ф. Р-1485, оп. 2, д. 80, л. 175].

Особенностью Торгсина по вопросу реализации кадровой политики была деятельность Особой инспекции. Появление инспекции объяснялось спецификой работы Торгсина, что отличало ее от других торговых учреждений. Новая структура существовала исключительно внутри Торгсина. Инспекция занималась как контролем над хозяйственной деятельностью, так и осуществляла проверку компетентности руководителей торговых точек и их подчиненных.

Комиссия фиксировала, например такие нарушения: «Заведующий Юрьев-Польского магазина, пользуясь служебным положением, допустил уравниловку и семейственность в вопросах получения пайка сверхустановленной ему суммы по списку за счет своих подчиненных...» [1, ф. Р-890, оп. 1, д. 17, л. 12] или «со стороны директора (Владимирского универмага. — *О. О.*) допущена засоренность среди личного состава головного магазина чуждо-классовым элементом (бывшие торговцы). Также допущена среди работников семейственность...» [2, ф. Р-1485, оп. 2, д. 82, л. 55].

Вначале 1930-х гг. в городах снова появились продовольственные карточки, отмененные после гражданской войны [3, с. 206].

Система носила дифференцированный характер и напрямую зависела от участия в развитии индустриализации страны. Контроль за реализацией карточной системы в СССР был у народного комиссариата снабжения.

Главным отличием Торгсиновского пайкового обеспечения заключалось в том, что оно не было централизованным снабжением. Документы, регулировавшие выдачу пайков, были исключительно ведомственными и разрабатывались структурами Народного комиссариата внешней торговли.

Продкарточки в стране распространялись как на сотрудников советских учреждений, так и на членов их семей. Пайки в Торгсине предоставлялись только работникам.

Одним из документов о выдаче пайков было распоряжения № 214 по МОК Торгсин от 29 августа 1932 г. [1, ф. Р-2379, оп. 1, д. 5, л. 44—47]. Сумма пайка составляла 12 рублей, а с 1 сентября была уменьшена до 11,5 рублей [1, ф. Р-2379, оп. 1, л. 44].

Последующие инструкции за 1933—1934 дифференцировали порядок выдачи продовольственных карточек. [1, ф. Р-1950, оп. 2, д. 4, л. 11—16].

Стоимость пайков взималась по кооперативным ценам: «А» — 28 руб.; «Б» — 42 руб.; «В» — 54 руб.; «Г» — 70 руб. [1, ф. Р-890, оп. 1, д. 10, л. 42].

Расчет стоимости пайка в розничных кооперативных ценах

[1, ф. Р-3060, оп. 1, д. 9, л. 333]

Наименование товара	В ценах Торгсина			В розничных кооперативных ценах	
	Кол.(кг/л)	Цена (коп.)	Сумма (коп.)	Цена (коп.)	Сумма (коп.)
1. Мука пшеничная 75 %	5 кг.	13 коп.	65 коп.	0,35 коп.	4,25 руб.
2. Сахарный песок	4 кг.	24 коп.	96 коп.	2 руб.	3 руб.
3. Крупная ядрица	6 кг.	17 коп.	1,02 руб.	32 коп.	1,92 руб.
4. Мыло хоз-ое 60 %	2 кг.	24 коп.	43 коп.	1,20 руб.	2,40 руб.
5. Подсолнечное масло	2 кг.	48 коп.	96 коп.	2 руб.	4 руб.
6. Чай	150 гр.	40 коп.	60 коп.	1,40 руб.	2,10 руб.
7. Масло животное 2 сорт	3,7 л.	70 коп.	2,59 руб.	6,50 руб.	24,05 руб.
8. Яйцо	40 шт.	15 коп.	60 коп.	2,80 руб.	7,20 руб.
9. Сыр Голландский	1,5 кг.	60 коп.	30 коп.	2,80 руб.	4,20 руб.
10. Мясо говядины 2 сорт	2,2 кг.	32 коп.	70 коп.	2,23 руб.	5,01 руб.
11. Сельдь	3 кг.	18 коп.	54 коп.	2,15 руб.	6,45 руб.

Техника расчета так называемых кооперативных цен выглядела следующим образом. Норма пайка в ценах Торгсина по каждому товару, делилась на цену товара, и таким образом определялось количество товара подлежащего выдаче в пайке. Из приведенной таблицы расчета, к примеру, возьмем норму муки 75 % пшеничной в 65 копеек и разделим на цену 13 копеек. Полученное количество умножим на рознично-кооперативную цену, в данном случае 35 коп./кг. и получим сумму стоимости муки в розничных кооперативных ценах 5 кг по 35 копеек (4,25 руб.) и т. д. по каждому товару. В итоге стоимость набора товаров в ценах торгсина — 10 рублей, противопоставлялась стоимости в розничных ценах в сумме 69,68 рублей. Таким образом, с сотрудников взималась сумма согласно именно этого расчета — 69,68 рублей [1, ф. Р-3060, оп. 1, д. 9, л. 333].

Иными словами, за 1 «торгсиновский» рубль давали почти 7 советских рублей. Золотой рубль Торгсина официально был равен 6 руб. 60 коп. в «простых» советских денежных знаках» [6, с. 91].

Данная формула расчета нормы пайка в кооперативных ценах и ее результаты представлены в таком варианте в архивном документе.

Очевидно, что при расчетах стоимости товаров и в итоговой сумме пайка допущена математическая ошибка.

В связи с отменой в 1935 г. карточной системы в СССР выдача пайков в Торгсине стала инструментом поощрения [1, ф. Р-1950, оп. 3, д. 2, л. 33—34].

С конца 1934 г. по Ивановской областной конторе Торгсин была впервые апробирована система социальных соревнований. В связи с чем договоры о соперничестве были заключены между, Иваново и Владимиром, Кинешмой и Костромой [1, ф. Р-890, оп. 1, д. 13, л. 266], Ковровом и Вязниками [1, ф. Р-2379, оп. 1, д. 10, л. 8], Юрьев-Польским и Александровом [1, ф. Р-3060, оп. 1, д. 9, л. 328]. Ивановская областная контора соревновалась с Казанской и Горьковской конторами [1, ф. Р-3060, оп. 1, д. 9, л. 325]. Такие соревнования стимулировали работников, за успешное выполнение показателей предусматривалось дополнительное материальное поощрение.

Уделялось внимание и бытовому обслуживанию работников, документы обязывали, выделять специальные помещения для принятия пищи, обеспечив их необходимым инвентарем, а также кипятком, сухим чаем, мылом и чистым полотенцем [1, ф. Р-1950, оп. 3, д. 1, л. 92].

В борьбе за культурный вид работникам прилавка выдавались талоны: мужчинам на бритье, женщинам на маникюр. На эти цели была выделена сумма 12 рублей [1, ф. Р-3060, оп. 1, д. 2, л. 170].

В целом можно сказать, что кадровая политика в системе Торгсин отвечала запросам времени. Она находит отражение общей тенденции государственной политики и имеет свои особенности.

Общим было внимание к социальному происхождению, партийной принадлежности и возрасту сотрудников. В тоже время сотрудники Владимирской МРБ Торгсина, как и других советских учреждений, обеспечивались заработной платой и продовольственными пайками.

Большинство перестановок и назначений по линии Владимирской МРБ в целом касались перехода сотрудников с одной должности на другую. Увольнения работников в основном были связаны с общими тенденциями к сокращению штатных единиц и ликвидацией отдельных должностей и подразделений в структуре универмагов.

Случаи увольнения с последующим судебным преследованием были скорее исключением, чем распространенным правилом. Юридическая ответственность работников, как правило, касалась хозяйственных нарушений.

Библиографический список

1. Государственный архив Владимирской области.
2. Государственный архив Ивановской области.
3. *Верт Н.* История советского государства. 1900—1901. М. : Прогресс-Академия, 1995. 544 с.
4. Владимирский округ Ивановской промышленной области и его районы». Издание организационной комиссии Владимирского округа. Владимир, 1929. 128 с.
5. *Околотин В. С.* ИПО (1929—1936 гг.) «Уроки экономической истории». Иваново : ИГТА. 2009. 528 с.
6. *Осокина Е. А.* Золото для индустриализации: Торгсин. М. : РОССПЭН, 2009. 592 с.

ББК 63.3(2)6-72

А. С. Панин

**«ОБНАРУЖИЛАСЬ МОГИЛА ЧУДЕСНЫМ ОБРАЗОМ...»
(Почитание могил как внешнее проявление
народной религиозности в XX веке)**

В XX веке народная религиозность является важной частью повседневной жизни, проявляясь в практиках, связанных с погребением и поминовением. Религиозные символы, «знаки и тексты» облегчают почитание могил. Почитание могил, прежде всего почивших праведников, подтверждает значимость «сакрального в повседневной жизни» для массового религиозного сознания.

Ключевые слова: Народная религиозность, повседневность, практики связанные с погребением и поминовением, религиозные символы, почитание могил.

In the twentieth century, folk religiosity is an important part of everyday life, manifested in practices related to burial and commemoration. Religious symbols, «signs and texts» facilitate the veneration of graves. The veneration of the graves, above all of the dead righteous, confirms the significance of the «sacred in everyday life» for mass religious consciousness.

Key words: Folk religiosity, everyday life, practices related to burial and commemoration, religious symbols, grave worship.

В настоящее время религия и религиозность становятся полноправными объектами научного дискурса, хотя по поводу предмета исследования ещё могут возникать отдельные разногласия. Так, например, народная религиозность сегодня, с одной стороны кажется достаточно изученной, с другой стороны в её определении или, точнее, в выделении предмета исследования всё ещё существуют разночтения. Достаточно сказать, что даже при согласии с термином «народная религиозность» при различных методологических подходах, здесь будут приниматься во внимание то ментальные структуры, то этнографические традиции и их проявления. По-видимому, наиболее простым выходом оказывается примирение со всеми пересекающимися определениями и одновременное признание, что ментальные основы могут дополняться доступными этнографу обрядами и ритуалами.

«К народной религиозности, синонимами которой являются «народное православие», «народное христианство», относят ту часть религиозной культуры общества, которая не попадает в фокус церковной традиции, не кодифицирована и находится в сфере индивидуального религиозного опыта, а также связана с народными, локальными или повседневными обычаями...» [2, с. 29].

В приведённом выше отрывке кроме прочего отмечается связь народной религиозности с повседневностью. Кажется важным, что «массовая» или народная религиозность неоспоримо вплетается в ткань истории повседневности, определяет обыденные практики и не связанные с Церковью сферы культуры.

«Можно сказать, что народная религиозность транслирует «культурный код», обуславливающий обыденную жизнь» [4, с. 31].

Соотнесённость религиозности и обыденности позволяет объяснить трудности с точными определениями содержания «народной религиозности» — вне догматов и Церкви не может быть религиозности неизменной во всех проявлениях, как не может быть повседневности одинаковой в разное время и в разных местах.

В то же время религиозные мотивы повседневных практик могут проявляться везде и повсюду даже при отсутствии «кодифицированной религиозной культуры» и без непосредственных церковных институтов.

В качестве проявления народной религиозности можно рассмотреть практики, связанные с погребением и поминовением. На конфессиональных кладбищах императорской России православные погребения, как правило, сопровождалось крестом, несли на себе различные признаки развитой религиозной традиции.

«Типовое надгробие» русского провинциального некрополя сопровождалось не менее «типовыми» иконами, знаками и текстами. По всей видимости, здесь имело место не простое «механическое» повторение внешних форм в ходе «массового» производства, но проявление стереотипов массового религиозного сознания [5].

В советское время при официальном торжестве атеизма и сокращении православных храмов как будто оснований для сохранения православных традиций погребения не осталось. Между тем можно видеть, что и надгробия советского времени зачастую представляют всё тот же крест, нередко даже сохраняющий форму традиционного «гольца», а порой и дополняющийся иконой.

Так, например, многие сохранившиеся кресты некрополя основанного в 30-е годы XIX века посёлка Бреды (ныне районный центр Челябинской области) имеют традиционную восьмиконечную форму и часто характерную двускатную «крышу», соединяющую концы верхней перекладины. Это так называемые «гольцы» (или «голубцы») хорошо известные по кладбищам провинциального некрополя по всей России. Судя по датам, наиболее ранние погребения относятся к 1950-ым годам, храма в посёлке в это время уже не было — однако отдельные кресты имеют деревянные «киоты», предполагавшие установку икон, а в некоторых случаях до наших дней сохранились дополнявшие кресты медно-литые образки.

И здесь можно видеть, что, например женское погребение, с отчётливо читающимся именем «Евгения» сопровождается медным образком. Изображение соответствует иконографическому образу св. Николая Чудотворца (тип изображения «поясной», слева и справа фигуры Христа и Богородицы).

Дата рождения погребенной Евгении 20 ноября. Её имя и образок на кресте соответствуют православным традициям. Так 20 ноября Православная Церковь поминает мученика Евгения Мелитинского, а 19 декабря (6 декабря по старому стилю) чествует Святителя Николая, архиепископа Мир Ликийских, чудотворца. То есть имя «Евгения» соответствует Святцам, а образ на надгробном кресте мог быть связан с обстоятельствами крещения («именин») усопшей, оказавшихся в соседстве с крупным православным праздником. Правда, если предположить, что икона на надгробном памятнике была связана с традициями личного благочестия и несла на себе изображение

святого-покровителя погребённого, то нельзя не отметить, что в советское время такая связь далеко не всегда очевидна.

Однако, несмотря на трудности с соотношением иконографического образа на надгробном памятнике и «личной иконы», на материале проведённого исследования вполне можно предположить, что «надгробная» медная иконка была связана с жизнью погребённой, являлась для неё значимым предметом личного благочестия. В данном случае важно, что мы вполне можем говорить о выделении с помощью икон «сакрального пространства».

Благодаря кресту, иконе, иным «знакам и текстам» могила выделялась из обыденной реальности, приобретала значение места для молитвы или даже храма. При отсутствии других храмов поблизости могила могла стать значимым объектом почитания уже не только для родственников погребённого, но и для других верующих. Такая традиция считается свойственной старообрядцам, хотя скорее может быть связанной с народной религиозностью в целом.

«Проявлением народной религиозности можно назвать существование мест, в которые отправлялись на богомолье или с паломническими целями. Прежде всего, речь может идти о старообрядческой традиции почитания могил старцев и стариц...» [4, с. 89].

Почитание могил праведников было одним из «внешних проявлений» народной религиозности, что кроме прочего определялось не столько спецификой православия или старообрядчества, сколько особенностями массового религиозного сознания.

«Существующая в культуре предметная среда характеризует народную религиозность в аспекте связи с сакральным в повседневной жизни...» [4, с. 89].

Выделение одной могилы из ряда подобных могло происходить сверхъестественным образом. Для массовой «народной» религиозности значение имело не кто именно погребён в почитаемой могиле, но чудеса, здесь происходящие и возможность дальнейших чудотворений.

Факты подобного почитания, напрямую не связанные ни с православием, ни со старообрядчеством, фиксировались на территории будущего «Кустанайского уезда» Оренбургской губернии в начале XX века.

В начале прошлого столетия, в 1911 году, на границах Оренбургской епархии, в пределах Тургайской области, в Убаганской волости, на озере Талы существовала могила, «в коей по слухам погребён бывший начальник военного отряда Фёдор Карпов Новиков (или Набоков)». Командир «военного отряда» погиб на границах Степного края, во время боевых действий русской армии против казахского хана Кенесары Касым-улы (Кенесары Касымова) в период с 1837 по 1847 гг. Обнаружилась могила чудесным образом — местные жители уверяли что «на ней в русские праздники через камыши виднеются три огонька, как от свечей». Гроб «с останками в нём неизвестного лица, по сказаниям воина Ф. Набокова» был перезахоронен на ближайшем православном погосте Кустанайского уезда [3, с. 26].

Таким образом, перед нами пример того, как захоронение почти буквально стало чудом, — а почитание «чудесной могилы» православного воина даже местными «тургайскими киргизами» свидетельствует об архаичности и распространённости подобных религиозных практик.

Значение «огоньков как от свечей» может быть объяснено исходя из традиций русской агиографии. Вот как объясняет чудесные огни на могиле филолог и историк, профессор Андрей Михайлович Ранчин:

«Тело умершего и убиенного святого... воспринималось и как «малый храм», и как знак, «символ «подобие» Христа-жертвы, положенный в мире-храме. Огонь в свою очередь, выступал как зримый образ благодати святого духа, пребывающей в этом мысленном храме и в «малой церкви» — теле святого мученика...» [6, с. 132].

В начале прошлого столетия необычные могилы сверхъестественным образом выделялись из ряда подобных, в середине XX века, обнаруженные посредством чудесных знаков «мысленные храмы» становились объектом массового поклонения для христиан, оставшихся без опеки Православной Церкви.

В советское время на обширном пространстве, оставшемся без православных церквей, региональный и местный характер приобретало «подпольное богомолье». «Существовали места, где регулярно молились паломники... На кладбище... ежегодно в семик (четверг перед Троицей) местные жители молитвой и трапезой поминали своих родственников... Сведения о паломничествах местного значения поступали также из Архангельской, Ульяновской, Сталинградской, Челябинской областей...» [1, с. 184—185].

Таким образом, анализируя погребальные практики в XX веке и их предметное выражение в виде тех или иных предметов или явлений связанных с погребением, можно прийти к выводу, что все они находятся в рамках одной традиции. Несмотря на большой разброс отдельных практик во времени и пространстве, вероятно, не будет большой натяжкой обозначить эту традицию как народная религиозность.

«Стабильность религиозного мира вовсе не означала его неподвижности. Религиозность оставалась динамично развивающейся сферой народной культуры. Ей было присуще многообразие религиозного опыта и широкий спектр конфессиональных практик» [2, с. 37].

Говоря о народной религиозности, мы должны иметь в виду её динамизм и изменчивость, однако базовые параметры веры простого народа остаются неизменными на протяжении, по крайней мере, XX столетия. Несмотря на периодически происходящие в это время изменения основных параметров отношений государства и Церкви в России, общество в своей массе остаётся религиозным в том главном, что требует наполненности смыслом — как в ходе повседневной жизни, так и при переходе в смерть.

Библиографический список

1. Беглов А. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М. : Издательский Совет Русской Православной Церкви : «Арефа», 2008.
2. Голикова С. В. Народная религиозность в переходные исторические эпохи // Проблемы истории России. Екатеринбург : Волот, 2011. Вып. 9 : Россия и Запад в переходную эпоху от средневековья к новому времени.
3. Материалы к «Русскому провинциальному некрополю» великого князя Николая Михайловича / Рос. гос. ист. архив, Рус. генеал. о-во; изд. подготовил Д. Н. Шилов. Т. 2 : Губернии и области Урала, Сибири и Дальнего Востока. СПб. : Дмитрий Буланин, 2015.
4. Мурзин А. А. Народная религиозность как феномен культуры : монография. М. : ИНФРА-М, 2013.
5. Панин А. С. Иконы, знаки и тексты старых кладбищ (Некрополь Южного Урала как исторический источник) // Государство, общество, церковь в истории России

XX—XXI веков : материалы XVII Междунар. науч. конф., Иваново, 28—29 марта 2018 г. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2018. С. 158—163.

6. Ранчин А. М. Вертоград Златоглавый: Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях. М. : Новое литературное обозрение, 2007.

ББК 63.1(2)64-81Корников

К. А. Юдин

А. А. КОРНИКОВ — УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ, ИНТЕЛЛИГЕНТ (К 70-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ)

Статья представляет собой историко-биографический очерк, посвященный юбилею профессора Ивановского государственного университета А. А. Корникова. Автор предпринял попытку рассмотреть основные этапы жизненного пути, научно-педагогической деятельности, оценить вклад А. А. Корникова в развитие отечественной геральдики и источниковедения, а также как лидера-организатора интеллектуально-академического пространства исторического факультета. Делаются выводы о значительности, уникальности созданного научного задела и масштабности культурно-просветительской деятельности учёного, получившего заслуженное общественно-политическое признание.

Ключевые слова: А. А. Корников, геральдика, источниковедение, отечественная история, интеллектуальная биография.

The article is a historical and biographical essay dedicated to the anniversary of the professor of Ivanovo State University A. A. Kornikova. The author pre-accepted an attempt to consider the main stages of the life path, scientific and pedagogical activity, evaluate the contribution of A. A. Kornikov in the development of domestic heraldry and source studies, as well as the leader-organizer of the intellectual and academic space of the Faculty of History. Conclusions are drawn about the significance, uniqueness of the created scientific backlog and the scale of the cultural and educational activities of the scientist who received a well-deserved social and political recognition.

Key words: A. A. Kornikov, heraldry, source study, domestic history, intellectual biography.

В этом году отметил свой 70-летний юбилей один из крупнейших российских историков, специалистов по отечественной геральдике, источниковедению, архивоведению, истории политических партий и общественных движений России конца XIX — начала XX в. доктор исторических наук, профессор Аркадий Андрианович Корников.

Вклад А. А. Корникова в эти области научных знаний трудно переоценить. К настоящему моменту он — автор более чем 200 научных и научно-популярных работ, среди которых 3 монографии, множество статей в ведущих журналах страны, публикаций в энциклопедических изданиях, более двух десятков учебно-методических пособий и иных материалов, следов творческой активности в виде редакционной деятельности — сборников статей, материалов конференций и т. д. [2].

За свои огромные заслуги, самоотверженное служение исторической науке, искреннюю познавательную устремленность и энтузиазм, увенчавшиеся этим фундаментальными результатами, Аркадий Андрианович награжден медалями журнала «Гербовед»: «За заслуги» (2006) и «За труды» (2007); орденом «Золотой пчелы» Всероссийского геральдического общества (2006); медалью святителя Василия Кинешемского (2006); почётными грамотами Министерства образования и науки (2008), губернатора Ивановской области (2008); дипломом Фонда развития отечественного образования за лучшую научную книгу 2010 г.; памятным знаком «За активное участие в сохранении истории Отечества» губернатора Ивановской области (2012).

В 2013 году А. А. Корникову было присвоено звание «Почетный работник высшей школы», что можно считать важнейшей вехой общественно-политического признания, итогом многолетней научно-педагогической деятельности не только в качестве декана, заведующего кафедрой новейшей отечественной истории Ивановского государственного университета, но и, прежде всего, как профессионала-геральдиста — члена Всероссийского геральдического общества, заместителя председателя Геральдической комиссии при Правительстве Ивановской области и члена городской Топонимической комиссии.

В сентябре 2019 г. А. А. Корников принял участие в XXXIII Международном слете геральдистов в Суздале, по итогам которого он за многочисленные публикации и популяризацию геральдических знаний был награжден Почетным знаком А. Б. Лакиера «Сподвижнику Геральдики» II степени [1]. О высоком статусе этой награды и того, кто ее был удостоен, свидетельствует сама фигура

А. Б. Лакиера — основоположника российской геральдики, сформулировавшего ее «первое в национальной историографии концептуальное понимание» [21, с. 212; 22, с. 68—81], а также внесшего весомый вклад в развитие специальных исторических дисциплин.

Однако, для Аркадия Андриановича как настоящего интеллигента, человека высокой духовной и интеллектуальной культуры, исключительно порядочного, скромного, все эти внешние атрибуты, не только никогда не принимали значения первостепенной важности, но, напротив, воспринимались лишь как дополнительные штрихи к картине прошлого и настоящего, создаваемой в ходе непрерывного труда, личного усердия, интенсивного самосовершенствования, погружения в реальное бытийное и эпистемологическое измерение. Об этом уникальном жизненном пути и маршруте, проделанном А. А. Корниковым, в этот торжественный и юбилейный для него год и стоит вспомнить с особым воодушевлением.

А. А. Корников родился 26 июля 1949 г. в городе Иваново. После окончания средней школы № 50, в которой по собственному признанию Аркадия Андриановича и произошло закрепление проявившегося еще в раннем детстве интереса к историческому знанию, тяготения к соприкосновению

с реликтами ушедшей действительности, он принимает твердое решение выйти на уровень профессиональной и специальной подготовки в этом направлении. Насколько это ответственное, нелегкое решение, требующее характера и силы воли — не понаслышке знает каждый подлинный по духу и убеждению историк, вынужденный вести непрерывную борьбу с суровым натиском субъективности, политико-идеологической конъюнктуры, не ослабевающих и сегодня.

Но ни опасность быть ввергнутым в водоворот партийно-исторических полемик, разверзнувшийся как раз в 1960—1970-е гг. в виде историографических баталий вокруг «нового направления» («школь») П. В. Волобуева, А. Л. Сидорова, М. Я. Гефтера, К. Н. Тарновского, К. Ф. Шацилло и других [4], ни не менее тревожные будни межличностной коммуникации разных поколений историков [26] — все это не пугало Аркадия Андриановича, продемонстрировавшего мужественность, интеллектуальную целеустремленность. В 1967 году он поступает на учёбу в Московский государственный историко-архивный институт (МГИАИ, в настоящее время — Российский государственный гуманитарный университет). Этот вуз и становится для А. А. Корникова, как это принято обозначать, согласно академическим традициям, «*alma mater*», с которой он у него будут связаны лучшие годы жизни, интеллектуальной активности и знаменательных встреч с таким мэтрами отечественной, советско-российской исторической науки, как М. Н. Черноморский, О. М. Медушевская, Е. А. Луцкий, Е. И. Каменцева и многие другие.

После службы в советской армии (1973—1974) — еще одного важного эпизода экзистенциально-онтологического испытания личности, — и уже начала научно-педагогической деятельности на кафедре истории СССР в Ивановском государственном университете, к которой Аркадий Андрианович приступил в 1974 году, он возвращается в МГИАИ уже в качестве аспиранта (1976—1979 гг.). Там его наставником становится один из крупнейших специалистов по источниковедению и археографии, аграрной политике советского правительства в 1917—1918 гг., талантливый педагог, сын известного участника Гражданской войны — Евгений Алексеевич Луцкий (1907—1991) [20].

«Учеба в аспирантуре, — вспоминал Аркадий Андрианович, — дала очень много. Там, в частности, я посещал источниковедческий семинар известного историка, председателя Археографической комиссии РАН, сына легенды XX века — знаменитого исследователя Арктики, академика Отто Юльевича Шмидта, Сигурда Шмидта. У него я прошел хорошую источниковедческую школу, стал специализироваться на источниковедении. Нельзя говорить о том, что в исторической науке того периода царили полный застой и мёртвая зыбь, не было никакого продвижения мысли. Это, конечно, абсолютно неверно. На заседаниях семинара отрабатывались методы работы с источниками, поднимались очень интересные темы. Участие в семинаре сыграло значительную роль в формировании меня как учёного и моих интересов к источниковедению» [25].

И действительно, именно в эти годы, очевидно вдохновленный гносеологическим энтузиазмом Е. А. Луцкого, осуществившего в 1970-е гг. масштабный прорыв — защиту докторской диссертации и серию публикаций, посвященной источниковедческому анализу ленинского декрета «О земле», что, как вспоминала Т. В. Батаева, «долгое время подвергалось ostracismu официальной наукой, поскольку автор твердо стоял на том, что в основе

декрета лежала эсеровская программа уравнительного землепользования» [3], форсирует свои изыскания и А. А. Корников, подхвативший источниковедческую эстафету. Появляются первые публикации, по своему проблемно-тематическому ракурсу отразившие и московский, и ивановский этапы творческой биографии. Они были посвящены деятельности Ивановского городского Совета (рабочих и красноармейских депутатов; депутатов трудящихся), проблемам интерпретации истории октябрьской революции 1917 г. в мемуарах оппозиционных политических партий, изучению позиции лидера большевиков и основателя советского государства — В. И. Ленина — по отношению к наследию «мелкобуржуазных фальсификаторов». В 1979 г. А. А. Корников успешно защищает диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему: «Критика фальсификации истории Великой Октябрьской революции в мемуарах деятелей меньшевистской партии» [10].

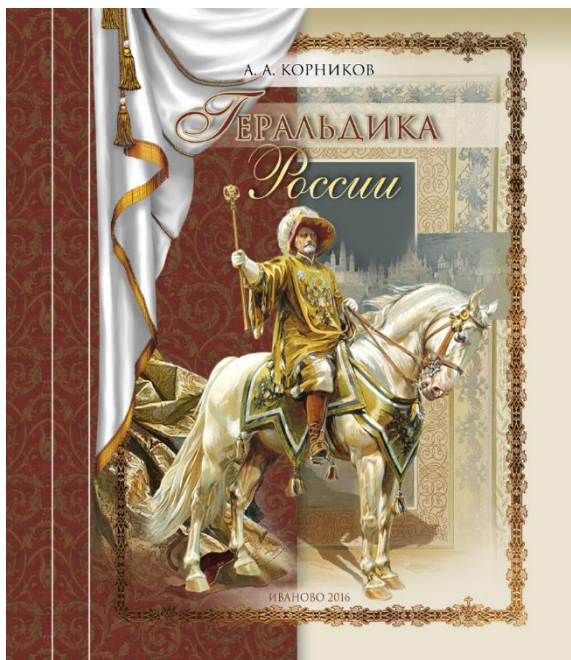
Защита диссертации по сложнейшей отрасли исторического знания — источниковедению, требующей особой сосредоточенности, терпения, глубокомыслия — стало могучим стимулом для дальнейшей насыщенной научно-педагогической и общественной деятельности. Углубленную разработку отдельных исторических проблем, развитие навыков, приведших к совершенному овладению мастерством источниковедческой критики, Аркадий Андрианович совмещал с непрерывным расширением своего кругозора, эрудиции и в других сферах. Одним из его любимых увлечений становится кинематограф, просмотр отечественных и зарубежных художественных фильмов. Как и все утонченные интеллектуалы, обладающие тонким идейно-эстетическим вкусом, Аркадий Андрианович прекрасно осознавал, какие практически безграничные возможности по мирозерцанию дает кинематограф, выступающий настоящим зеркалом социально-политического бытия, в гранях которого отражается вся палитра человеческих характеров, нередко в виде «гиперреалистических» образов и аллюзий способная пролить свет на сущность и происхождение, генезис реальных исторических событий и феноменов.

Поэтому, черпая вдохновение от сопряжения с «самым важным из всех искусств» [24], Аркадий Андрианович выходит на магистральную линию своего экзистенциального маршрута — подготовку докторской диссертации, посвященной трагической судьбе известного общественного деятеля, участника революционного движения, публициста, экономиста, претерпевшего сложную трансформацию идейных воззрений, во многом менявшихся под тяжелым давлением чрезвычайных, репрессивно-карательных механизмов и технологий, применявшихся в первые годы советской власти, а затем сталинским режимом, в условия мрачной и тревожной общественно-политической реальности первой четверти XX в. — Н. Н. Суханова. Собирать материалы о нем Аркадий Андрианович начал еще в 1970-е гг., постепенно аккумулируя и систематизируя все найденные сведения — и в этом в очередной раз проявились блестящий аналитический ум, логическая и концептуально-теоретическая последовательность, методика организации творческого процесса, с которыми теперь уже (с 1986 г.) доцент, а с 1990 г. — заведующий кафедрой новейшей отечественной историей — А. А. Корников, щедро и неустанно делился со студентами ИвГУ. В 1995 г. выходит в свет монографическое исследование, в котором А. А. Корников осуществил детальный анализ идейно-политических взглядов, экспертизу литературно-мемуарного наследия Н. Н. Суханова, созданного им на протяжении непростого жизненного пути [17].

Оно стало основой для докторской диссертации, которую Аркадий Андрианович блестяще защитил через год в диссертационном совете при Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова [18]. В 1997 г. А. А. Корникову было присвоено учёное звание профессора [19, с. 66—67].

Эти знаменательные события стали не только еще одним показателем интеллектуальной и профессиональности зрелости, но, что не менее важно для дальнейшей творческой эволюции учёного — позволили выйти на новый уровень академической устойчивости и прочности позиций в университете, а также обрести морально-психологическую уверенность в своих силах и удовлетворение от стадиальной завершенности своих трудов.

Не прекращая источниковедческих изысканий, со второй половины 1990-х гг. Аркадий Андрианович начинает активно заниматься проблемами отечественной геральдики. Можно сказать, начинается еще один, и теперь уже — «геральдический период» в его творческой биографии, в ходе которого профессор А. А. Корников плано-мерно поднимается на гносеологическую

вершину в сфере вспомогательных / специальных исторических дисциплин. С этого времени его геральдические изыскания находят не только теоретическое, но и важнейшее практическое применение: Аркадий Андрианович включается в работу по созданию герба и флага Ивановской области, возглавив творческую группу, в которую вошли С. А. Приказчиков, А. И. Жестарёв, В. П. Терентьев и др. В результате совместных усилий архивистов, художников, дизайнеров под профессиональным руководством А. А. Корникова в 1997—1998 гг., года Ивановская область обретает обнов-

ленную символику, утвержденную на законодательном уровне и зафиксированную в Государственном геральдическом регистре.

В течение следующего десятилетия успешно завершилась работа над символикой административно-территориальных сегментов региона — Пучежского района, Комсомольского муниципального района, а также другие проекты. Важно отметить, что А. А. Корников выступал в самых ответственных ипостасях: и как ведущий консультант, осуществлявший экспертизу геральдической и вексиллологических композиций на всех стадиях их составления, но и, прежде всего, как автор, которому непосредственно принадлежала сама идея того или иного символа.

Деятельность по разработке региональной символики потребовала не только научно-аналитических, интеллектуальных дарований, но и, в не меньшей степени, организаторских способностей и неординарных волевых

качеств. Аркадий Андриановичу, без преувеличения, пришлось принять на себя шквальный огонь бурной полемики, которая развернулась в прессе и на телевидении, а также в ходе работы многочисленных комиссий, конкурсных отборов, непростой коммуникации с центральным руководством. Как справедливо отмечал сам А. А. Корников, в значительной степени, трудности были связаны с бедным геральдическим наследием Ивановской области, малочисленностью гербов, созданных в дореволюционный период, и политизированным скепсисом советской власти, у которой вплоть до 1960-х сохранялась настороженное отношение не только к герботворчеству, но и геральдике как научной дисциплине. «В течение длительного времени, примерно с 1920-х и до 1950-х гг., — писал он, — в СССР было достаточно настороженное отношение к данной дисциплине. Она рассматривалась как некий пережиток старого феодального общества, а гербы — как средство пропаганды идей монархизма, царизма» [7, с. 25].

Поэтому потребовалось немало усилий, чтобы не только обобщить, систематизировать все предшествующие геральдические материалы, но и дать достойный отпор идейно-семиотической тенденциозности, возникшей уже на постсоветском социокультурном пространстве. Так, например, делались предложения использовать в гербе области родовой герб Шереметевых, который оказал большое влияние на современную геральдику, что было связано с общественно-политическим статусом этого дворянского рода. Основательно изучив траекторию генезиса коллективной памяти, А. А. Корников писал: «К середине XIX в. графская фамилия была если не самой богатой, то одной из самых богатых в России. Накануне отмены крепостного права Дмитрий Николаевич Шереметев владел 800 тыс. десятин земли и почти 300 тыс. крепостных крестьян. Земельные владения Шереметевых были разбросаны по различным районам страны: центральные губернии, Поволжье, Прибалтика. И даже накануне революции 1917 г., когда помещичьи латифундии значительно сократились, графам С. Д. и А. Д. Шереметевым принадлежало 370 тыс. десятин земли. Естественно, что память о графских владениях, об их собственниках очень долго сохранялась в историческом сознании многих людей и оказала влияние на процесс создания территориальных гербов» [9, с. 9].

«Однако, — комментировал герботворческую ситуацию Аркадий Андрианович, — с самого начала эти предложения были отвергнуты. Такой вариант был возможен только в одном случае: если бы область была монархическим государством, а Шереметевы — правящей династией» [7, с. 22]. В результате, благодаря высочайшему профессионализму, подлинной беспристрастности, научной объективности, Аркадию Андриановичу удалось реализовать это ответственный проект, ставший еще одним великолепным образцом самоотверженного служения истине, верности ортодоксальной методологии классической геральдики.

В этот торжественный, юбилейный для профессора Корникова год, нельзя не вспомнить о том, что представляет из себя главный символ Ивановской области. Официальное описание герба такое: «Щит рассечен червленью и лазурью, в оконечности три узких волнистых серебряных пояса. В правом геральдическом поле золотой челнок с серебряной сердцевиной, в левом лазуревом — серебряный факел. Щит увенчан железной короной. Щитодержатели: справа — золотой лев, слева — золотой орел. Постаментом является венчик из зеленых стеблей и листьев с синими цветками льна и коробочками хлопчатника, перевитыми червлено-лазуревой лентой с серебряной полоской»

[там же, с. 22—23]. Челнок и факел — основные эмблемы, изображенные на щите, — стали традиционными символами нашего края после принятого в 1970 г. герба г. Иванова. Челнок очень точно и лаконично символизирует основную отрасль экономики — текстильное производство, развивающееся с XVII в. и до настоящего времени. Серебряный факел — общепринятая в геральдике эмблема, символизирующая знание, образование, стремление к прогрессу. Данная эмблема показывает, что в период существования самостоятельной области в крае сформировалась широкая сеть высших и средних специальных учебных заведений, научно-исследовательских организаций, значительно повысился уровень образования и науки [там же].

Весь этот титанический труд, проделанный Аркадием Андриановичем, по аккумуляции и дальнейшему развитию, уточнению, спецификации и атрибуции геральдической символики, сопровождался фундированными и капитальным концептуально-теоретическим обоснованием. Творческая лаборатория ученого непрерывно расширялась, приобретая все более масштабный и репрезентативно-упорядоченный характер. В 2018 году на волне значительного события для всех ивановцев — 100-летия с момента образования Ивановской области (1918—2018) — А. А. Корников в специальной публикации не только дал исчерпывающую классификацию гербов административно-территориальных сегментов, муниципальных образований, показал их своеобразие, обстоятельства создания в исторической ретроспективе, но и осуществил долговременный «геральдический прогноз». «В соответствии с законодательством о местном самоуправлении на начало 2017 года, — констатировал автор, — в Ивановской области имелось 155 муниципальное образование. Из них 27 являются муниципальными образованиями второго уровня (городские округа и муниципальные районы) и 128 — второго уровня (сельские и городские поселения). Из 27 муниципальных образований второго уровня на начало 2017 года все образования имели официально утверждённые гербы, т. е. были утверждены органами местного самоуправления, Геральдическим Советом при Президенте Российской Федерации и внесены в Государственный геральдический регистр нашей страны. Что касается 128 муниципальных образований первого уровня, то утверждённые гербы имеют только семь городских поселения (Наволоцкое, Плёсское, Заволжское, Приволжское, Пучежское, Лухское и Каменское)» [5, с. 10]. Таким образом, — заключал А. А. Корников, — «к своему 100-летию большинство муниципальных образований края приобрели яркие, запоминающиеся образы своих муниципий. В них нашли отражение особенности их экономического, исторического развития, географического положения. Все эти эмблемы создают оригинальный калейдоскоп, рисующий

образ нашего края. Вместе с тем, отсутствие таких эмблем у ряда муниципальных образований обращает внимание на необходимость дальнейшей интенсификации работы по геральдическому обеспечению ивановских муниципий» [5, с. 15—16].

О невероятной работоспособности, энергии Аркадия Андриановича свидетельствовало и то, что параллельно с научно-практической реализацией геральдических проектов он вел огромную учебно-методическую работу, вдохновленный благородной целью по ретрансляции своих знаний и опыта подрастающему поколению историков — студентам исторического факультета ИвГУ. В 2003 году вышла статья, посвященная происхождению и развитию российской дворянской геральдики [16], текст которой стал разделом изданного через год специализированного учебного пособия, второй части «Основ российской геральдики», представлявших собой авторский курс лекций [12]. И эти труды стали красноречивым свидетельством уникальной творческой натуры Аркадий Андриановича, которому удалось осуществить идеальный синтез простоты и доступности изложения материала со строгой научно-аналитической фактурой.

Созданный профессором А. А. Корниковым научно-теоретический и учебно-методический задел был закреплен в виде усовершенствованных и дополненных переизданий истории и теории российской геральдики [6, 8, 13, 14], ставших во всей своей совокупности важнейшим компонентом современного интеллектуального-академического, образовательного пространства [27]. Был создан обладающий грифом УМО (Учебно-методического объединения по классическому университетскому образованию) фундаментальный комплекс-модуль по геральдике. Квинтэссенцией этих эйдетических, источниковедческо-историографических и геральдических изысканий выступила «Геральдика Ивановского края» [6], презентация которой состоялась 26 июня этого года в Институте развития образования Ивановской области. Этот труд в значительной степени явился итогом многолетней работы и генерализацией как научно-теоретического задел, так и практических знаний, и навыков по атрибуции регионального геральдического наследия. В нем подробно раскрываются такие аспекты как: историко-генетический, связанный с происхождением гербов, рассматривается азбука геральдики, особенности формирования гербов и другой символики в широком историческом ретроспективном контексте. В исследовании присутствует разветвленный научно-справочный аппарат, составлен специализированный глоссарий, геральдическая библиография, имеются иллюстративные материалы. В целом, данное издание стало важнейшей вехой многогранной творческой, интеллектуальной биографии А. А. Корникова. Ценность этого издания заключается и в том, что оно закрепило настоящий прорыв в преподавании геральдики, свершившийся еще в начале 2000-х годов, после выхода в свет специализированных методических указаний и учебной программы по спецкурсу для студентов исторического факультета ИвГУ [15]. В «Геральдике» был аккумулирован не только научный, но и, прежде всего, богатый и насыщенный педагогический опыт Аркадия Андриановича, с конца 1980-х гг. ведшего интенсивную общественно-просветительскую работу по популяризации геральдических знаний среди самой разнообразной аудитории — школьников, абитуриентов и других «вольных слушателей», интересующихся этой проблематикой. А. А. Корников неоднократно курировал проведение областных олимпиад для школьников по геральдике. Поэтому, вышедшая в год

100-летия исторического факультета ИвГУ книга, как справедливо отмечается, «будет незаменимым источником для педагогов и школьников в изучении истории родного края» [23].

Еще одним дарованием Аркадия Андриановича можно назвать подлинный талант организатора науки. В 2019 году состоялась уже XVIII по счету международная научно-практическая конференция «Государство, общество, церковь в истории России XX—XXI вв.», которая стала авторитетной площадкой для интеллектуально-академической коммуникации, взаимодействия как уже признанных специалистов в той или иной сфере, интеграции региональной интеллигенции, чему Аркадий Андрианович уделял особое внимание и как декан факультета [11], так и продвижения молодых ученых. Материалы конференций, традиционно издающиеся под редакцией А. А. Корникова, выступающего гарантом неукоснительного соблюдения научно-издательской этики, качества публикуемых статей, обладают высокой степенью востребованности в научном сообществе.

Аркадий Андрианович встретил свой юбилей в окружении множества близких ему людей, к которым с полным на то основанием можно причислить и целую плеяду учеников, последователей, идейных единомышленников. За всю многолетнюю научно-педагогическую деятельность под руководством А. А. Корникова было подготовлено более сотни дипломных работ и магистерских проектов, защищено несколько кандидатских диссертаций.

Однако и для тех, кому просто посчастливилось находиться рядом и наблюдать за гносеологическим, источниковедческим мастерством профессора Корникова во время академических штудий, или в ходе не менее сложной деловой, административно-распорядительной коммуникации, руководства факультетом и кафедрой — все без исключения отмечали подлинную интеллигентность, интеллектуальный аристократизм (см.: [28, 29]), вобравший в себя, с одной стороны, аскетизм, требовательность к себе и своим воспитанникам, которым профессор Корников подавал пример исключительной добросовестности, ответственности, сосредоточенности, тотальной мобилизации при выполнении любого задания, а с другой — искренность, душевную теплоту, благожелательность, терпение и заинтересованность не только в оказании помощи в академическом процессе, но и при разрешении жизненных ситуаций и личных проблем. В этом проявилось приближение к традиционному идеалу и эталону наставничества как модели социализации личности, вызревающей под сенью учителя — носителя и источника знания, подлинного Мэтра отечественной геральдики.

Поэтому в этот юбилейный, торжественный год, хотелось бы искренне и сердечно поздравить Аркадия Андриановича с этим значительным рубежом и пожелать дальнейших творческих успехов, неиссякаемой энергии для продолжения фундаментальных научных изысканий и педагогической деятельности.

Библиографический список

1. А. А. Корников награжден Почетным знаком А. Б. Лакиера «Сподвижнику Геральдики» II степени // URL: http://www.ivanovo.ac.ru/about_the_university/news/4774/ (дата обращения: 20.09.2019).
2. Аркадий Андрианович Корников: библиографический указатель / сост. Ф. Г. Тапаева, И. Б. Латкова; вступ. ст. А. А. Седых. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2009. 52 с.

3. *Батаева Т. В.* «Наш набор 1945 г. был первым послевоенным...». Воспоминания профессора Т. В. Батаевой об Историко-архивном институте // Отечественные архивы. 2005. № 1. С. 88—109.
4. *Булдаков В. П.* «Новое направление» в историографии (к 90-летию академика П. В. Волобуева) // Преподавание истории и обществознания в школе. 2013. № 5. С. 3—14.
5. *Корников А. А.* Геральдика Ивановского края // Государство, общество, церковь в истории России XX—XXI вв.: материалы XVII международной научно-практической конференции. 28—29 марта 2018 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2018. С. 9—16.
6. *Корников А. А.* Геральдика Ивановского края. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2018. 184 с.
7. *Корников А. А.* Геральдика Ивановского края: история и современное состояние // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2008. Вып. 4 (8). История. С. 20—33.
8. *Корников А. А.* Геральдика России: учебно-методическое пособие для студентов исторического факультета. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2016. 120 с.
9. *Корников А. А.* Герб графов Шереметевых: история и современность // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2012. Вып. 3 (5). Филология. История. Философия. С. 3—10.
10. *Корников А. А.* Критика фальсификации истории Великой Октябрьской революции в мемуарах деятелей меньшевистской партии: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. М.: МГИАИ, 1979. 25 с.
11. *Корников А. А.* Научно-педагогическая интеллигенция исторического факультета ИвГУ и ее деятельность в 2011—2015 годах // Интеллигенция и мир. 2016. № 4. С. 123—134.
12. *Корников А. А.* Основы российской геральдики: курс лекций. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2004. 217 с.
13. *Корников А. А.* Российская геральдика: курс лекций. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2014. 220 с.
14. *Корников А. А.* Российская геральдика: курс лекций. 2-е изд., доп. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2019. 240 с.
15. *Корников А. А.* Российская геральдика: методические указания и рабочая программа по спецкурсу для студентов исторического факультета. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2004. 56 с.
16. *Корников А. А.* Российская дворянская геральдика // Вестник Ивановского государственного университета. 2003. № 2. С. 3—19.
17. *Корников А. А.* Судьба российского революционера: Н. Н. Суханов — человек, политик, мемуарист. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1995. 200 с.
18. *Корников А. А.* Суханов и общественно-политическая жизнь России (1900 — начало 1930-гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. М.: МГУ, 1996. 54 с.
19. Кто есть кто в исторической науке Ивановской области: биобиблиографический справочник / сост.: А. А. Корников, А. В. Степанов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2009. 175 с.
20. *Молчанов Л. А.* «Рано стал и до конца жизни оставался ученым» (к 100-летию со дня рождения Е. А. Луцкого) // Вестник РГГУ. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2008. № 4. С. 329—337.
21. *Наумов О. Н.* Неизвестное письмо А. Б. Лакиера // Signum. Вып. 4. М.: ИВИ РАН: Центр гербоведческих и генеалогических исследований, 2009. С. 212—215.
22. *Наумов О. Н.* Отечественная историография геральдики. Ч. 1. М.: Репро-Полиграф, 2003. 207 с.

23. Презентация книги «Геральдика Ивановского края» // URL: http://ivanovo.ac.ru/about_the_university/news/4629/ (дата обращения: 25.09.2019).
24. Самое важное из всех искусств. Ленин о кино : сборник документов и материалов / сост. А. М. Гак. М. : Искусство, 1973. 242 с.
25. *Седых А. А.* Чему учит история // Рабочий край. 2007. 24 окт.
26. *Сидорова Л. А.* Межличностные отношения трех поколений советских историков // Отечественная история. 2008. № 2. С. 129—138.
27. *Юдин К. А.* Университетский курс отечественной геральдики как элемент современного образовательного пространства // Гербоведение. М. : Старая Басманная, 2017. Т. 6. С. 299—304.
28. *Юдин К. А., Бандурин М. А.* «Интеллигенция» и «интеллектуалы» (историографические, социально-философские и общетеоретические аспекты понятий) // Общественные науки и современность. 2016. № 2. С. 108—120.
29. *Юдин К. А., Бандурин М. А.* Интеллигенция как социально-интеллектуальная сила: идейно-теоретическая топография. История и современность // На пути к гражданскому обществу. 2016. № 2 (22). С. 56—66.

ББК 66.01

Д. Г. Смирнов

КУЛЬТУРА КОГНИТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: СЕМИДИНАМИКА ОБРАЗА В СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Статья посвящена семиотическому анализу концепта «образ» в символической политике международных отношений. Смысл современных международных отношений раскрыт через представление об эйдомахии. Сформулирована гипотеза о новом — собственно семиотическом — витке холодной войны. Раскрыта сущность культуры безопасности в рамках семиотического дискурса. Описана семиология образа (в том числе образа врага) в современной международной символической политике через обращение к феноменам семиотического вторжения и семиотического смещения. Выявлены особенности семиотического хронотопа символической политики МО. Уточнены в этом контексте понятия когнитивной резистентности и когнитивной безопасности.

Ключевые слова: культура безопасности, символическая политика, семиотика образа, семиотическое вторжение, семиотическое смещение, образ врага, эйдомахия, Холодная война, семиотическая (когнитивная) безопасность.

The article is devoted to the semiotic analysis of the concept «image» in the symbolic policy of the international relations. The essence of the contemporary international relations is revealed through the concept of eidomakhia. The hypothesis of a new — strictly semiotic — turn of the Cold War is proposed. The meaning of the security culture in the framework of semiotic discourse is stressed. The semiology of the image (including the image of the enemy) is described in the modern international symbolic politics through the semiotic invasion and semiotic slip phenomena. The features of the semiotic chronotope of the international relations symbolic policy are revealed. The concepts of cognitive resistance and cognitive security are clarified in this context.

Key words: security culture, symbolic politics, semiotics of image, semiotic invasion, semiotic slip, enemy image, eidomakhia, Cold War, semiotic (cognitive) security.

Очередная семиотическая революция, произошедшая в XX веке, предопределила трансформацию общей картины мира современного социально-политического субъекта. Наиболее существенное изменение в контексте этой мировоззренческой перестройки претерпела политика: в глобализационной перспективе «именно от политики ждут ответов на вызовы меняющегося мира, именно политика — "передовой рубеж" выработки новых смыслов

¹ Смирнов Д. Г., 2019

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РНФ научного проекта № 18-18-00233 «Кинообразы советского и американского врагов в символической политике холодной войны: компаративный анализ».

человеческого существования» [13, с. 71]. В свою очередь эти новые смыслы, рождаясь, чаще всего не остаются умозрительными мыслительными конструктами, они с необходимостью виртуализируются, становясь «большими» и «малыми» концептами (конструкции или деконструкции) политического дискурса. Это создает предпосылки для политической символизации, утверждающей «множественность смыслов политической коммуникации, конвенциональность которых заранее не обеспечена» [11, с. 130] и заключающейся в «коллективном смысловом взаимодействии, не только воспроизводящим существующие смыслы, но и производящим новые» [12, с. 45]. Новые фундаментальные мыслеобразы, рождаясь в недрах конкретной культуры, неизбежно перерастают статус «национальных», обнаруживая себя в пространстве международных отношений.

Ноомахия vs Эйдамахия. Концепция «большой шахматной доски» З. Бжезинского закономерно, на наш взгляд, порождает представление о ноомахии, выходящее на более высокий и сложный уровень рефлексии. А. Г. Дугин понимает ноомахию в полисемантическом ключе: не только как собственно «войну умов», но и как «войну внутри ума» и даже как «войну против ума»: «мысль ведет войны не только с феноменальностью, <...> но и с различными типами мыслей, с другими мыслями, со сложным многообразием вертикальных и горизонтальных эйдетических цепочек, пронизывающих реальность в разных плоскостях» [см.: 4].

Если мы принимаем подобную логику размышлений, то становится очевидно, что ноомахия как война фундаментальных логосных структур оказывается во многом «войной-в-себе», находящейся на пределах индивидуального и коллективного восприятия. Мы же на самом деле вовлечены в эту войну, сами о том не подозревая, оказываясь не только и не столько *cold warriors*, сколько своеобразными *semiotic warriors*, защищающими при помощи соответствующих приемов и средств символические границы своей малой и большой идентичности.

Ноомахия в этом контексте перетекает в эйдамахию — «войну-для-нас» — политическую игру образами и символическими комплексами, данными нам в семиотическом ощущении, или иными словами «направленную на производство и продвижение/навязывание определенных способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих» [9, с. 8]. Эйдамахия — это «ноомахия-для-нас» — война конкретно-исторических образов и их ансамблей.

В этом контексте Холодная война — это схватка не столько военных умов, сколько умов мирных людей, или иными словами это естественный отбор, который явлен нам в виде искусственного (семиотического) отбора идей и образов потребного будущего. Подобная постановка проблемы заставляет иначе взглянуть на вопрос о новой холодной войне, свидетелями которой мы становимся. С одной стороны (содержательной), Холодная война есть в первую очередь противостояние идеологическое, а коль скоро идеологического противника у США не осталось, то и вести речь о новой холодной войне не вполне корректно. С другой стороны (формальной), война образов и умов на семиотическом поле боя не завершилась, наоборот, она зашла на новый виток. Так, в рамках философского дискурса Холодная война на уровне концепта как системообразующего свойства действительно завершилась, но холодная война на уровне структуры и субстрата — отношений и элементов символической политики — продолжается и более того, набирает обороты.

Культура vs Безопасность. Конфликтогенность внутренней и внешней символической политики предполагает формирование представлений о культуре безопасности. Здесь следует начать с категориального анализа, который осложняется тем, что в этом термине не предмету приписывается свойство (как, например, в случае, с безопасностью культуры), а свойству задается предметность. В качестве отправной точки возьмем ставшее уже классическим определение, предложенное В. С. Степиным, который понимал культуру как систему исторически развивающихся надбиологических программ жизнедеятельности [16, с. 10]. Заметим здесь, что указание на надбиологические программы ориентирует нас на культурные практики, формирующиеся на биологическом субстрате, но к нему несводимые. В этом смысле, думается, можно вести речь о культуре как о системе эволюционирующих в исторической перспективе семиотических программ жизнедеятельности.

Безопасность прежде всего как категория политического дискурса, отчетливо заявившая о себе в конце XVII века, неизменно предполагала «...представлении о состоянии или цели, конституирующих взаимоотношения между индивидами и государствами или обществами» [25, р. 61—62]. Наряду с такой объективированной трактовкой безопасность в европейской культуре интерпретируется и в субъективистском ключе как, например, «доверие, душевное спокойствие, проистекающее из мысли о том, что нет опасности, которую следовало бы бояться» [26, р. 1326], или «состояние или ощущение безопасности» [23, р. 1093].

Органическая дополнительность феноменов культуры и безопасности хорошо просматривается в рамках системного подхода. И культура и безопасность могут быть представлены как системы на трех уровнях сложности — субстратном, структурном и концептуальном. Так, культура предстает одновременно как совокупность материальных артефактов, как форма отношения (к дикости и варварству), как цель развития. И безопасность в пределе может мыслиться как определенное место (состояние), как отношение между элементами определенной системы (доверие, спокойствие) и как свойство, характерное для того или иного феномена (ощущение). Если же мы помыслим оба феномена в семиотическом ключе, то окажется, что культура предстает в этой рефлексии как план выражения глобальной мир-системы, в то время как безопасность репрезентует ее как план содержания.

Культура безопасности: проблемы дефиниции. Синтез культуры и безопасности один из первых предпринял Колин Грей. Он предложил определение стратегической культуры через обращение к способам мышления и действия при решении вопросов применения силы, уходящие корнями в национальный исторический опыт, отражающий модели поведения в критических ситуациях [22, р. 35—37]. Кен Бут в своей работе «Стратегическая культура: достоверность и ее определение» генерализировал, что стратегическая культура определяет образцы поведения при решении проблем войны и мира [20, р. 25—28], что отсылает нас к близкой категории военной безопасности.

Военная безопасность, как показывает К. В. Фатеев, «есть состояние по: а) установлению конкретного порядка действий; б) запрещению определенных деяний; в) предоставлению субъекту выбора одного из установленных вариантов поведения» [17, с. 14]. Обратим внимание, что в этой трактовке военная безопасность имеет выраженный семиотический потенциал, на что указывает в частности С. А. Вершилов, говоря об укорененности концепта

«военная безопасность» в культуре через символизацию трех порядков — меток возможного причинения ущерба, знаков предохранительного пояса и векторов «движения» от маркеров первого порядка к маркерам второго [2, с. 63]. Формально создается система (гео)политической этологии с координатами императива и табу, между которыми и располагается «свобода выбора» адресата символической политики.

Поворот от военной безопасности к собственно культуре безопасности предполагает символизацию (а как частный случай — метафоризацию) противостояния; переход от парадигмы «горячих» столкновений к концепции холодных войн. Так, метафоризация эффективнее всего популяризирует тип отношений (мужчина, женщина; ребёнок старик; ребёнок, родитель; человек, животное; агрессор, жертва...) в рамках реальной политики. Культура безопасности не только определяет (отбирает), но и производит и семиотизирует (и ресемиотизирует) образцы патриотизма / космополитизма через различными способами (живописно-изобразительным, фотографическим, кинематографическим или мультипликационным и т.п.) визуализированные эталоны нормы и девиации. В этом контексте нам представляется эвристичным понимание культуры безопасности, предложенное Ю. В. Фетисовой, которая интерпретирует ее как «символически» закреплённую совокупность ценностных и деятельностных установок в области безопасности [18, с. 88].

Семиология символической политики: образ врага в МО. Семиотика МО затрагивает глубинные пласты когнитивной безопасности, связанные с конструированием картины мира, поддержанием и воспроизведением идентичности. «Внешняя символическая политика», по сути, связана не только с конструированием образа врага, но и выработкой собственного образа (как зеркального отражения оппонента). В когнитивном плане примерка на себя чуждого образа не только выполняет защитную функцию, но и позволяет в определенном смысле собрать картину мира своего визави, воссоздать его лик. Подобное понимание стратегической культуры является фундаментальной частью одного из основных принципов войны: «Узнав своего врага, познаешь и себя» [14, с. 92].

Современная геополитическая эпоха насыщена разнообразными формами семиотических вторжений. Последние понимаются нами как ситуации внедрения (вторжения) в национальную, этническую, государственническую картину мира чужого семиотического кода, который предлагает иную (альтернативную) валидную интерпретацию конкретной знаковой ситуации. Семиотическое вторжение чревато гораздо более серьезными последствиями, нежели вторжение «механистическое». Для семиотической системы третий закон Ньютона не работает: семиотическое действие не всегда рождает противодействие равное по силе и обратное по направлению. Образ врага, находящийся, как правило, в авангарде семиотического вторжения, должен обладать соответствующими характеристиками, чтобы сформировать, одновременно, отношение неприятия у своих и состояние рефлексии (но не отторжения) у чужих, ибо только в этом случае он эффективен.

В этом смысле проблемное пространство семиотики международных отношений не сводится только к эйдомахии, к локальным семиотическим конфликтам, возникающим в результате информационных вбросов и семиотических вторжений. Для семиотики международных отношений существенное значение имеет инвайронментальный дискурс — фактор культурного пространства. Создание образа врага, как показывает история противостояния

СССР и США, оказалось делом нехитрым. Долгое время эти образы оставались «образами-для-себя» — работали лишь на внутренний символический рынок. И это поддерживало определенный уровень когнитивной безопасности как в капиталистическом, так и социалистическом блоке².

Переход к геополитической парадигме перестройки, спровоцировал открытие семиотических границ, превратив, одновременно, артефакты культуры в товар, на который в изголодавшемся советском обществе, оказался колоссальный спрос. Мода (аналог голода) «усыпила» инстинкт интеллектуального самосохранения, позволив распространиться парадигме «американской мечты» [см.: 21] со всеми ее индивидуалистическими и рыночными коннотациями под лозунгом «только бизнес — ничего личного»³. В результате образы врага (как зерна) упали в уже подготовленную почву, на которой стали вырастать образы с инверсивным знаком: от «и не друг и не враг, а так» до «враг моего врага — мой друг»⁴.

Собственно валидизация и следующая за ней легитимация инверсированных образов возникают, благодаря когнитивному механизму раскодирования элементов символической политики, который мы предлагаем называть семиотическим смещением. Семиотическое смещение имеет место тогда, когда означаемое и означающее перестают совпадать в когнитивном плане. В результате при переходе из одной семиотической системы в другую, например, в кинематограф, означающее обретает семиотическую самостоятельность и, по сути, становится уже означаемым, для которого, в свою очередь, создается новое означающее, новый образ (кинематографический). Подобное семиотическое отчуждение означаемого от означающего в конце концов приводит к ситуации, когда их семиотическая связь исчезает, а сознание (индивидуальное и коллективное) оперирует уже семиотическим симулякром, то есть означающим без означаемого, что в пределе приводит к своеобразной фейкмохии.

В этом контексте символическая политика предстает как пространство моделирования реальной международной политики и соответствующих отношений. Здесь следует вести речь о, по крайней мере, двух группах образов: реальных и виртуальных. Конкретный образ или семиотическая ситуация конструируется и проигрывается в общественном и индивидуальном сознании, проверяясь на когнитивный потенциал и эффективность. Для реальных (прототипных) образов характерна связь с конкретными кейсами исторической действительности, для виртуальных (логотипных) образов характерен отрыв от фактуальности. В когниции эти образы не различимы, ибо обладают одинаковыми семиотическими признаками. При этом нужно учитывать, что логотипные образы (например, образы вселенной Marvel), конструируемые

² Уместно вспомнить здесь концепцию козла отпущения Р. Жирара. При этом образ врага переносит позитив или негатив не на конкретного человека, персону, но на определённый антропологический образ, выполняя наряду с консолидирующей функцией психотерапевтическую.

³ Наиболее репрезентативными в понимании политической и социо-культурной ситуации в том или ином обществе оказывается не авторское кино (*auteur cinema*), которое всегда субъективно, но самые популярные или распространенные образцы массовой культуры, наиболее открыто показывающие мифологию конкретного общества, которая репрезентует «национальную идею» и национальную идентичность.

⁴ Подобной ситуации в немалой степени способствовал процесс содержательного пересмотра истории царской России и СССР, предложившего антикоммунистическую версию событий XX века.

произвольно, имеют большие адаптивные возможности по отношению к среде (индивидуальному и коллективному сознанию)⁵.

Семиотический хронотоп образа символической политики в МО. Как мы попытались показать выше, для понимания сущности феномена семиотического милитаризма важны не только конкретные инструменты когнитивного воздействия (образы и символные комплексы), но и культурные хронотопы, один — который генерирует эти сообщения и второй, в который эти сообщения поставляются.

Современное пространство-время семиотики международных отношений обладает специфическими чертами, неразрывно связанными с природой самих знаков. Семиотическая насыщенность определенного символа напрямую зависит от его хронального потенциала. Классический знак сворачивает в себе три временных лага — прошлое, настоящее и будущее. И в этом смысле он одновременно анамнестичен, дианостичен и прогностичен. Именно этим задается его устойчивость и эффективность в рамках динамично меняющейся символической политики. Образы современной символической политики характеризуются своеобразной семиотической редукцией: они теряют свои темпоральные коннотации⁶. Так, логотипные образы предполагают ситуацию, когда символ теряет своё «прошлое», а довольствуется лишь настоящим и будущим измерениями⁷. Иными словами он постепенно превращается из иконического знака в примитивный сигнал. Последний не предполагает глубокой рефлексии, а требует действия (например, подражания). Формируется тенденция к футуризации образов символической политики, которая предполагает фиксацию на будущем измерении символа, что по сути, говорит о превращении знака в симулякр⁸.

Семиотическое пространство также претерпевает определенные изменения, связанные так или иначе с его темпоральной трансформацией.

⁵ Прототипный образ (для того, чтобы сохранять свой статус) «вынужден» цепляться за историческую фактуру, репрезентуя реальные черты своего означаемого. Логотипный образ, конструируемый «из ничего», подобными правилами не ограничен.

⁶ Эвристичной в этом контексте представляется постановка проблемы через призму синхронии и асинхронии (диахронии) символа, когда последний теряет органическую связь с исходной темпоральностью, размещаясь в инородном ему времени, что с необходимостью изменяет его значение для интерпретаторов.

⁷ Показателен в данном случае пример с образом войны. Он эффективен как инструмент символической политики только когда коллективная память реальна, воспроизводима в рамках регулярных (системных) коммеморативных практик. Для многих она уже виртуальна, в том смысле, что нереальна: война в прошлом, ее нет в настоящем и не будет в будущем. Война — это не мое. Другой пример. Учитывая, что ядерная угроза для сознания населения США и России сейчас менее актуальна, чем в период ХВ (и это специфика нового этапа геополитики), визуальные метафоры приближают её в сознании, актуализируя ее настоящее и будущее измерения. Она оказывается чувствуемой, чувственно воспринимаемой. Все это трансформирует саму природу политического символа, определяя границы его применимости в рамках символической политики как на внутреннем семиотическом рынке, так и в пространстве международных отношений.

⁸ В качестве примера футуризации образа можно привести пример с концептом «коммунизм». В рамках социалистического строительства он действительно доказал в определенный момент времени свою эффективность, но оказался неустойчив к изменениям внешней и внутренней семиотической среды, потеряв привлекательность по причине недостижимости.

Экстерриториальность образов символической политики задается не в последнюю очередь всей глобализационной динамикой мирового развития. Символ теряет свою историю в том числе и по причине того, что он изымается из «оригинального» пространства, в котором он вызрел и сформировался. А пребывание вне конкретного пространства для образа чревато потерей означаемого. Почеркнем, что символы, востребующие коллективное (общее) прошлое, работают на устойчивость развития той или иной территории: не экономический детерминизм, а культурно-семиотический апеллирует к народу, населению. Экстерриториальность образов органически дополняется интердискурсивностью. Для современной символической политики характерно представление определенных символических кейсов вне их исходного дискурса⁹. Это можно рассмотреть в качестве одного из приемов когнитивного противостояния на международной арене.

В целом можно вести речь о темпоральном и топологическом поворотах в семиотике международных отношений. Время для международных акторов определяется степенью их близости к авангардным социальным группам — носителям так называемого «срединного» времени [5, с. 81—85]. Нам кажется, что в этом контексте более уместно использовать термин «опережающее» (созидающее) время, что уточняет в целом верную авторскую структуру времени, в которой важные значения обретают «эсхатологическое» (отстающее, разрушающее) время и «мобилизационное» (ускоряющее) время. Вместе с тем, понимание «нового» времени международных отношений должно учитывать его семиотическую природу, раскрывающуюся в своеобразном посмодернистском ключе: «...движение времени выражается не столько в пространстве, сколько в переключении внимания сознания», а прошлое есть «настоящее, которое потеряло значение для субъекта» [8, с. 172—173]. Получается, что время международного дискурса определяется свойствами знаков (образов), которыми он оперирует.

Динамика топологии международных отношений предполагает в значительной степени отрицание территориальной (предметной) закреплённости [1, с. 145] и утверждение закреплённости символической (образной). Происходит своеобразное территориальное абстрагирование, отвлечение физических свойства топоса, когда он активно осваивает номинальное семиотическое бытие. Пространство метафоризируется, превращаясь из физически трехмерного в семиотически одномерное, становясь сигналом или символом. Еще один момент здесь связан с тем, что публичность пространства неожиданно подверглась «приватизации» (хотя оба дискурса и сохраняют пока самостоятельность). Международные отношения расширяют свой топос за счет актуализации в дополнение к публичному пространству пространства приватного, что внесло заметные коррективы в содержание международной символической политики: оказалось, что «нельзя понять или интерпретировать независимо друг от друга области домашней, личной жизни и не домашней, экономической и политической» [15, с. 928].

⁹ Здесь можно привести пример эстонско-британской аналитики отечественного мультипликационного фильма «Маша и Медведь», который оказался угрозой европейской безопасности. К этому приводит перемещение или помещение кинематографического текста в иной дискурс, который требует иных моделей интерпретации и понимания. К месту будет вспомнить, что серьезный анализ приключений Тома и Джери предложил Славой Жижек, рассмотрев соответствующий мультфильм как пример «логики выживания» более слабого в столкновении с более сильным, агрессивным, но недалеким оппонентом.

Когнитивная безопасность в эпоху холодной войны (вместо заключения). Говоря о семиотической безопасности (которая не может по своей природе быть коллективной), следует помнить, что цель символической политики любого государства заключается в «формировании символических комплексов, способствующих целостности государства и позитивному развитию общества» при условии «развития жизненных сфер, символов-добродетелей, институтов символотворчества, связывающих знаки жизненных сфер с национальной идеей, государственными символами» [6, с. 29]. Именно она «связывает знаки и ценности разных уровней в символических комплексах, образуя иерархию, восходящую к концепциям национальной истории» [6, с. 24]. Иными словами символическая (символьная) политика призвана сформировать систему семиотических координат, в которой каждый знаковый элемент выполняет определенную системообразующую функцию.

Важное место в формировании системы символов «негативной эвристики» занимает образ врага¹⁰. Именно его структурированность, институционализированность, допустимая (умеренная) агрессивность повышают шансы того или иного социума «сохранить себя перед угрозой вызовов глобализации», увеличив «собственные жизненные шансы» [7, с. 30]. Образ врага всегда не только когнитивен, но и аффективен. А раз он эмоционален, то он апеллирует к определенной системе ценностных установок индивида и конкретного социума. И вот здесь встает вопрос о том, на сколько тот или иной знак, образ этически соответствует семиотической системе, в которую он помещается; иными словами, насколько допустимо (оправдано) семиотическое вторжение. Подспудная цель образа в рамках современной международной символической политики не столько «овражить» (дискредитировать) оппонента, но и поставить под сомнение определенную систему ценностей, с ним связанную, заставить рефлексировать над ней особым образом. Именно это измерение в рамках конструирования образа врага выходит сейчас на первый план [см.: 24]¹¹.

Этот посыл очень хорошо зафиксировал Аллен Даллес, говоря о символической политике в отношении СССР. «...Мы незаметно подменим их ценности на фальшивые... Как? Мы найдем своих единомышленников... и помощников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия самого непокоренного на Земле народа, окончательного угасания его сознания. Литература, театры, кино — всё будет изображать и прославлять самые низменные чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства, — словом, всякой безнравственности [3, с. 330]. Потеря в «новорусскую» эпоху образа врага обернулась тем, что враг трансформировался в кумира с набором определенных капитализируемых качеств. В этом ключе можно говорить уже не только о столкновении конкретных образов семиосфер,

¹⁰ Весь комплекс символов внешней символической политики можно представить в виде двух блоков знаков: образов позитивной эвристики (образов себя) и образов негативной эвристики (образов других). Первые формируют и воспроизводят собственную идентичность, тогда как вторые формируют и транслируют маркеры чужой идентичности.

¹¹ Авторы рассматривают в качестве ключевого критерия символической этики, необходимость открытости к другим (людям/культурам/обществам) и нацеленности на диалог с Другим, в том числе и в выработке глобальных ценностей. Однако, помещение подобной интенции в глобалистский дискурс создает предпосылки для информационного или, точнее, семиотического, империализма как продолжения внешнеполитической экспансии немилитаристскими методами.

но и о своеобразной войне кодов, взламывающих сознание адресата символической политики, где образы выступают в качестве когнитивных отмычек для отпирания патриотизма, антиамериканизма, русофобии...

Подобный ход размышлений приводит нас к проблеме когнитивной резистентности и, шире, безопасности. Мы понимаем под когнитивной резистентностью способность индивидуального или коллективного сознания выстраивать защитные семиотические барьеры в ситуации символического вторжения, верифицировать коды, с помощью которых предлагается интерпретировать конкретную семиотическую ситуацию. Когнитивная безопасность предстает в данном контексте как система семиотических приемов и техник верификации и фальсификации, базирующаяся на исторически апробированных ценностных и деятельностных установках, позволяющих обеспечить реализацию интересов социума.

Фокус исследовательского внимания в настоящее время смещен на феномен информационной безопасности и в частности на ее личностное измерение. Так, информационная безопасность личности задается высоким уровнем информационной культуры и предполагает владение такими навыками, как способность четко осознавать информационные потребности, выявлять и оценивать источники информации (выявлять наиболее достоверные, полные и оперативные источники информации), находить, анализировать, организовывать, интерпретировать, синтезировать информацию, оценивать эффективность процесса удовлетворения информационных потребностей [19, с. 190]. Личность, обладающая такими навыками, может эффективно противостоять вызовам современной информационной среды. Следует сказать, что приведенную выше систему «умений и владений» крайне проблематично сформировать в рамках системы образования (а именно она имеется в виду, судя по стилю автора).

Когнитивная безопасность личности формируется в основном стихийно в процессе социализации: в пространстве семьи, школьного и вузовского окружения, рабочей среды. Она связана преимущественно с освоением своей культуры (в сравнении с иными культурно-историческими типами), ее семиотического наполнения, транслирующего нормы и эталоны поведения в конкретных ситуациях, и одновременно демонстрирующего формы этологических девиаций. Взросление индивида (в том числе и в семиотическом плане) не может, как ни пытаются, уйти от механизмов подражания и отторжения. Поэтому разворачивание системы когнитивной безопасности предполагает воспроизводство и перманентную трансляцию образов врага / друга, своего / чужого в рамках символической политики с целью сохранения ценностных и деятельностных установок, выражающих сущность национального разума в формах развития этносознания.

Библиографический список

1. *Брайдотти Р.* Путем номадизма // Введение в гендерные исследования. Ч. II: хрестоматия / под ред. С. В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. С. 136—163.
2. *Вершилов С. А.* Деятельностное представление укоренённости концепта «военная безопасность» в культуре: семиотический срез // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 5-1 (43). С. 61—63.

3. Даллес Аллен, Рейнхард Гелен. Дожать Россию! Как осуществлялась Доктрина. М.: Алгоритм. ЛитРес, 2014. С. 330.
4. Дугин А. Г. Ноомахия. Три Логоса. М.: Академический проект, 2014. 447 с.
5. Ильин В. В., Панарин А. С. Философия политики. М.: Изд-во МГУ, 1994. 283 с.
6. Катицын В. М. Символьные комплексы: роль в институционализации и легитимации национальных интересов // Пространство и Время. 2013. № 3 (13). С. 20—30.
7. Кармадонов О. А. Эффект отсутствия: культурно-цивилизационная специфика // Вопросы философии. 2008. № 2. С. 29—41.
8. Летов О. В. Проблема научной объективности. От постпозитивизма к постмодернизму. М.: РАН ИНИОН, 2010. 196 с.
9. Малинова О. Ю. Конструирование макроскопической идентичности в постсоветской России: символическая политика в трансформирующейся публичной сфере // Политическая экспертиза. 2010. Т. 6. № 1. С. 5—28.
10. Марков В. И. Информационная безопасность и культура // Межотраслевая информационная служба. 2013. № 4. С. 88—91.
11. Мусихин Г. И. Концептуализация политической символизации // Политические исследования. 2015. № 5. С. 130—144.
12. Мусихин Г. И. Символизация как контекстуальный синтез политической онтологии, политической эпистемологии и политического языка // Общественные науки и современность. 2015. № 6. С. 45—57.
13. Мусихин Г. И. Политическая риторика как квазисимволизация? // Социологическое обозрение. 2016. Т. 15, № 2. С. 66—86.
14. Ожиганов Э. Н. Стратегическая культура: понятие и направления исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2012. № 2. С. 91—102.
15. Оукин С. М. Гендер: публичное и приватное // Гендерная реконструкция политических систем. СПб.: Алетейя, 2004. С. 920—945.
16. Степин В. С. Философия и образы будущего // Вопросы философии. 1994. № 6. С. 10—21.
17. Фатеев К. В. Обеспечение военной безопасности Российской Федерации: теория и практика правового регулирования: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М.: Военный ун-т МО РФ, 2012. 38 с.
18. Фетисова Ю. В. Безопасность и культурный контекст: к обоснованию понятия «культура безопасности» // Омский научный вестник. 2009. № 3 (78). С. 88—90.
19. Чурашева О. Л. Информационная культура и информационная безопасность личности // Теория и практика общественного развития. 2014. № 16. С. 188—190.
20. Booth K. Strategic Culture: Validity and Validation // The Oxford Journal on Good Governance. March 2005. Vol. 2, № 1. P. 25—28.
21. Drummond L. American Dreamtime: A Cultural Analyses of Popular Movies. N. Y.: Littlefield Adams, 1996. 344 p.
22. Gray S. C. National Style in Strategy: The American Example // International Security. 1981. Vol. 6. № 2. P. 21—47.
23. Larousse P. Dictionnaire Encyclopedique pour tous. Paris: Librairie Arousse, 1966. 1787 p.
24. Petrilli S., Ponzio A. Semiotics Today. From Global Semiotics to Semioethics // Signs. 2007. Vol. 1. Pp. 29—127.
25. Rothschild E. What is Security? / E. Rothschild // Daedalus. 1995. Vol. 124, № 3. P. 53—98.
26. The Concise Oxford Dictionary: The New Edition for the 1990s. New York: Oxford University Press, 1990. 1504 p.

РЕЦЕНЗИИ

В. В. Тихомиров

ЦЕННОЕ НАУЧНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Рец. на кн.: *Буданова И. Б., Жиликова Э. М. А. Н. Островский — переводчик итальянских драматургов.* Томск : Изд-во ТГУ, 2018.

Создатель русского национального театра А. Н. Островский был ещё и мастером литературного перевода зарубежных пьес, при этом большой интерес у него вызывал итальянский театр. Переводы Островского отличаются своеобразной стилистикой, тщательной работой со словом, внимательным отношением к жанровым особенностям пьес. Обнаруживается немало параллелей и творческих переключек пьес Островского с произведениями итальянских драматургов. Мастерство А. Н. Островского-переводчика итальянских пьес тщательно и со знанием дела характеризуется в монографии И. Б. Будановой и Э. М. Жиликовой.

Ключевые слова: Островский-переводчик, мастерство перевода, соотношение русской и итальянской драматургии.

The founder of the Russian national theatre A. N. Ostrovsky was a good hand at literary translation of foreign plays, his special interest being in the Italian theatre. The translations by Ostrovsky are characterized by a peculiar stylistics, a thorough work on words, a careful approach to the specific genre features of the plays. There turned out quite a few parallels and creative things in common between Ostrovsky's plays and the works of Italian playwrights. The art of Italian translations by A. N. Ostrovsky is thoroughly and scientifically analyzed in the monograph by I. B. Budanova and A. M. Zhilyakova.

Key words: Ostrovsky, the translator; the art of translation; the correlation of the Russian and the Italian drama.

Авторы рецензируемой монографии констатируют, характеризуя свою работу: «Впервые предпринята попытка комплексного осмысления итальянского корпуса переводов А. Н. Островского, проанализированы эстетические принципы и поэтика переводов, определена хронология деятельности Островского как переводчика итальянских авторов в контексте художественного развития русского драматурга» (с. 2)*. Действительно, монография представляет собой своего рода итог многолетних исследований переводческой деятельности создателя русского национального театра, предпринятых отечественными учёными, в части, касающейся переводов итальянских пьес. И. Б. Буданова и Э. М. Жиликова ссылаются на работы более десяти учёных и публикаторов, которые занимались переводами Островского, прежде всего с итальянского языка.

© Тихомиров В. В., 2019

* Далее ссылки на рецензируемое издание приводятся в круглых скобках с указанием номера страницы.

В монографии учтён весь спектр интересов русского драматурга к Италии и итальянской культуре: это и впечатления самого писателя от поездки в эту страну, сбор и чтение текстов итальянских драматургов, и знакомство с книгами европейских путешественников по Италии (прежде всего с «Путешествием в Италию И.-В. Гёте»). Авторы монографии скрупулёзно проследили, с текстологическим анализом и характеристикой помет Островского в книгах об Италии, весь его путь как переводчика итальянских пьес. Особенное внимание уделено работе с русскими и итальянскими фразеологизмами, с различными словарями, в том числе со словарями итальянских диалектов. Проанализирован достаточно представительный итальянский фонд, имевшийся в библиотеке драматурга. Всё это свидетельствует о стремлении Островского с наибольшей достоверностью передать русскому читателю и зрителю особенности итальянского национального характера и итальянского театра.

Как показывают исследователи, Островский своими переводами итальянских пьес по существу проявил интерес к истории итальянского театра, начиная с его античных истоков, развития комедии дель арте и комедии характеров, а также с большим вниманием отнёсся к особенностям итальянской мелодрамы. В общей сложности Островский работал над переводами пьес девяти итальянских драматургов (двенадцать наименований), причём четыре переведённые пьесы были опубликованы при его жизни, одна («Мандрагора» Н. Макиавелли) напечатана только в 1923 году, сохранились ещё несколько переведённых фрагментов пьес разных авторов, над которыми Островский работал в течение многих лет после поездки в Италию в 1862 году.

Большое внимание авторы монографии уделили отношению Островского к творчеству знаменитого итальянского драматурга XVIII века К. Гольдони, над переводом его комедии «Кофейная» Островский работал особенно тщательно. Творчество К. Гольдони оказалось интересно русскому драматургу прежде всего тем, что он создал театр, во всех отношениях, и по характерам персонажей, и по сюжетным историям, и по языку близким народу. Не случайно исследователи допускают возможность использования Островским опыта итальянских авторов, и не только Гольдони. Авторы монографии обнаружили некоторые параллели в сюжетостроении и характерологии, например, комедий Гольдони «Кофейная» и Островского «Не было ни гроша да вдруг алтын», сделали убедительные выводы о близости просветительских взглядов на человека у итальянского и русского драматургов.

Наблюдения над принципами и приёмами переводов Островского базируются в книге И. Б. Будановой и Э. М. Жилияковой на тщательном анализе помет переводчика в тексте итальянских пьес, прежде всего Гольдони. Делается вывод, что Островский нередко сокращал многословные фразы, особенно отличающиеся дидактизмом и морализацией, которые зачастую были характерны для пьес итальянских драматургов. «За счёт этого убыстряется темп самих диалогов», — замечают авторы монографии (с. 75—76).

Островский не стремился к буквализму переводов, он учитывал специфику русского читателя и зрителя и подчас, как отмечают исследователи, «русифицировал текст», меняя некоторые акценты. В отдельных случаях он позволял себе не просто перевод, а переделку итальянского текста с русификацией фамилий, географических названий, элементов быта — например, при переводе комедии Т. Чикони «Заблудшие овцы» в 1868 году. Кроме того, некоторые переводческие «вольности» Островский практиковал с целью сократить, смикшировать свойственную итальянской речи аффектацию. Этим объясняются

и достаточно многочисленные текстовые купюры. Все эти факты, которые свидетельствуют о творческом подходе русского драматурга к переводам, тщательно зафиксированы и прокомментированы авторами монографии.

Рецензируемая монография интересна ещё и тем, что её авторы постоянно проводят параллели между переводными и оригинальными пьесами Островского, находя между ними немало общего, прежде всего потому, что русский драматург выбирал для перевода пьесы, которые были ему интересны, перекликались по своим нравственным, психологическим, художественным, в частности жанровым, а подчас и социальным особенностям с его творчеством. Поэтому книга об Островском-переводчике с итальянского даёт своеобразную «подсветку» для более глубокого понимания творческих поисков самого русского драматурга.

Наиболее подробно в книге И. Б. Будановой и Э. М. Жилияковой рассмотрены некоторые переклички между комедией Островского «Лес» и драмой П. Джакометти «Гражданская смерть» (в переводе Островского эта пьеса получила название «Семья преступника»). Над обеими пьесами драматург работал во второй половине 1870 года. Премьера итальянской пьесы состоялась 21 января 1871 года в Малом театре, и в это же время в № 1 «Отечественных записок» опубликована комедия «Лес».

В содержании пьес нет ничего общего, однако точки сближения прослеживаются в жанровых особенностях (обе пьесы — мелодрамы с элементами социального протеста) и в характерах главных персонажей — Коррадо у Джакометти и Несчастливцева у Островского. Оба героя, каждый по-своему, проживают непростую жизнь и в финале оказываются способными на добрые поступки и жертвы, причём, как показывает знакомство с творческой историей комедии «Лес», характер её героя эволюционирует в сторону усиления добрых человеческих качеств, возможно, в процессе одновременной работы автора над переводом итальянской пьесы. Персонажей Джакометти и Островского сближает то, что оба они становятся людьми с «развитым личностным сознанием» (с. 150).

Не менее основательно авторы монографии проследили специфику незаконченных переводов Островским пьес итальянских драматургов А. Грацини, К. Гоцци, И. Франки, Р. Кастельвеккио, Т. Чикони, П. Косса, Н. Макиавелли с присущими каждому из них жанровыми, историческими, философскими, бытовыми особенностями. Всё это свидетельствует о большом вкладе Островского в процесс изучения специфики одного из древнейших в Европе итальянского театра и ознакомления с ним русской публики.

В целом монография И. Б. Будановой и Э. М. Жилияковой «А. Н. Островский — переводчик итальянских драматургов» представляет собой ценное научное исследование, во многом разъясняющее переводческие способности создателя русского национального театра, а также проливающее свет на некоторые особенности его творчества в целом.

Сведения об авторах

БАЛДИН Кирилл Евгеньевич доктор исторических наук, профессор, кафедра истории России, Ивановский государственный университет. kebaldin@mail.ru

ЕВСЕЕВ Владимир Александрович доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Ивановский государственный университет. yevseyev@mail.ru

КОВРОВ Тимур Артушевич аспирант 2 года обучения направления 46.06.01. «Исторические науки и археология» направленности «Отечественная история», кафедра истории России, Ивановский государственный университет. covrov.t@yandex.ru

ОРЕШКИН Олег Юрьевич учитель истории Государственного бюджетного общеобразовательного учреждения города Москвы «Школа № 1256 имени Героя Советского Союза И. С. Полбина». oreshkin_86@mail.ru

ПАНИН Алексей Станиславович кандидат исторических наук, доцент, Уральский институт бизнеса (Челябинск), редактор, Челябинская областная специальная библиотека для слабовидящих и слепых. Aspid71@rambler.ru

СМИРНОВ Дмитрий Григорьевич доктор философских наук, доцент, старший научный сотрудник факультета политологии, Санкт-Петербургский государственный университет. dissovet_212@mail.ru

СТРАШНОВ Сергей Леонидович доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный университет. sstrashnov@yandex.ru

ТИХОМИРОВ
Владимир Васильевич доктор филологических наук, профессор,
кафедра отечественной филологии,
Костромской государственной университет.
vtihom@mail.ru

ФАРХУТДИНОВА
Фения Фарвасовна доктор филологических наук, профессор
кафедры практического русского языка,
Ивановский государственный университет.
fenfar@mail.ru

ЮДИН
Кирилл Александрович кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России,
Ивановский государственный университет.
kirill-yudin.hist@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«ВЕСТНИКА ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **УДК** (для естественных и технических специальностей), **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В каждом пункте библиографического списка, составленного в алфавитном порядке (сначала произведения на русском языке, затем на иностранном), приводится одна работа. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать полный почтовый адрес автора, его телефон, фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, должность. Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

8. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

ПРАВИЛА РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ

1. Статьи авторов, являющихся преподавателями, сотрудниками или обучающимися ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании письменного решения (рекомендации) кафедры или научного подразделения ИвГУ и рецензии доктора наук, не являющегося научным руководителем (консультантом), руководителем или сотрудником кафедры или подразделения, где работает автор.

2. Статьи авторов, не работающих и не обучающихся в ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании рекомендации их вуза или научного учреждения и рецензии доктора наук, работающего в ИвГУ.

3. Поступившие статьи проходят далее рецензирование одного из членов редколлегии соответствующей серии (выпуска), являющегося специалистом в данной области.

4. Статья принимается к публикации при наличии двух положительных рецензий и положительного решения редколлегии серии (выпуска). Порядок и очередность публикации статьи определяются в зависимости от объема публикуемых материалов и тематики выпуска.

5. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной (электронной) форме. Авторы имеют право на доработку статьи или ее замену другим материалом.

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**
Серия «Гуманитарные науки»
2019. Вып. 4

директор издательства *Л. В. Михеева*
технический редактор *И. С. Сибирева*
компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Издается в авторской редакции

Дата выхода в свет 26.12.2019 г.

Формат $70 \times 108^{1/16}$. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 7,9. Уч.-изд. л. 6,8. Тираж 26 экз. Заказ № 143. Цена свободная

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

**Вестник
Ивановского
государственного
университета**

Научный журнал

4 ВЫПУСКА

Адресован преподавателям,
научным сотрудникам,
студентам вузов

Распространяется по предварительным заявкам и подписке

Освещает результаты
фундаментальных и прикладных исследований,
осуществляемых учеными
Ивановского государственного университета,
по гуманитарным наукам

Журнал основан в 2000 году

Выходит ежеквартально